AMERICA

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Факультет журналистики
Общество по изучению культуры США
Материалы XXXV Международной конференции

Москва, 11-18 декабря 2009 г.

Плюрализм в культуре США: литература, история, искусство

Cultural Pluralism: History, Literature, Art

Lomonosov Moscow State University,
Journalism Department
Russian Society of American Culture Studies
Materials of the XXXVth International Conference

December 11-18, 2009

ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ США
зарегистрировано Министерством юстиции Российской Федерации 30.12.97 рег. № 8652
Адрес: к. 217, Моховая 9, Москва, К-9,
125009, Россия
www.rsacs.org

Редакционная комиссия:
Профессор Я.Н. ЗАСУРСКИЙ
Профессор А.В. ВАЩЕНКО
Доктор филологических наук М.М. КОРЕНЕВА

Ответственный редактор:
Кандидат филологических наук Л.Г. МИХАЙЛОВА
larmih@gmail.com

**Плюрализм в культуре США:
литература, история, искусство**

Материалы XXXV международной конференции Российского общества по изучению культуры США 11-18 декабря 2009 / под ред. Л.Г. Михайловой. М.: МедиаМир, 2011, 317 с.

Иллюстрации: М. Князевой (стр 3, 25, 47, 107, 159, 189, 203, 259, 279).

© Факультет журналистики МГУ, 2011

ISSN 1561-6193-35

Секция 1.
Журналистика США и культурный плюрализм

Section 1.
Journalism and Cultural Pluralism in the USA

И.Б. Архангельская,
Нижегородский коммерческий институт,
Россия

Американские печатные СМИ эпохи глобализации и культурного плюрализма: анализ онлайн-версий *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* (3-9 августа 2009 г.)

В информационную эпоху «четвертой волны» медийное пространство все больше превращается в одну «глобальную деревню»: все крупные печатные СМИ предлагают читателям не только газеты и журналы в бумажном формате (их тираж постоянно падает), но и онлайн-версию своих изданий, что позволяет осуществлять ежедневный мониторинг СМИ из любой точки.

Развивается плюрализм культур, и все американские печатные СМИ стараются показать жизнь страны во всем ее многообразии, помня о традициях белой протестантской Америки, афро- и латиноамериканцев.

В данной статье рассмотрены материалы по международным и внутренним вопросам (информации, репортажи, аналитические статьи, мнения и комментарии журналистов в авторских блогах), размещенные на сайтах трех влиятельных американских газет с тиражами от 1,5 до 2,5 млн. экземпляров: *The New York Times* («Нью-Йорк Таймс») *The Wall Street Journal* («Уолл-Стрит Джорнэл»), *USA Today* («Ю-Эс-Эй Тудей»), за период с 03.08.09 по 09.08.09.

Целью исследования был контент-анализ онлайновых версий *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* (3-9 августа 2009 г.), и задачи сводились к тому, чтобы определить, насколько три популярные, но очень разные американские газеты затронула глобализация, чем издания отличаются друг от друга: какие события считают ключевыми и выносят в колонку наиболее актуальных (top stories), какие оценки даны различным международным и внутренним вопросам в аналитических материалах, какие персоны являются ведущими ньюсмейкерами недели, какую повестку дня

формируют, чем отличается содержание американских газет первой недели августа 2009 г. от первой недели августа 2008 г. Периферийно была рассмотрена проблема культурного разнообразия на страницах трех онлайн-версий СМИ.

Хотя первая половина августа – период отпусков, в мире и стране за эту неделю произошло большое количество событий, которые получили освещение в американских СМИ, среди них – миссия Билла Клинтона в КНДР по освобождению американских журналисток, избрание Сони Сотомайер судьей Верховного суда. К тому же, данный отрезок времени интересен тем, что он предшествует годовщине начала войны в Южной Осетии в августе 2008 г., поэтому в газетах присутствует российская тематика, и можно проанализировать отношение ведущих американских печатных СМИ к России в целом и ее политике на Кавказе.

Следует отметить, что *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* ориентированы на разные аудитории, поэтому проблематика, язык и формат материалов не совпадают, но, как это ни удивительно, ключевые темы в них, как правило, одинаковы. Все три газеты в своих сетевых версиях размещают материалы как своих журналистов, так и новости с лент информационных агентств, в основном – *Associated Press*.

USA Today – общенациональная полноцветная газета с самым высоким в США тиражом: 2,1 млн. – в будние дни, более 2,5 млн. экземпляров – тираж воскресного выпуска. Газета в популярной форме рассказывает американцам об основных событиях в области политики, бизнеса, культуры, спорта, образования. По сравнению с *New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* – молодое СМИ. Основанная в 1982 г., газета относится к т. н. мейнстриму: задача такого типа СМИ, как точно сформулировал американский лингвист, общественный деятель и публицист Наум Хомский, информировать, развлекать и формировать консенсус между обществом и властью. Ориентированная на среднего американца, газета уделяет больше внимания внутренним проблемам США, чем международным вопросам. Ситуация в стране, покупка недвижимости и автомобиля, спортивные новости, обзоры кинорынка – основная тематика USA Today. Номер имеет онлайн-версию, с которой можно ознакомиться бесплатно.

Газета старается быть интересной для всех групп американцев, независимо от их вероисповедания, образования и цвета кожи.

The Wall Street Journal является деловой ежедневной газетой, в центре внимания которой традиционно находятся экономическая вопросы, новости компаний, бирж и фондовых рынков, но в ней также можно найти материалы о политике и других актуальных темах, волнующих американцев. Она традиционно была адресована бизнес-элите. После того, как газета была куплена австралийским медиамагнатом Р. Мердоком в 2008 г., количество материалов, посвященных международным делам, внутренней политике и выборам значительно увеличилось, в то время как деловые новости и бизнес-аналитика сократились более чем в два раза, что свидетельствует о смене курса издания [Jurkowitz]. Аудитория *The Wall Street Journal* несколько расширилась. И все же ее задача определять «повестку дня»: объяснять что первично и что вторично в политике и экономике, какие существуют тренды, как к ним следует относиться. Специалисты, ознакомившись с материалами издания, в свою очередь, далее транслируют полученную информацию рядовым гражданам. Основные новости *The Wall Street Journal* находятся в свободном доступе онлайн. Текущий номер и эксклюзивная аналитика доступны только читателям, оформившим подписку на сетевую версию издания. На онлайн-издание подписана 931 тыс. человек, при тираже бумажной версии около 2 млн. В последний год издания, входящие в холдинг Р. Мердока Newscorp, терпят серьезные убытки. В связи с этим доступ ко всем материалам *The Wall Street Journal* может стать платным в ближайшем будущем.

The New York Times гордится своей долгой (основана в 1851 г.) и славной историей. Тираж воскресного выпуска около 1,5 млн., ежедневного – 1,1 млн. Именно журналисты этой газеты опубликовали в 1971 г. секретные документы Пентагона (Pentagon Papers), раскрывающие постыдные тайны войны во Вьетнаме. Газета по праву считается образцом демократической прессы и имеет 16 офисов в штате Нью-Йорк, 11 филиалов в других штатах США, 26 зарубежных бюро, в том числе одно в Москве. *The New York Times* стремится поддерживать демократические свободы в США, раз-

вивать демократию и продвигать американские ценности за рубежом. Культурный плюрализм – одна из ключевых ценностей издания, что ее руководство и журналисты постоянно подчеркивают в своих материалах.

Год назад в первую неделю августа 2008 г. ключевыми темами всех трех печатных СМИ были президентская избирательная кампания, Олимпиада в Пекине, южно-осетинский конфликт, который большинство американских журналистов называло «российской агрессией», а также экономический кризис. Избирательная кампания в августе прошлого года вошла в период затишья между прошедшими праймериз и съездами партий, и в первую неделю августа выборы по популярности немного уступали Олимпиаде в Пекине. Тем не менее, основными ньюсмейкерами августа 2008 г. были политики: Барак Обама, Джон Маккейн, Хиллари Клинтон, Джордж Буш, а также пловец Майкл Фелпс. Среди компаний, имена которых наиболее часто упоминались за этот период, оказались «Фредди Мак» и «Фанни Мэй» (в связи с кризисом на ипотечном рынке США), а также «Гугл» – активно осваивающий IT-сферу.

Журналисты *The Wall Street Journal*, анализируя экономическую ситуацию в стране в августе 2008 г., неоднократно ссылались на председателя Федеральной Резервной Системы Бена Бернанке и ее бывшего председателя Алана Гринспена. На страницах *The New York Times* мелькало имя нового владельца *The Wall Street Journal* Р. Мердока: изменения, происходящие в купленной им *The Wall Street Journal*, беспокоили деловые и академические круги, а также представителей массмедиа.

В связи с начавшейся 8 августа войной между Южной Осетией и Грузией в 2008 г. на страницах *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* упоминались имена Михаила Саакашвили, Владимира Путина, Дмитрия Медведева. Если в телевизионном эфире американская сторона заняла жесткую антироссийскую позицию, то все три рассматриваемых нами газеты пытались показать сложность происходящего. *The New York Times* и *The Wall Street Journal* давали по теме новости, репортажи, аналитику. Помимо ежедневных новостей из зоны конфликта, газета *USA Today* 8 августа 2008 г. простым языком в формате вопросов и ответов

объяснила средним американцам, что происходит в Южной Осетии и какие возможны варианты развития ситуации [Stinson]. Проблемы внутри страны доминировали в газете даже в разгар конфликта.

Главные темы онлайн-версий газет *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* за первую неделю 2009 г. значительно изменились по сравнению с 2008 г., но экономический кризис по-прежнему оставался в центре внимания.

Важным событием первой августовской недели 2009 г. всех трех онлайновых версий СМИ стали поездка экс-президента Билла Клинтона в Северную Корею для освобождения американских журналисток канала «Каррент ТВ» (Current TV) Лоры Линг (Laura Ling) и Юны Ли (Euna Lee), избрание латиноамериканки Сони Сотомайер судьей Верховного суда и, конечно, обсуждение предложенных президентом Обамой реформ в сфере здравоохранения.

Поездка Клинтона освещалась в новостях, репортажах, в том числе фоторепортажах, обсуждалась в блогах и на форумах. Успех Клинтона был назван триумфальным журналистами всех трех изданий, активно шла дискуссия о том, была ли поездка Клинтона санкционирована Белым Домом. Начиная с 5 августа, на страницах газет появились аналитические материалы, в которых рассматривалась перспектива улучшения отношений США и Северной Кореи, но 8 августа тема была закрыта и были очевидны сигналы, что Белый Дом не планирует вести дипломатические переговоры с северокорейскими властями.

Фотография американской делегации с Ким Чен Иром на фоне стены с морским пейзажем вызвала широкий резонанс в онлайновых версиях СМИ. Журналист *The Wall Street Journal* Э. Гибсон в статье «Почему диктаторы любят китч», сравнив фоновый морской пейзаж в северокорейском зале для приемов с советским монументом «Рабочий и колхозница» скульптора В. Мухиной и военным памятником в Багдаде, пришел к выводу о том, что в тоталитарном искусстве есть несомненные параллели [Gibson]. Однако между тремя объектами мало общего. Монументы сталинской эпохи, к которым принадлежит «Рабочий и колхозница», схожи с памятниками Германии, Италии и Испании 30-40-х гг. и не имеют ничего общего с фотопанно из Пхеньяна. Но Гибсон, вероятно, находясь в плену

существующих стереотипов о «странах-изгоях», ставит в один ряд северокорейское оформление зала официальных церемоний с российскими и иракскими монументами. Интересно отметить, что читатели *The Wall Street Journal* в комментариях на форуме после статьи поставили под сомнение профессионализм Гибсона как искусствоведа тоталитарной эпохи.

Еще одной «долгоиграющей» темой недели было избрание латиноамериканки Сони Сотомайер судьей Верховного суда. Об этом писали все ведущие газеты США. В *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* эта тема фигурировала как в новостях, так и в аналитических статьях. Дискуссия вокруг избрания Сотомайер оставалось на первых полосах газет в течение нескольких недель, поскольку Верховный суд играет огромную роль в США, его решения могут кардинально изменить жизнь американцев. Каждый пришедший к власти президент стремится продвинуть своего человека в Верховный суд, если место освобождается. Сотомайер – первая латиноамериканка в Верховном суде. Ее избрание, которому предшествовала дискуссия и голосование в Конгрессе США, стало победой демократов, и администрации Барака Обамы, на что обратили внимание все три газеты. Также этот случай является примером политики «равных возможностей» в США.

Ключевыми темами всех трех онлайн-изданий были также экономический кризис, проблемы американского автопрома, обсуждение программы Б. Обамы по реформированию системы здравоохранения, в результате которой качественное медицинское обслуживание станет доступным всем американцам, в том числе малоимущим, не имеющим страховых полисов. Администрация Обамы пытается вернуться к инициативе, которую в 1990-е гг. выдвинули Билл и Хиллари Клинтон, но сопротивление республиканцев 1994 – 1995 гг. было сильно. Начавшиеся скандалы и судебные тяжбы вокруг семьи Клинтонов остановили их борьбу за реформу. Предложенная президентом Обамой программа медицинского страхования обсуждается с середины июля всеми СМИ, и в первую неделю августа дебаты достигли своего пика.

Газеты *USA Today* и *The New York Times* подробно освещали дебаты по проблемам здравоохранения США, идущие на уровне Конгресса и муниципалитетов. Предоставляя площадку для дискуссий как демократам, так и республиканцам,

оба издания старались оставаться нейтральными, но подчеркивали, что программа Обамы слишком дорогостоящая. Либеральная *The New York Times* пыталась убедить читателей, что реформа системы медицинского страхования в США необходима. В блоге профессора Кругмана тему обсуждали сотни американцев, и Кругман пытался убедить участников дискуссии в том, что от плана Обамы выиграют все, но, судя по оставленным отзывам, не все читатели разделяли эту точку зрения [Krugman].

Газета *The Wall Street Journal* в период 03.08.09 – 09.08.09 разместила онлайн несколько десятков статей о возможной реформе американского здравоохранения. В большинстве материалов авторы ставили под сомнение эффективность предложенных администрацией Обамы мер по совершенствованию системы медицинского обслуживания и утверждали, что дорогостоящая реформа ляжет тяжелым грузом на плечи налогоплательщиков [Laffer; Rove]. Обозреватель *The Wall Street Journal* Д. Таранто в статье «Оставьте Барака одного!», подробно анализируя тексты выступлений как самого Обамы, так и его сторонников, пришел к выводу о том, что сами реформаторы не могут объяснить, как будет работать новая система здравоохранения и в чем ее преимущества перед существовавшей [Taranto]. Таким образом, статьи *The Wall Street Journal* сформировали достаточно негативное отношения к идее реформирования американского здравоохранения по плану Обамы. Газета отражает точку зрения не только консервативных кругов, республиканцев, но и многих средних американцев, независимо от их политических пристрастий. Об этом свидетельствуют дискуссии, развернутые в форумах после каждой статьи. Так, в большинстве из 800 откликов на статью П. Нунан «Вы пугаете нас» выражено негативное отношение к инициативам президента [Noonan].

Тема медицинского страхования активно обсуждалась в Сети читателями всех трех газет, причем большинство выступило против нововведений Обамы, что свидетельствует о том, что часть Америки не готова к переменам и боится огосударствления экономики.

Топ-новости недели 03.08.09 – 09.08.09 американских СМИ, согласно индексу PEJ (Project for Excellence in

Journalism), который регулярно публикует Pew Research Center, выглядят следующим образом:

1) Дебаты вокруг реформы системы американского здравоохранения

2) Экономический кризис

3) Северная Корея

4) Проблемы американского автопрома

5) Соня Сотомайер [PEJ News Coverage Jndex].

Анализ материалов онлайн-версий *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* с 03.08.09 по 09.08.09 показал, что в целом наиболее популярные темы трех изданий и других американских СМИ совпадают. *The New York Times, The Wall Street Journal* ориентированы не только на американскую, но и на международную аудиторию: проблемы экономического кризиса не только в США, но и во всем мире всесторонне освещаются ими.

Таблица 1. Рейтинг ключевых тем недели в онлайн-версиях *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* 03.08.09 – 09.08.09

№	*The New York Times*	*The Wall Street Journal*	*USA Today*
1.	Экономический кризис	Экономический кризис	Американский автопром и программа «Деньги за старые автомобили»
2.	Американский автопром и программа «Деньги за старые автомобили»	Американский автопром и программа «Деньги за старые автомобили»	Реформа здравоохранения в США
3.	Поездка Билла Клинтона в Северную Корею	Реформа здравоохранения в США	Экономический кризис
4.	Избрание С. Сотомайер судьей Верховного суда	Поездка Билла Клинтона в Северную Корею	Поездка Билла Клинтона в Северную Корею
5.	Реформа здравоохранения в США	Прогнозы ФРС	Избрание С. Сотомайер судьей Верховного суда
6.	Конфликт между Грузией и и Южной Осетией/ стрельба в фитнес- центре в Пенсильвании	Избрание С. Сотомайер судьей Верховного суда	Стрельба в фитнес-центре в Пенсильвании

Газета *USA Today*, напротив, адресована исключительно американской аудитории, поэтому программа «Деньги за старые автомобили», а также предложенная президентом Бараком Обамой реформа медицинского страхования находятся в центре внимания журналистов. Набор ключевых тем в сетевых газетах *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* незначительно варьируется. Годовщине военных действий в Южной Осетии был посвящен ряд материалов во всех трех СМИ, но наиболее часто к этой теме обращались журналисты *The New York Times*.

Со страниц всех трех газет журналисты транслировали заявление Обамы о том, что экономика идет на поправку. Это сообщение, несомненно, носило установочный характер и было направлено на смену настроения американцев с тревожного на более позитивное, а также на формирование покупательской активности.

Российская тематика оставалась в ранге событий второго ряда во всех американских СМИ в период 03.08.09 – 09.08.09. Но, тем не менее, Россия упоминалась на страницах газет чаще, чем страны Европы, и основными поводами для этого были присутствие российских подводных лодок у берегов Америки, оценка войны августа 2008 г. в Южной Осетии, российские базы в Киргизстане, возможности улучшения американо-российских отношений и заключение совместных договоренностей по разоружению. Следует отметить благожелательный тон, в котором в целом обсуждалась российская тематика в *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today*.

Все три издания старались сохранять объективность и нейтралитет в оценке военного конфликта в Южной Осетии августа 2008 г, но скрытая поддержка Грузии ощутима в ряде материалов. Так, репортажи о годовщине военных действий велись из Тбилиси и Гори, но не Цхинвали. Журналист *New York Times* К.Д. Леви обратил внимание на то, что в результате конфликта погибло меньше осетин, чем заявляла Россия, поэтому, по его мнению, нельзя происшедшее назвать геноцидом [Levy]. В статье содержится подтекст: если заявленные ранее цифры не соответствуют действительности, то и другая информация с российской и южноосетинской стороны может вызвать недоверие.

Многие журналисты пишут, что и Грузия, и Россия продолжают выяснять, кто был прав, а кто виноват, кто первым начал войну. М. Чэмпион из *The Wall Street Journal*, анализируя причины начала военных действий, не дает ответов на эти вопросы, но высказывает предположение, что российские войска могли спровоцировать Грузию своими передвижениями по территории Южной Осетии за несколько дней до начала конфликта. Таким образом, он ставит под сомнение российскую версию развития событий в августе 2008 г. [Champion].

Во многих статьях авторы отмечают, что в преддверии годовщины военных действий на границе Грузии и Южной Осетии возросла напряженность, и обе стороны обвиняют друг друга в обстреле приграничных территорий. Никто из журналистов не дает прогнозов о том, как могут в дальнейшем развиваться события в регионе.

Больший интерес, чем события в Южной Осетии, у американцев вызвало появление в нейтральных водах к востоку от США русских субмарин. В связи с этим некоторые журналисты вспоминали Карибский кризис. Однако в целом событие не вызвало беспокойства, и материалы на эту тему носили сбалансированный характер. Например, журналисты *New York Times* М. Мазетти и Т. Шанкер, отметили, что российский флот, который когда-то был одним из самых сильных в мире, значительно ослаб, но в 2008 г. российская флотилия участвовала в военных учениях у берегов Венесуэлы. Следует отметить, что тон сообщения о совместных военно-морских учениях России и Венесуэлы оставался спокойным [Mazzetti, Shanker]. Тем самым американцы демонстрируют, что не видят в этих действиях России угрозы, а также не считают Россию, как это было с СССР, опасным противником. Американцы отмечают как положительный фактор помощь, которую военно-морские силы РФ оказывают международному сообществу в борьбе с пиратами.

В период с 3 по 9 августа 2009 г. события внутри страны составляли большую долю материалов в сетевых версиях *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today*, чем зарубежные. Среди ньюсмейкеров недели лидируют политики: Барак Обама, Билл Клинтон, Соня Сотомайер, спикер Палаты представителей Конгресса Нэнси Пелози. Определенное вни-

мание было также уделено 48-летнему американцу Джорджу Содини, открывшему стрельбу в спортивно-оздоровительном центре в пригороде Питтсбурга Бриджвилл, госсекретарю Хиллари Клинтон в связи с ее зарубежными поездками и Майклу Джексону: причины его смерти и похороны продолжали обсуждать все СМИ.

Из зарубежных стран в эту неделю в *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* наиболее часто упоминались Южная Корея в связи с визитом в Пхеньян Билла Клинтона, а также Афганистан, поскольку эта страна остается площадкой военных действий США и стран НАТО. Россия упоминается так же часто, как Китай, Ирак и Грузия. Если интерес к России и Грузии на неделе во многом обусловлен годовщиной южноосетинского конфликта, то Китай упоминается в основном в более позитивном контексте – в разделе «Экономика и бизнес». Интерес к Ираку значительно упал за последние два года но, тем не менее, газеты регулярно информируют общественность о происходящих событиях в этой стране. События, происходящие у «соседей», в странах Латинской Америки, регулярно освещаются американскими СМИ.

Анализ *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* за первую неделю августа свидетельствует о том, что в центре внимания американских СМИ по-прежнему остаются события внутри США. Американцев волнуют возможное реформирование системы медицинского страхования, уровень безработицы в стране и социальная поддержка граждан, возможности и условия приобретения недвижимости и автомобилей.

В центре внимания всех трех газет находились американские политики, при этом президент Обама, как и в прошлом году, возглавил список ньюсмейкеров.

На основании анализа содержания сетевых версий *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* за одну неделю августа 2009 г. нельзя делать глобальных выводов. Однако из картины недели можно сформировать картину месяца и года. Следует отметить, что во всех трех изданиях присутствуют схожие повестки дня, одни и те же ключевые ньюсмейкеры, дискуссии на форумах.

Все большую роль играет визуализация сетевых газет, особенно фоторепортажи.

Формирование повестки дня идет не только через аналитические статьи, но и через блоги журналистов. Блогосфера, как и форумы, стала площадкой для выражения мнения автора и дискуссий по актуальным вопросам. Изучение этого сектора важно для изучения общественного мнения.

Судя по количеству откликов, оставленных на форумах всех трех изданий, посещаемость ресурсов достаточно высока.

Несомненно, роль онлайн-версий газет будет увеличиваться. Это создает проблемы для бумажных СМИ, но, вместе с тем, дает возможность редакциям оптимизировать расходы, а также использовать новые инструменты в привлечении читателей, в том числе подписчиков онлайн-версий, рекламодателей и спонсоров.

Культурное разнообразие, политика «равных возможностей», – характерные темы всех трех изданий, включая *The Wall Street Journal.* Вместе с тем, все три газеты являются неотъемлемой частью глобального медийного пространства. Неточность или оговорка журналиста может быть замечена не только американскими, но и китайскими или русскими читателями, которые могут оставить комментарий в журналистских блогах или на газетных форумах.

Irina Arkhangelskaya,
Nizhny Novgorod Commercial Institute,
Russia

American Print Media in the Age of Globalization and Cultural Pluralism: Analysis of *The New York Times, The Wall Street Journal,* and *USA Today* Online Versions (Aug. 03 – 09, 2009)

In the information age of the «fourth wave», mass media is turning into a «global developing cultural pluralism village»: the main newspapers and journals offer its readers not only their paper but also online versions. That allows daily media monitoring from any part of the world.

Developing cultural pluralism all American newspapers try to show diversity of the US life taking into consideration WASPs, Afro- and Latin American traditions.

Online materials (news, reports, analytical articles, journalists' blogs) of three leading American newspapers: *The New York Times, The Wall Street Journal*, and *USA Today*, – on international and domestic issues for the period Aug. 03 – 09, 2009 are analyzed in the paper.

The research, based on the content analysis, has been carried out in order to define:

1) top stories in each of the three media outlets,

2) leading newsmakers,

3) types of agenda set in the papers,

4) differences or similarities between the content of American papers for the 1st week of August 2009 and the 1st week of August 2008,

5) cultural diversity in American newspapers.

The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today have different kind of readership, tackle different issues, and thus, their format, agenda, and language are not the same, but, as a rule, they cover similar key themes. *USA Today* belongs to «mainstream» media that is supposed to inform, entertain and build consensus between people and the power. *The New York Times* и *The Wall Street Journal* are more elite oriented: their aim is agenda-setting.

The top stories of the first August week in 2008 included presidential campaign, Beijing Olympiad, the military conflict in South Ossetia, and economic slowdown. The main newsmakers were Barrack Obama, John McCain, Hillary Clinton, and a swimmer Michael Phelps.

The research shows that the top stories of the 1st August week 2009 are absolutely different from those of the 1st August week 2008 thought they are practically the same as in other US media during that week.

The analysis proved that domestic problems are of more importance to American people than foreign affairs. *The New York Times* and *The Wall Street Journal* are oriented not only on American but international audience as well. Thus, economic crisis in the US and the world topped their story list during the 1st August week 2009, while *USA Today* which addresses mainly American readers concentrated most of all on situation in the US auto industry and program 'Cash for clunkers'.

Election of S. Sotomayer justice of the Supreme Court was one of the top stories of the week. As Sotomayer is the first Latin American woman to be elected for the position the problem was widely discussed in all papers. Her appointment became a proof for many Americans, especially Latinos, that 'equal opportunity' policy works.

Obama's healthcare program was hotly discussed in the papers. Liberal *The New York Times* tried to persuade its readers that the country needed Medicare reform. The *USA Today* covered debates on healthcare trying not to take sides but questioning the cost of the initiative. *The Wall Street Journal* in articles and journalists' blogs expressed its negative attitude towards the reform persuading the public that Obama himself does not know what to do.

Healthcare plan was discussed in forums that followed articles, most of the readers (approx. 65%) showed no trust in its success, considering it to be too expensive for tax-payers: a large part of the American citizens is not prepared to the healthcare reform and is afraid of the industry's nationalization.

Problems of the US auto industry and program "Cash for clunkers", Bill Clinton's visit to North Korea, and election of Sonya Sotomayer to the Supreme Court were among the most popular themes of the week in *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today*.

Russian issues were of secondary importance in all US papers during the period of 03.08.09 – 09.08.09, the main "Russian" topics being one-year anniversary of the war in South Ossetia, presence of Russian submarines close to the US East coast, opening of the 2d military Russian military base in Kyrgyzstan as well as possibilities of improving US-Russia relations. The tone in all those materials was rather friendly. As for South Ossetia-Georgia conflict, all three papers tried to sound neutral, but as they reported about the conflict anniversary only from Georgia (Tbilisi or Gori), not from South Ossetia, the stories seemed biased. At the same time the journalists of *The New York Times* and *The Wall Street Journal* in the analytical articles dug deep into the roots of the conflict, showed its complexity, and did not dare to make any forecasts.

Top stories of *The New York Times* и *The Wall Street Journal, USA Today* online versions
(03.08.09 – 09.08.09)

№	*The New York Times*	*The Wall Street Journal*	*USA Today*
1.	Economic crisis	Economic crisis	The US auto industry And program "Cash for clunkers"
2.	The US auto industry and program "Cash for clunkers"	The US auto industry and program "Cash for clunkers"	Healthcare reform in the US
3.	Bill Clinton's visit to North Korea	Healthcare reform in the US	Economic crisis
4.	Election of S. Sotomayer justice of the Supreme Court	Bill Clinton's visit to North Korea	Bill Clinton's visit to North Korea
5.	Healthcare reform in the US	FRS forecasts	Healthcare reform in the US
6.	Georgia – Russia conflict in South Ossetia / Shooting in Pennsylvania fitness-center	Election of S. Sotomayer justice of the Supreme Court	Shooting in Pennsylvania fitness-center

Upon the whole, internal problems remain of greater interest to American public, and the analysis of *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, and *USA Today* online versions during a week Aug 3 – 9, 2009 proves it. Politicians: Barack Obama, Bill Clinton, Sonya Sotomayer and Nancy Pelosi, are the top newsmakers of the week. Some attention is also paid to Hillary Clinton, 48-year old George Sodini, a shooter who attacked fitness center in Pittsburgh's suburb, Pennsylvania, and Michael Jackson whose death still caused many rumors.

Visualization and photo reports are playing greater role in online papers.

Blogs and forums have become not only a site for hot debates, but also a platform for agenda-setting. Their importance for public opinion studies is unquestionable.

No doubt, the role of online papers will be increasing. And it gives the editorship opportunities to optimize expenditures, to apply new instruments for attracting readers, advertisers,

sponsors as well as increasing the number of online subscribers.

Cultural diversity and 'equal opportunity' policy are typical for the three analyzed newspapers, *The Wall Street Journal* being among them. At the same time *The New York Times, The Wall Street Journal*, and *USA Today* constitute a part of the global media space in which any inaccuracy or mistake can be noticed not only by American but by Chinese or Russian readers who may leave their comments in journalists' blogs and newspapers' forums.

Литература

1. Champion, M. Russia and Georgia Battle Over Position in History // http://online.wsj.com/article/SB124942147071505841.html, Retrieved 12.08.09.

2. Chomski, N. *Media Control: The Spectacular Achievements* of Propaganda: 2d Sub edition / N. Chomski, – New York: Open Media, 2003. – P. 14.

3. Gibson, E. Why Dictators Love Kitsch // http://online.wsj.com/article/ SB10001424052970204908604574336383324209824.html, Retrieved 12.08.09.

4. Jurkowitz, M. *How Different Is Murdoch's New Wall Street Journal?* // http://www.journalism.org/node/10769, Retrieved 12.08.09

5. Krugman, P. *The Conscience of a Liberal* (blog) / Rioting against health care reform http://krugman.blogs.nytimes.com/2009/08/07/rioting-against-health-care-reform/?scp=102&sq=health%20care%20reform&st=cse, Retrieved 17.08.09

6. Laffer, A. How to Fix the Health-Care 'Wedge' (05.09) // http: //online.wsj.com/article/SB10001424052970204619004574324361508092006.html Retrieved 12.08.09);

7. Levy, C.J. *How Russia Defines Genocide Down* // http://www.nytimes.com/ 2009/08/09/weekinreview/09levy.html?_r=1http://online.wsj.com/article/SB124942147071505841.html, Retrieved 12.08.09.

8. Mazzetti, M., Shanker, T. *Russian Subs Patrolling Off East Coast of U.S.* // http://www.nytimes.com/2009/08/05/world/05patrol.html?_r=1&scp=1&sq=Russian%20submarines&st=cse, Retrieved 12.08.09.

9. Noonan, P. *You Are Terrifying Us* // http://online.wsj.com/article/SB10001424052970204908604574334623330098540.html,Retrieved 12.08.09.

10. PEJ News Coverage Index: August 3-9, 2009: Town Hall Showdowns Fuel Health Care Coverage // http://www.journalism.org/index_report/pej_news_coverage _index_august_39_2009, Retrieved 20.08.09.

11. Rove, K. *Health Reform and the Tax Pledge* // http://online.wsj.com/article/SB10001424052970204908604574332390310982208.html; Retrieved 12.08.09).

12. Stinson, J. Questions answered on Russia, Georgia conflict (8/8/2008) // http://www.usatoday.com/news/world/2008-08-08-question-answer_N.htm, Retrieved 12.08.09.

13. Taranto, J. *Leave Barack Alone!* // http://online.wsj.com/article/ SB10001424052970204908604574334200879466172.html, Retrieved 12.08.09.

Наталья Голованова,
Национальный совет Украины
по вопросам телевидения и радиовещания,
Киев

Информационный мост Цинциннати-Харьков-Киев-Москва

Вот уже девять лет благодаря побратимским и профессиональным контактам Харьковщины и Цинциннати, штат Огайо, США, журналистка из Цинциннати Джен Шербин пишет статьи специально для харьковских газет и киевского журнала «Журналист Украины», с 2009 г. началось сотрудничество этих изданий и Джен Шербин с московским журналом «Журналист».

В 2001 году группа 10 украинских журналистов прошла трехнедельную стажировку в Цинциннати, которую организовал Побратимский комитет Цинциннати-Харьков. Журналисты посетили редакции газет, журналов, радио и ТВ Цинциннати и Вашингтона, украинскую и русскую службу «Голоса Америки», агентства «Рейтер» и «Ассошиейтид Пресс», Фонд Сороса, Институт Кеннана, Национальный пресс-клуб. С 2004 года на базе газеты «Украинский формат» на творческих началах активно заработал информационный мост Цинциннати-Харьков-Киев. В 2006 году по гранту Посольства США в Украине «Украинский формат» провел работу по

развитию информационного пространства юго-восточной Харьковщины [Голованова, 2005].

Джен Шербин практически в каждый номер газеты присылает статьи по актуальным вопросам жизни США, страны в целом и локально Цинциннати. Статья «Ураган Катрина» дала картину бедствия и пример того, как могут объединять свои усилия люди всей страны ради спасения соотечественников. Статья о пропаже мальчика рассказала, как работает в США телефонная служба «SOS» и как она может, например, помочь найти человека. Статья о Рождестве в США помогла раскрыть тему полиэтничности всякого общества, тему конфессионального плюрализма и связанной с этим необходимости быть толерантными по отношению друг к другу. Очень интересны публикации Джен в газете «Украинский формат» о традициях американской спортивной и культурной жизни. За пять лет таких статей в переводе на русский и украинский языки вышло более ста. В 2009 году Джен по просьбе украинских журналистов подготовила большой материал о том, как выживают американские СМИ в период кризиса, и представила развернутую картину цифр по падению тиражей, по конкретным бизнес-моделям [Шербин, 2009]. В свою очередь, украинские журналисты по просьбе Джен Шербин давали информацию по кризису в Украине для газеты «Цинциннати Инквайерер».

Показательно сотрудничество журнала «Журналист Украины», московского журнала «Журналист» и американки Джен Шербин по вопросу медиабизнеса и медиарейдерства. В ноябре 2009 г. во Львове разразился скандал, между руководством областной государственной телерадиокомпании и трех других телепредприятий Львова [Голованова, 2009]. Столкнулись интересы власти и бизнеса, помноженные на привлекательность радиотелевизионной сферы и на предстоящие выборы. Этот конфликт не единичен, а характерен для медийной Украины последних лет. В преддверии выборов 2010 года процесс разгорелся с новой силой. Интеллектуальное, виртуальное и медиапространство уплотняется, растут притязания в этих сферах, законодательно взаимоотношения СМИ урегулировать сложно. Это обусловило развитие медиарейдерства, расследовать которое как явление и была сделана попытка в связи с «разборкой» во Львове. Соответ-

ственно были привлечены эксперты со стороны – из России, Литвы, Латвии и США.

Были сделаны интересные выводы о взаимном контексте сосуществования СМИ. Была поднята предыстория убийств украинских журналистов периода обретения Украиной независимости – Марьяны Черной, Александра Дейнеки, Владимира Ефремова, Владимира Смирнова, Игоря Александрова, Георгия Гонгадзе. Были раскрыты вопросы появления и развития медиахолдингов в Украине и открыто такое явление постсоветского украинского периода, как Сеть СС – Сеть диктата Самих Себя. Джен Шербин дала свой комментарий и рассказала, как сосуществуют медиасобственники в США, привела цифры, и заодно поведала о том, какие издания, теле- и радиопрограммы в США считают качественной прессой. По данным официальных лиц, 5 компаний являются владельцами всех радиосетей США и 90% основных 50 кабельных сетей. Эти же компании обладают главными американскими газетами и 85 процентами лучших 20 Интернет-сайтов. Официальные лица США, утверждает Джен, уверены, что плюрализм СМИ важен для сохранения демократии в стране. Полный текст данного исследования выйдет в № 4 московского журнала «Журналист» за 2010 г.. Подобные взаимные исследования положительно влияют на формирование ответственного, финансово и политически независимого медиапространства в наших странах, которое все менее ущемляет интересы медиааудитории.

Natalia Golovanova
National Committee of TV and Radio,
Kyiv, Ukraine

Information Bridge Cincinnati-Kharkiv-Kiyiv-Moscow

Over nine years due to sister-cities and professional contacts of Kharkiv, Ukraine and Cincinnati, Ohio, USA, a journalist from Cincinnati Jan Sherbin writes articles specially for the Kharkiv newspapers and Kiyiv magazine *Journalist of Ukraine*. In 2009 began collaboration of these editions and Jan Sherbin with the Moscow magazine Journalist.

From 2004 on the basis of the newspaper *The Ukrainian Format* there actively works an information bridge Cincinnati-Kharkiv-Kiyiv. In 2006 on a grant from the Embassy of the USA in Ukraine *The Ukrainian Format* conducted a large work «Development of informative space of south-east Kharkivschina» [Голованова, 2005].

Jan Sherbin publishes articles on contemporary issues of American life in general and of Cincinnati in particular virtually in every newspaper, all in all over a hundred articles translated into Russian and Ukrainian, a review on the ways of the American mass-media survival during the crisis [Шербин, 2009].

The collaboration of the magazine *Journalist of Ukraine*, Moscow magazine *Journalist* and Jan Sherbin on the problem of mediabusiness and mediaraiding is worthy of note. This research was conducted with invitation of experts from Russia, Lithuania, Latvia and USA after a scandal in November 2009 in Lviv between executive board of regional state teleradiocompany and three other telecommunication enterprises of Lviv, [Голованова, 2009].

Valid conclusions were done about the mutual context of mass-media existence. A history of murders of the Ukrainian journalists of period of independent Ukraine was heaved up. The questions of appearance and development of mediaholdings in Ukraine were exposed. And such phenomenon of the post-Soviet Ukrainian period as Network of SD, Network of Self-Dictate, was disclosed. Jan Sherbin provided comments and facts on how mediaowners coexist in the USA.

Such reciprocal researches render positive influence on forming responsible, financially and politically independent mediaspace in our countries.

Литература

1. Газета «Украинский формат». – Харьков, 2004-2009.

2. Голованова Н. Победит ли эффект форточки? // Журналист Украины. – Киев, 2009, № 12, С. 37-39.

3. Голованова Н. Развитие информационного пространства юго-восточной Харьковщины. – Харьков, 2005.

4. Шербин Д. Два взгляда на американскую прессу. // Журналист Украины. – Киев, 2009, № 7, С. 24-27.

Секция 2
Становление культурного плюрализма в США в XVIII-XIX веках

Section 2
Pluralism in the Making in American Culture of the 17-19th Centuries

М.М. Сиротинская,
Институт всеобщей истории РАН,
Россия

«Молодая Америка»: взгляд на городское сообщество (середина XIX в.)

В середине позапрошлого столетия словосочетание «Молодая Америка» было очень распространено. Так говорили о молодом поколении американцев, полном энергии, напористости, несущем прогресс. Так именовалась газета одного из лидеров рабочего движения Дж.Г. Эванса. Так называли лошадей на скачках, яхты, лекции, поэмы, музыкальные композиции. Здесь будет идти речь о «Молодой Америке», литературно-политическом объединении нью-йоркских интеллектуалов середины 1840-х гг., чьим печатным органом являлся *United States Magazine and Democratic Review* (редактор до мая 1846 г. – Дж.Л. О'Салливен). Младоамериканцы высказывались за национальную литературу и вообще культуру, поддерживали территориальную экспансию, либеральное движение в Европе, защищали фритред. «Молодая Америка» была предметом изучения известных отечественных литературоведов Ю.В. Ковалева, А.Н. Николюкина, В.И. Яценко. В настоящее время благодаря Интернету несколько расширились исследовательские возможности.

В данной статье ставится цель проследить тему города в публицистике *Democratic Review*, а также в произведениях Корнелиуса Мэтьюза. В русле современных дискуссий о плюрализме работы ныне уже позабытого писателя К.Мэтьюза, думается, представляют немалый интерес как исторический источник. Автора политической сатиры «Карьера Паффера Хопкинса» (1841-1842) и опубликованной в 1845 г. книги «Большой Авель и Маленький Манхэттен» некоторые исследователи считают родоначальником жанра городского романа в США [Miller, 1956, 93-94]. Мэтьюз являлся также поэтом, драматургом (его пьеса «Политики»

увидела свет в 1840 г., но в Нью-Йорке не ставилась), редактором – в 1840-1842 гг. он редактировал совместно с Дайкинком журнал *Arcturus*, в 1846–1847 гг. писал статьи в сатирический юмористический еженедельник *Yankee Doodle*. Мэтьюз был активным поборником принятия закона об авторском праве. По отзывам современников, это был человек со сложным, неуживчивым характером, всю жизнь проживший холостяком. Именно Мэтьюз в своем выступлении перед Эвклидовым обществом Нью-Йоркского университета в июне 1845 г. дал название движению, заявив о «партии Молодая Америка». Он акцентировал внимание на различиях поколений [Stein, 1974, 166; Widmer, 1999, 60].

Проблема «цивилизации-дикости», жизни в городе и в сельской местности проходит через ряд произведений Мэтьюза. В пьесе «Политики» дочь одного из кандидатов на должность олдермена Кейт Бриск и влюбленный в нее бедный театральный музыкант Блэндинг – к ним присоединяется жена другого кандидата г-жа Гуджеон – ведут постоянную полемику о роли города (это, конечно, Нью-Йорк). Кейт – сторонница деревенской жизни, с ее спокойствием, «зелеными полями» и чистым воздухом, простыми нравами. Блэндинг же убежденный урбанист. Он доказывает значимость происходящего, современности: именно в Нью-Йорке, с его безумным ритмом, вершится история. Жизнь в Нью-Йорке – это еще и возможность удовлетворения материальных и культурных запросов, часто недоступных фермерам. По словам г-жи Гуджеон, здесь для «спокойствия души» можно заняться реформаторской деятельностью по нравственному совершенствованию общества, для отрады глаз можно любоваться Сити-холлом, а для удовлетворения полета фантазии можно приобрести кашемировую шаль за 100 долларов. Нью-Йорк, полагает молодой музыкант, – город для влюбленных, ведь они могут совершать совместные походы в театры, на концерты и выставки [Mathews, 1863, 124-126, 132, 136). Симпатии автора, кажется, на стороне Блэндинга.

В романе «Большой Авель и Маленький Манхэттен» два молодых паренька – Авель Генри Хадсон по прозвищу «Большой Авель», будто бы правнук английского мореплавателя Генри Хадсона (по устаревшей транслитерации Гудзона), и Лэнки Фогл, известный как «Маленький Манхэттен», –

потомок индейского вождя, продавшего голландцам остров Манхэттен, – после длительных судебных тяжб приходят к полюбовному соглашению и делят между собой город. Каждая глава книги начинается утром нового дня и представляет их путешествие по разным районам Нью-Йорка. Автор недвусмысленно указывает на то, за кем будущее Америки: Большой Авель воплощает энергию, предприимчивость, любовь к коммерции. Он шагает по улицам города твердой поступью. С «торговцем капитаном Хадсоном» связывается и распространение «христианской веры и полезных знаний». Лэнки Фогл, напротив, сдержан, молчалив, мечтателен – он постоянно думает о «больших, зеленых лесах», «буйных реках». По словам автора вигского журнала, «нашептывания ветра и деревьев постоянно возвращают его к мыслям о своей расе и о прежней дикости…» [AWR, Nov. 1845, Vol. 2, N 5, 533]. В конечном итоге Большому Авелю достаются все цивилизованные места Нью-Йорка. Мечтаниям «Маленького Манхэттена» не суждено сбыться: рост города неотвратим [Mathews, 1970, 24-25, 64-65, 91-93].

Жизнь города, считает Мэтьюз, – это сама американская действительность, которую необходимо показывать в произведениях. Взоры отечественных литераторов должны быть обращены на «оживленную жизнь городов, обычаи, нравы и действия людей, живущих вместе…» [Mathews, 1863, 120]. Младоамериканцев объединяет любовь к Нью-Йорку. Беспокойный дух времени отражают оживленные улицы, гудящие пароходы на Гудзоне, патентные бюро, заполненные заявками на новые изобретения. Город в известной мере романтизируется. «Большой Авель» начинается (первая глава была опубликована в *Democratic Review*) с встречи Лэнки Фогла с Большим Авелем у дроболитейной Башни. Сама Башня одушевляется – это «призрак Нью-Йорка». Даже шум улиц приобретает особую прелесть [DR, Jan. 1845, Vol. 16, N 79, 10-13; Mathews, 1970, 1-2, 8, 26].

Однако основные приметы, символы «великого города» – его типажи. Это денди Бауэри и Бродвея, пожарные, мальчишки – продавцы газет, оглашающие улицы своими криками [Mathews, 1970, 14-16; Mathews, 1863, 219–222]. Младоамериканцы придавали огромное значение дешевой прессе, считая ее отражением «духа времени». В *Democratic*

Review был помещен карандашный портрет мальчика – разносчика газет (иллюстратор – Ф. Дарли) и рассказ о нем [DR, July 1843, Vol. 13, N 61, 89–96; Мифы и реалии… I, 2008, 136]. Отмечалось, что указанный типаж существует только в Нью-Йорке и воплощает ритм города: пользуются спросом не тяжелые книги, а газеты, которые читают на бегу.

Как и *Democratic Review*, Мэтьюз делает акцент на демократизм Нью-Йорка, торжество здесь принципа равенства. Он обращает внимание на повседневную жизнь простых тружеников: швей, модисток, мясников, клерков, торговцев, торгующих одеждой евреев. На страницах «Большого Авеля» появляются лодочник Барскин, «бледная швея», торговка миссис Сэлтус, «бедный ученый», мечтающий издать свою книгу, «индейский доктор». Автор проводит своих героев и в те части города, где проживает беднота, в частности в знаменитый район Пяти точек, где можно увидеть праздношатающихся женщин, «желтые бутылки с длинными горлышками и красные занавески на окнах». Восточная Бауэри пользуется дурной славой [Mathews, 1973, 56-57, 73]. Читатель получает возможность посетить ряд салунов, таверн, пивных Нью-Йорка. Последняя глава завершается пиршеством героев и их друзей на крыше старого банковского дома на Юнион-сквер.

Автор «Большого Авеля» рисует трогательно сентиментальную историю дружбы черного и белого мальчиков. Возникает образ жизнерадостного, добросердечного Помпея, афроамериканского мальчугана из Бауэри. Прекрасна сцена пускания ребятами бумажного змея. Но Помпей умирает, Недди Мэллиш – единственный белый, провожающий друга в последний путь. С симпатией отзывается Мэтьюз в *American Monthly Magazine* о «вечно молодом негре», который не пропускает ни единого развлекательного мероприятия в Нью-Йорке [Mathews, 1863, 314-316]. Писатель проявлял интерес к индейской культуре. В 1856 г. опубликованы его «Индейские сказки» с иллюстрациями, подготовленные при содействии известного американского географа, этнографа Г. Скулкрафта.

Современники упрекали автора «Большого Авеля» в идеализации Нью-Йорка. Как утверждалось в фурьеристском журнале *Harbinger* (октябрь1845 г.), Мэтьюз склонен был

увидеть лишь благополучие «великого города» [Mathews, 1970, xiii]. Критика, по-видимому, была небезосновательной. Хотя писатель боготворил массы, многие его выводы вписываются в пресловутую концепцию «американской исключительности», в целом проводившуюся в *Democratic Review*.

Democratic Review уделяет пристальное внимание насыщенной культурной жизни Нью-Йорка, необходимости приоб-щения масс к достояниям культуры. Содержатся призывы поощрять отечественных литераторов, художников, актеров. С октября 1846 г. появляется рубрика «Слухи месяца», где постоянно рассказывается о новых театральных постановках, выставках «Американского Союза поощрения изобразительного искусства». Значительное место отводится тому, что бы мы сейчас назвали увековечением исторической памяти, а также благоустройству города. Развивается мысль о том, что Нью-Йорк призван оказывать решающее политическое и культурное влияние на жизнь нации. «Нью-Йорк – это подлинно град на холме», – заявил один из публицистов. Именно здесь бьется пульс реальной жизни, «революционных и реформаторских доктрин», здесь «находится соль земли первозданной». Прес-са здесь начинает свою деятельность по «организации, совер-шенствованию и прогрессу», и здесь «следует Искусству поднять свое красивое лицо и улыбнуться на улицах, в парках и на публичных площадках» [DR, June 1845, Vol. 16, N 84, 574]. По существу это ни больше ни меньше как заявка на Manifest Destiny Нью-Йорка.

То есть может сложиться впечатление о некоем плюрализме сторонников «Молодой Америки» в их взгляде на городское сообщество.

В связи с ростом ирландской иммиграции в США в 1840-е гг. в ряде северных городов США остро стоял вопрос о школьном образовании детей католиков. Мэтьюз был возмущен требованием (1840) нью-йоркского католического духовенства (видную роль здесь играл епископ Дж. Хьюз) выделить часть средств из школьного фонда города на образование детей католиков в восьми школах. Они должны были стать неподконтрольными протестантскому Обществу государственной школы [Кислова, 1989, 154-156; Ravitch, 1974, 33-57]. Писатель находил обращение «попыткой

религиозного органа осуществить вмешательство в наши муниципальные дела», в образовательную политику штата. Если вначале Мэтьюз объяснял свою позицию в школьном вопросе необходимостью светского образования, защищал систему общественных школ («цель общественных школ – воспитывать граждан, а не христиан»), то в дальнейшем, как свидетельствуют материалы прессы, он выражал откровенные симпатии нейтивистам. На митинге нейтивистов в июне 1855 г. был принят представленный им адрес, предлагавший «запретить использование в общественных местах всех иностранных языков». Все общественно значимые документы предусматривалось печатать только на английском языке; приветствовались усилия, направленные на то, чтобы в школах употреблялся лишь английский [Mathews, 1863, 339-343; New York Times, 1855, June 4; Spann, 1981, 498]. Правда, позиция Дж. О'Салливена в школьном вопросе была иной – редактор *Democratic Review* поддерживал требование католического духовенства [Sampson, 2003, 94–95].

Читательская аудитория, к которой обращались публицисты *Democratic Review*, – это преимущественно белые жители Нью-Йорка. Возможность ассимиляции белых с чернокожими и с индейцами отвергалась. Журнал никогда не поддерживал аболиционистов, высказываясь, правда, негативно и о южных радикалах. Собственно, сама концепция «предопределения судьбы», выдвинутая, предположительно, О'Салливеном на страницах *Democratic Review* в 1845 г., включала идею распространения либеральных институтов по примеру США на другие народы, подразумевая их (других наций) американизацию. Manifest Destiny в значительной степени основывалась на теории англосаксонского превосходства. В этом смысле вести речь о культурном плюрализме сторонников «Молодой Америки» в середине XIX в. представляется преждевременным.

M.M. Sirotinskaya,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Russia

«Young America»: View of the Urban Society in Mid-Nineteenth Century

The phrase «Young America» was very popular in the United States in mid-19th century. In this article an attempt is made to trace perception of the urban society in 1840-s by the *Democratic Review* (edited by J. O'Sullivan), the organ of literary-political «Young America» movement, and by a writer, a playwright and a poet Cornelius Mathews who was considered «originator of the 'Young America' Party».

The problem of «civilization–wilderness», of urban and country life was raised in a number of Mathews's works. In the play *The Politicians* (1840) the poor musician Blanding and his beloved Kate Brisk, the daughter of one of the candidates for alderman, discuss advantages and disadvantages of city and rural life. The author seems to share Blanding's views – the latter adores New York, material and cultural opportunities the metropolis opens for its inhabitants. He thinks that in New York «every man's face is the frontispiece to a history» [Mathews, 1863, 126, 136]. The main characters of the novel *Big Abel and the Little Manhattan* (1845) are «the real owners» of New York – a young white lad Abel Henry Hudson, descendant of the old navigator, and an Indian Lankey Fogle (called «Little Manhattan»), great grandson of the Indian chief who sold the island to the Dutch. They come to an agreement and divide the city. It is not difficult to guess that progress of «civilization» is associated with energetic, self-confident, commerce-loving Hudson and not the silent and dreamy «Little Manhattan»: growth of the city is inevitable [Mathews, 1970, 91-93].

According to Mathews, the urban life is the American reality itself that has to be depicted by the literati. U.S. writers should chant «the crowded life of cities, the customs, habitudes, and actions of men dwelling in contact, …amalgamated together into

a close but motley society…» [Mathews, 1863, 120]. Swarming streets, omnibuses, steamships on the Hudson, crowded patent offices bear testimony to the restless spirit of the age. The city is romanticized, especially the Shot Tower, the carts' sound. But the true symbols of New York are its types – Bowery and Broadway dandies, firemen, newsboys. «Young Americans» attached great importance to the cheap press. The portrait of the New York newsboy and the story about him can be found in July 1843 issue of the *Democratic Review*.

The writer, as well as the *Democratic Review*, place emphasis on the principle of equality that reigns in New York. Common labourers often appear in Mathews' works. The author of *Big Abel* leads us to East Bowery, the famous Five Points where Hudson and Fogle have lots of friends. The last chapter ends with a celebration on the roof of the old Banking-House at the head of Union Square. Mathews tells the touching sentimental tale of the close friendship between a White boy and an Afro-American child from Bowery. The writer is sympathetic in some way to the ever-young Rumabout, the «ubiquitous Negro», who takes part in most festivities of the great city [Mathews, 1863, 314-316]. Later, in 1856, *The Indian Fairy Book* was published by Mathews.

Some contemporaries, in particular the Fourierist *Harbinger*, reproached the author of *Big Abel* for idealization of New York [Mathews, 1970, xiii], and that criticism seems to a certain extent true. Mathews's conclusions corresponded to the tenets of the so-called «American exceptionalism» concept, propagandized by most of the publicists of the *Democratic Review*.

The journal paid much attention to the spread of culture among masses and focused on the vast significance of «a city upon a hill», its impact on the political and cultural life of the country [DR, June 1845, Vol. 16, N 84, 574].

But in the school controversy of early 1840-s between the Catholic clergy and the Protestant Public School Society of New York Mathews took the latter side and was against appropriation of the city council's funds for the support of Catholic schools, where mostly children of the Irish immigrants were studying (though J. O'Sullivan's views on the problem were different). As the materials of the press show, at the nativist meeting in June 1855 the writer presented the petition which required to exclude

«all foreign languages» from popular use [*New York Times*, 1855, June 4; Spann, 1981, 498].

The *Democratic Review* addressed mainly the white New Yorkers. The possibility of racial amalgamation was rejected. The journal did not support the Abolitionists (or the Southern radicals). Manifest Destiny, proposed, supposedly, by O'Sullivan, meant Americanization of other peoples and, in some degree, included the idea of Anglo-Saxon superiority. In this sense cultural pluralism of «Young America» followers in mid-19th century can hardly be spoken of.

Литература

1. Алентьева Т.В. США накануне Гражданской войны: Время и люди. Курск: Изд-во Курск. гос. ун–та, 2003. 453 с.

2. Алентьева Т.В. Писатель и журналист Юга Уильям Гилмор Симмс: от теории южного национализма к сецессии // Американский ежегодник 2004 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2006. С. 90-119.

3. Кислова А.А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

4. Ковалев Ю.В. «Молодая Америка». Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 159 с.

5. Ковалев Ю.В. От «Шпиона» до «Шарлатана» Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. СПб.: Изд-во СПБ. ун-та, 2003. 258 с.

6. Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Отв. ред. В.А. Коленеко: В 3-х тт. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2008. 262 с.

7. Николюкин А. Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 210 с.

8. Эстетика американского романтизма / Сост., комм. и вступит. статья А.Н. Николюкина. М.: Искусство, 1977. 464 с.

9. Осбери Г. Банды Нью-Йорка. М.: Центрполиграф, 2004. 349 с.

10. Яценко В.И. У. Г. Симмс и «Молодая Америка» // Филологические науки. 1980. № 2. С. 29–36.

11. Яценко В.И. Южная школа американского романтизма. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1983. 87 с.

12. *American Whig Review* (AWR), 1845.

13. *Democratic Review* (DR), 1843-1845.

14. *New York Times*, 1855.

15. Bender T. *New York Intellect: A History of Intellectual Life in New York City, from 1750 to the Beginnings of Our Own Time.* N.Y.: Alfred A. Knopf, 1987. 448 p.

16. Eyal Y. *The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 278 p.

17. Mathews C. *The Politicians. The Various Writings of Cornelius Mathews. N.Y.*: Harper & Brothers, 1863.

18. Mathews C. *Poems on Man, in His Various Aspects Under the American Republic*. N.Y. Wiley and Putnam, 1843 // http://www.archive.org/details/poemsonmaninhis00mathgoog

19. Mathews C. *The Indian Fairy Book. From the Original Legends.* N.Y.: Allen Brothers, 1856 // http://www.gutenberg.org/etext/22248

20. Mathews C. *The Career of Puffer Hopkins. The Various Writings of Cornelius Mathews.* N.Y.: D. Appleton and Co., 1842 // http://www.archive.org/details/variouswritings01mathgoog

21. Mathews C. *Big Abel and the Little Manhattan* / With a New Foreword by D.J. Yannella, Jr. N.Y. Garrett Press, 1970.

22. Miller P. *The Raven and the Whale: The War of Words and Wits in the Era of Poe and Melville.* N.Y. Harcourt, Brace and Company, 1956. 370 p.

23. Ravitch D. *The Great School Wars New York City, 1805–1973.* N.Y.: Basic Books, 1974. 449 p.

24. Sampson R.D. *John L. O'Sullivan and His Times. Kent*: Kent State University Press, 2003. 304 p.

25. Spann E.K. *The New Metropolis New York City, 1840–1857.* N.Y.: Columbia University Press, 1981. 546 p.

26. Stafford J. *The Literary Criticism of "Young America": A Study in the Relationship of Politics and Literature 1837–1850.* N.Y.: Russell & Russell, 1967. 283 p.

27. Stein A.F. *Cornelius Mathews.* N.Y.: Twayne, 1974. 175 p.

28. Widmer E.L. *Young America. The Flowering of Democracy in New York City.* N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999. 290 p.

Т.В. Алентьева,
Курский государственный университет,
Россия

Диссидентство в литературе США
(на примере Дж. Липпарда, 1822-1854)

Джордж Липпард (1822-1854) – один из самых странных и спорных писателей первой половины XIX в. В своем творчестве и деятельности он отверг доминирующие императивы культуры и поведения, став диссидентом по отношению к политическому и культурному истэблишменту. Он выступил с позиций полного неприятия буржуазной цивилизации. В своих романах он прямо заявляет о грядущей гибели капитализма и необходимости активизации рабочего движения. В дилогии о Нью-Йорке («Город-империя: Нью-Йорк днем и ночью» и «Нью-Йорк: десяток наверху и миллион внизу») он описывает существующие социальные контрасты и возмущается социальной несправедливостью. «Современная цивилизация подобна локомотиву, бегущему по рельсам со скоростью в 60 миль в час, с горящим углем в его сердце, и облаком дыма над ним. Взгляните на него, когда он грохочет. Какое изумительное воплощение силы, грубой силы, выкованной умом человека. Да, действительно! Но горе, горе – слабым или беспомощным, которые задержатся на его пути! Горе несчастным, калекам, беднягам, которых локомотив современной цивилизации застигнет на своем пути. Почему это должно его заботить? Ведь у него нет сердца. Его работа в том, чтобы двигаться вперед и давить всех, кого бедность и несчастье оставили на его пути» [Lippard, 1986, 46].

Липпард был заметной фигурой в культуре предвоенного периода. В своих 20 романах, бесчисленных эссе и статьях он последовательно ратовал за широкие социальные реформы, включая аболиционизм, женские права, земельную реформу, сокращение рабочего дня, тюремную реформу, фурьеризм, права индейцев и др.

Липпард – человек своей эпохи, его формирование как писателя и социального критика происходило под влиянием

радикальной культуры периода «джексоновской демократии». И в то же самое время он становится провозвестником реформ и революционером. Он направил свой «литературный меч» против всех тех, кого он воспринимал как угнетателей. Хотя Липпард подчеркивал мирный характер необходимых социальных преобразований, он предупреждал, что если требования рабочих не будут удовлетворены, то они будут вынуждены взяться за оружие. «Когда рабочий лишен земли, дома и плодов своих рук ..., тогда мы советуем ему вести войну любыми средствами, вооружившись ружьем, мечом или ножом... Война рабочих, которая ведется пером или мечом, – это священная война» [QSW. Sept. 29. 1849]. Он был убежден, что капиталистическое угнетение хуже любого другого, так как это война денежных дельцов ради их прибылей. «Существуют только две нации в мире – угнетенные и угнетатели, – утверждал писатель. – Все другие деления бесполезны... Среди многих форм рабства, причиняющих страдания на земле, ни одно даже наполовину так отвратительно, так ужасающе, как наемное рабство, которое существует в больших городах Севера» [Lippard, 1986, 213-214].

Липпард был радикалом, как в культуре, так и в политике. В период, когда очень немногие американские авторы уделяли внимание рабочему классу, он заявлял, что «литература, которая ничего не делает для осуществления социальной реформы, а только облагораживает и приукрашивает несправедливость в отношении наибольшей части человечества, совершенно бесполезна» [QSW, Febr. 10. 1849]. В своих журналистских статьях и эссе он выступал против того, что называл «пустой бессодержательностью» модных авторов, «фальшью пустозвонов».

Липпард представил в своих романах мрачную сторону жизни Америки, вступавшей на путь быстрой индустриализации и урбанизации, но не путем объективного социологического анализа или рассудительной репрезентации, а через страстную, поэтическую экспрессию, осуждая безнравственность, порок и разврат, царивший в крупных городах. В своем крайнем радикализме, опоре на традиции «готического романа», в постоянном использовании «черного юмора», элементов сенсационности, эротизма и культа насилия Липпард, как считают некоторые современные исследовате-

ли, приблизился к современному сюрреализму и представителям массовой культуры [Reynolds, 1982].

Джордж Липпард прожил короткую, но яркую жизнь, всего 31 год отпустила ему судьба. Он родился 10 апреля 1822 г. в небольшом поселке Западной Пенсильвании в семье фермера; умер 9 февраля 1854 г. в Филадельфии.

Молодой Липпард вырос в Филадельфии, куда переехали его родители, затем учился в классической академии в Нью-Йорке. Он отверг карьеру методистского священника из-за «противоречий между теорией и практикой» христианства. Он также отказался стать юристом, поскольку эта профессия, по его представлениям, была несовместима с понятием человеческой справедливости. После смерти отца Липпард, имея лишь случайные заработки, жил как бездомный представитель богемы. Такая жизнь дала ему знания из первых рук о последствиях экономического кризиса 1837 г. для городской бедноты. Осуждая нищету и бесправие, свидетелями которых он являлся, Липпард решил стать «писателем для народа».

Он начал работу в ежедневной газете *Spirit of the Times*. Его яркие и образные репортажи из полицейского управления и суда привлекли читателей, резко увеличили тираж издания. Ему было всего 20 лет, когда *Saturday Evening Post* опубликовала его первый рассказ «Легенда» под псевдонимом Филипп де Аграмон. К его романтизированным легендам относятся: «Леди Аннабель» (1842); «Красавица прерии Иден» (1844); «Бланка из Брендивайна» (1846); «Назареянин» (1846); «Легенды Мексики» (1847) и «Легенды Революции» (1847). Одна из новелл в последнем сборнике была «Революцией Четвертого июля 1776 года», хотя дошла до нас под названием «Звони, старик, звони». В ней рассказывается, как непрерывный звон Колокола Свободы, провозгласивший подписание Декларации независимости, привел к появлению его легендарной трещины, чего вообще-то не должно было случиться [Bryan, 1952, 214]. Другая новелла повествует о социалистических верованиях общины Кельпиуса в поселке Джермантаун у ручья Виссахикон. Его последователи основали известную религиозную и коммунистическую коммуну Эфрата и затем женское общество Сноу Хилл. Дж.Г. Уиттьер, основывался на легенде Липпарда о Кельпиусе, когда писал свою поэму «Пенсильванский Пилигрим» [Seecamp,1970, 192].

Пророком нового мира Липпард называет Пенна, основателя колонии Пенсильвания. Статья об этом благородном реформаторе дает ему возможность обратиться к современности и встать на защиту земельной реформы в интересах бедняков. Он пишет о будущем своей страны в самых восторженных выражениях: «Земля, где не будет богатых и бедных. Земля, где подкупленные сенаторы не будут защищать рабство чернокожих, словно божье благословение и демократический институт. Земля, где человек, усердно работающий, не будет поставлен перед необходимостью продавать свой труд монополисту ради куска хлеба и нищенской могилы. Земля, где закон будет одинаков для всех. Земля, где каждый действительно будет ответственен за благосостояние своего брата, где вместо тюрем будут школы, где каждый человек будет владеть своим участком земли… Не будет ни несправедливости во имя закона, ни капиталиста, утаивающего свое преступное богатство» [QSW, Oct. 16. 1849].

Наиболее известный роман Джорджа Липпарда «Город квакеров», или «Монахи из Монк-Холл» (1845) являлся действительно сенсационным. В нем были живо описаны картины городской жизни в довоенной Филадельфии. Его сенсационная фабула, задуманная в духе готического романа, связана со злобными обитателями секретного клуба «Монахи из Монк-холла», которые собираются каждую ночь в обветшалом здании в Саутворке. Внутри его стен таятся все ужасы современного века: порок и преступление, насилие и убийство, совершаемые под покровом ночи. Роман отличала антибуржуазная направленность. В нем Липпард стремился разоблачить лицемерие элиты, а также показать темную сторону процесса урбанизации. Филадельфия Липпарда заполняется скрягами-банкирами, щеголеватыми пьяницами, прелюбодеями, садистами-убийцами, фарисеями-грабителями, и «уважаемыми людьми», в которых автор видел наличие потенциальной угрозы для республики. Этот его первый роман, был бестселлером в Америке до появления «Хижины дяди Тома» [Silverman, 1991, 211]. Когда он вышел из печати в 1845 г., было продано 60.000 экз. Этот успех сделал Липпарда одним из самых высокооплачиваемых американских писателей, его заработок составлял от 3 000 до 4 000 долл. в год [Streeby, 2002, 40; Pettit, 2007]. Была даже подготовлена сценическая

версия, которая была запрещена из-за пуританских настроений жителей Филадельфии и опасений беспорядков [Cleman, 2001, 67].

Липпард воспользовался популярностью своего романа и начал выпускать еженедельник под названием «Город квакеров» тиражом в 15 тыс. экз. Он рекламировал его как «популярный журнал, посвященный таким вопросам литературы и новостям, которые будут представлять интерес широким массам читателей». Первый выпуск вышел 30 декабря 1848 г. [Streeby, 2002, 41, 44].

В романе «Леди Аннабель» Липпард широко использует приемы и средства готического романа: сложная фабула, запутанная интрига, роковые тайны, спасение героя, находящегося на волоске от гибели. В романе присутствуют все элементы «готических ужасов»: опыты алхимиков, средневековые пытки, захоронение заживо и некрофилия. Роман вызвал похвалу Эдгара По, считавшего, что фантазия и живое воображение свидетельствуют о несомненном таланте автора. Однако аксессуары «готики» нужны автору, чтобы под покровом занимательности преподнести читателю серьезные идеи [Howe, 2007].

Описывая в одной из своих статей трагедию, произошедшую в Нью-Йорке – взрыв паровой машины на фабрике, унесший сотню жизней, Липпард замечает: «Трагедия на Хэгью-стрит в мгновение сокрушила сотню человеческих существ. Существующая ныне система Капитала и Труда, которая рассматривает богатство как единственную цель законодательства, посылает на медленную смерть и доводит до могилы, по крайней мере, сто человеческих существ ежедневно» [Lippard, 1986, 49]. «Эта система рассматривает мужчин, женщин и детей, их бессмертные души… как меньшую ценность, чем часть бессловесной машины. Она создает законы для тех, кто имеет деньги, против тех, у кого нет… Она превращает человека в часть огромной машины, которая поддерживается обычаем и законом, действуя на благо Одного Человека, пока сотни жизней разрушаются ее безжалостными колесами. Вы можете точно сосчитать число погибших на Хэгью-стрит… Но кто способен оценить все жертвы современной социальной системы, которая базируется на несправедливых законах и питается фальшивым представ-

лением об отношениях между Капиталом и Трудом» [Lippard, 1986, 49].

Страдая от туберкулеза в последние годы жизни, прикованный к постели этим заболеванием, Липпард провел последние месяцы своей жизни в работе над статьями, в которых протестовал против Закона о беглых рабах 1850 г. Он предвидел в новом компромиссе с Югом нарастание неизбежного конфликта, распада Союза и гражданской войны. В письме к издателю южной газеты из Северной Каролины Л. Бэджеру от 22 февраля 1850 г. он писал: «Да, Лоуренс, распад Союза не ограничится линией Мэйсона-Диксона… Союз разрушается, или близок к разрушению. Разъединение – лишь смягченное название для Гражданской войны, которая потребует, чтобы друг убивал друга, брат встал против брата, и очень, возможно, что сын перережет горло своему отцу… Получается, что это наша судьба, твоя и моя, шагать, согласно учениям наших редакторов, сенаторов и конгрессменов, к разрушению единства страны, даже если это приведет к гибели половины американского народа» [Lippard, 1986, 186].

В 1850 г. Липпард основал общенациональную рабочую организацию – Братский Союз (позднее Американское братство), тайное общество, целью которого была ликвидация нищеты и преступности путем устранения социальных причин, их вызывающих [Butterfield, 1955, 285]. Программа была изложена в эссе «Белое знамя» (1851). «Оно будет вести войну – днем и ночью – войну против всех форм порабощения. Это общество распространит свою деятельность по всему Союзу. Оно объединит всех честных людей в своих рядах. Пусть его боятся иезуит-политик, бесчестный капиталист, преступный земельный спекулянт, грабитель-банкир», – утверждает Липпард [Lippard, 1986, 207-210].

Писатель поддерживал Национальную ассоциацию реформ и Американский союз ассоцианистов (фурьеристов), вел агитацию в поддержку их целей, разъезжая с лекциями по стране. Он считал, что усилия реформаторов рано или поздно дадут положительные результаты. В статье «Рабочие – непризнанные герои» он писал: «Люди, которые призваны освободить мир, не находятся среди толпы тех, кто похваляется военной славой, знатностью происхождения,

властью… Генералы, принцы и церковники всегда обеспечены похвалами сочинителей истории. Но люди, которые работают ради Реформы, не очень популярны в храме истории. И все же они делают свою работу» [QSW. Sept. 22. 1849].

Липпард обогатил американскую литературу новыми темами, едва ли не первым затронув проблему противоречия между трудом и капиталом и описывая жизнь пролетариата и его борьбу. Он одинаково осуждал как наемное рабство на Севере, так и рабство негров на Юге. Писатель представляет тот спектр мнений, которые выходили за рамки идеологического «main-stream», его взгляды можно классифицировать как диссидентство, а его творчество как показатель плюрализма мнений, характерного для эпохи «джексоновской демократии».

Tatyana Alentyeva,
Kursk State University,
Russia

The Dissidence in the American Literature in 19-th Century
(On Example of George Lippard, 1822-1854)

George Lippard was a very strange and disputable writer in the first half of the 19-th century. Was he a puritan or erotic man; madman or mass messiah; hack writer or literary genius? In any case Lippard rejected dominant imperatives of his society in culture and public conduct. He became a dissident to the political and cultural establishment. Lippard condemned bourgeois civilization. He wrote about the future collapse of capitalism in his novels *The Quaker City* and *The Nazarene*. In his two novels *The Empire City*; *or, New York by Night* (1853) and *New York: its Upper Ten and Lower Million* (1854) he showed social contrasts [Lippard, 1986, 46].

He was a supporter of social reforms such as emancipation of industrial workers, Fourierism, abolitionism, feminism etc. He defended the rights of American Indians. Some American literary critics estimate him as a predecessor of the surrealism. George Lippard was born on April 10, 1822, in West Nantmeal

Township, Pennsylvania, on the farm of his father; died in 1854 in Philadelphia.

After his father's death in October 1837 he was essentially homeless, sleeping in abandoned buildings. This gave Lippard a first-hand look at all the effects of the Depression of 1837-1844. This eye-opening experience caused Lippard to become a writer for the masses. He wrote: «Enormous WEALTH is only enormous CRIME. Yes, we may phrase it as we will, the immense concentration of wealth in the hands of any one man, or in the hands of any corporate power, is an evil, fraught with more danger to the happiness and liberty of the nation, than all the crowned tyrants in the world» [Lippard, 1986, 49]. He insisted that «there are only two nations in the world – the OPRESSED and the OPRESSORS. All other distinctions are vain» Lippard, 1986, 213-214].

He believed in peaceful methods of social reform but he agreed that sometimes there is a necessity of armed workers' revolt. He wrote: «But when the laborer… is deprived of Land, of Home and of the Harvest of his toil … then we would advice Labor to go to war, in any all forms – War with the Rifle, Sword and Knife» [QSW. Sept. 29. 1849].

In 1842 when he was just twenty years of age, the *Saturday Evening Post* began to publish his first romance. He then turned his attention to the study of the American Revolution and began writing what he termed the Legends.

One of the *Legends* is that of the *Bell Ringer*, awaiting the signal to ring the Liberty Bell. Lippard created the story, *Ring, Grampa, Ring*. He also wrote an account of Kelpius. Whittier, for his *Pennsylvania Pilgrim*, was dependent on Lippard's information [Seecamp,1970, 192].

In 1842-1852 Lippard was producing a mass amount of novels, essays, and lectures which were directed against America's ruling class. However he reached the popularity with his novel *The Quaker City; or The Monks of Monk Hall* (1844). It was a satirical and sensational novel combining Gothic horror, romantic eroticism, and social satire. It soon became the best-selling novel in America selling 60 thousand copies in its first year [Streeby, 2002, 40; Pettit, 2007].

Lippard started the first reform newspaper *The Quaker City Weekly* which he was the editor of for two years. The newspaper

reached fifteen thousand people. In addition, Lippard wrote five novels and many essays, which promoted land reform and militant labor combination [Streeby, 2002, 41, 44].

In 1850 Lippard founded the Brotherhood of the Union, a secret society aiming to eliminate poverty and crime by removing the social ills causing them [Lippard, 1986, 207-210].

He was a popular lecturer, journalist, and dramatist, renowned for both the stories he wrote and for his relentless advocacy of social justice. He was a participant in the National Reform Congress (1848). He suffered from tuberculosis for the last years of his life. Confined to his house by the disease, Lippard spent the final months of his life writing a newspaper story protesting against the Fugitive Slave Law (1850). He foresaw the threat of the disunion and Civil War in the new compromise with the South [Lippard, 1986, 186].

Lippard enriched the American literature with new problems. He was the first who wrote ov the antagonisms between Capital and Labor. He wrote about workers life and struggle. He condemned wage slavery in the North and Afro-American slavery in the South. In his writings the writer implemented the wide range of opinions which opposed the ideological «main-stream». We can estimate his views as Dissidence. His creative work shows us the pluralism of opinions in the period of Jacksonian Democracy.

Литература

1. *Quaker City Weekly* (QSW), 1849-1850.

2. George Lippard. *Prophet of Protest. Writings of an American Radical* / Ed. by D. Reynolds. N.Y., Berbe, 1986. 335 p.

3. Bryan W.A. *George Washington in American Literature 1775–1865*. New York: Columbia University Press, 1952. 280 p.

4. Butterfield R. *George Lippard and His Secret Brotherhood // Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 79, No. 3. Jul. 1955. P. 285-309.

5. Cleman J. *Irresistible Impulses: Edgar Allan Poe and the Insanity Defense // Edgar Allan Poe* / Ed. by H. Bloom. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2001. 234 p.

6. Howe D.W. *What Hath God Wrought: The Transformation of America, 1815–1848*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 633 p.

7. Pettit Ed. *Monks, Devils and Quakers. The lurid life and times of George Lippard, Philadelphia's original best-selling author* // http://citypaper.net/articles/2007/03/22/monks-devils-and-quakers.

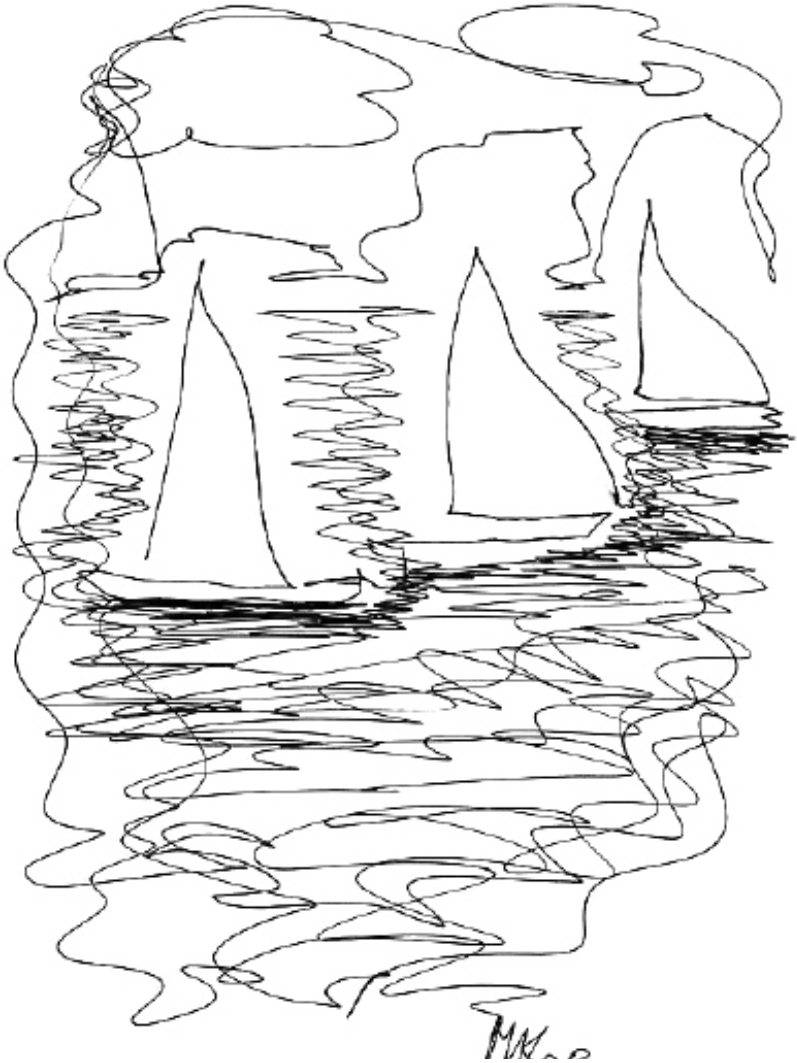
8. Reynolds D.S. *George Lippard*. Boston: Twayne Publishers, 1982. 121 p.

9. Seecamp C.E. *A Chapter of Perfection: A Neglected Influence on George Lippard* // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*, Vol. 94, No. 2 (Apr., 1970), pp. 192-212.

10. Silverman K. *Edgar A. Poe: Mournful and Never-ending Remembrance*. New York: Harper Perennial, 1991. 243 p.

11. Streeby Sh. *American Sensations: Class, Empire, and the Production of Popular Culture*. Berkeley: University of California Press, 2002. 384 p.

Секция 3
Пути развития плюрализма в американской культуре XX века



Section 3
Development of Pluralism in the USA of the 20th Century

Н.А. Высоцкая,
Киевский национальный
лингвистический университет,
Украина

Культурный плюрализм как эстетическая проблема

Мультикультурализм, понятие, прочно вошедшее за последние десятилетия в мировой общественно-политический и культурный тезаурус, – это обширный по своему содержательному наполнению (и весьма противоречивый) идеологически-практический комплекс, охватывающий как объективные явления, так и субъективные толкования.

Цель данной статьи состоит в очерчивании проблемного поля, соотносимого лишь с одним аспектом мультикультурализма, а именно, его непростыми отношениями с категорией эстетического. Впрочем, эта его грань, по моему убеждению, неразрывно связана с другими, в частности, с вопросами культурной идентичности и изменений канона.

Наиболее важными теоретическими проблемами, встающими перед философами, политологами, культурологами и педагогами в их попытках осмыслить «про» и «контра» мультикультурного проекта, представляются мне следующие. Во-первых, разные понимания категории «культуры» в дискурсе мультикультурализма; далее, роль групповой (расовой, этнической и т.д.) ориентации в процессе конституирования идентичности; (не)совместимость поликультурного подхода с главными принципами либеральной демократии; задача включения разнообразия в пространство общности, не прибегая к традиционным западным формам его унификации, нейтрализации отличия Другого путем его редукции к знакомому и привычному; целесообразность применения мультикультурных стратегий в образовании [подробнее см. Висоцька 2005],

Среди самых заметных результатов «мультикультурного поворота» в области литературоведения было выделение произведений, созданных представителями этнических и других

меньшинств, в отдельные разделы американской литературы, сопровождавшееся формированием соответствующего научно-критического корпуса; академические споры и столкновения вокруг категории «канона», приведшие к его «взрыву» [см. Головна течія 2006]. Несколько позже эти процессы были дополнены пересмотром национальной литературной истории с точки зрения ее «гибридности»/«креольности». Сегодня на повестке дня стоит критика изоляционизма при рассмотрении литературных явлений и, соответственно, теоретическое и историко-литературное обоснование возвращения к видению литературы США как единого целого, но с учетом уроков культурного плюрализма [подробнее см. Висоцька 1999; Тлостанова 2000; Висоцька 2000; Висоцька 2006].

На мой взгляд, корни многих споров, неустанно ведущихся вокруг вышеназванных проблемных констелляций, кроются в нерешенности ряда фундаментальных вопросов эстетики и поэтики, вызванных к жизни новым модусом функционирования американской культуры. В области искусства и литературы переход на позиции мультикультурализма означал проникновение в мейнстрим (в том числе, и в канон) текстов и артефактов, творцы которых руководствовались иными эстетическими принципами, нежели их западные коллеги. Происходит и фактическое размывание границ между мейнстримом и периферией. Эти процессы усилили у гуманитарного сообщества порожденное постмодернизмом ощущение растерянности, ценностной дезориентации в новом культурном поле, а вместе с тем, импульс к ревизии устоявшихся взглядов на искусство в направлении расширения его содержательных рамок, или даже коренного пересмотра его основ. Для нас как для преподавателей и исследователей эти проблемы выходят далеко за пределы чистой теории, приобретая актуальное практическое значение. Ведь именно от их решения зависит, как нам читать, интерпретировать и преподавать значительный массив текстов, произведенных в новых культурных условиях.

Как отмечает в предисловии к сборнику статей «Эстетика в эпоху мультикультурализма» (2002) маститый исследователь американской литературы Эмори Эллиотт, «пришло время выработать новые подходы к взаимоотношениям между культурами меньшинств и доминантной культурой»

[Elliott 2002, 6]. Наиболее дискуссионными в этой перспективе предстают категории универсальности и нормативности, художественной ценности и эстетических оценок, критериев и суждений (сегодняшняя теоретическая мысль отдает себе отчет в неминуемой обусловленности этих последних идеологической/общественной позицией оценивающего).

Поставив под сомнение абсолютность категорий истины, объективности, универсальности, нормы, отрицая существование непреодолимой пропасти между «высокой» и «низкой», элитарной и массовой культурой, постмодернистская теория тем самым вынесла вотум недоверия эстетике как таковой, ибо она неизбежно ставит задачу оценивания и выбора между произведениями искусства, что влечет за собой вопрос о критериях.

Когда стандарты красоты постулируются сторонниками традиционных взглядов в качестве «вечных» и «повсеместных», их оппоненты опровергают это утверждение как игнорирующее культурные и исторические отличия и пытающееся навязать вкусы и ценности культурной/социальной элиты всему обществу. Ведь с исторической точки зрения то, что «позиционируется как универсальное и основополагающее является ничем иным, как классическими западными канонами в искусстве и литературе, сконструированными в первую очередь белыми мужчинами – составителями антологий, литературными редакторами и интеллектуалами на протяжении последних двух столетий» [Ibid.,10]. В этой ситуации выделяется несколько более или менее четких принципиальных позиций. Адепты культуры в ее классическом гуманитарном понимании, которых противники именуют консерваторами (типичный пример – Гарольд Блум), бросаются на защиту традиционных ценностей против политизации искусства «школой возмущения», т.е. постмодернистами и мультикультуралистами. Хотя пафос Блума в отстаивании эстетического совершенства как основного критерия при оценке произведения не может не импонировать, его позиция, очевидно, слишком узка при обращении ко многим явлениям современной культуры. На противоположном полюсе стоят теоретики, которые, обвинив эстетику во всех смертных грехах, в частности, во внеисторичности и идеологической ангажированности, предлагают вообще отказаться от нее, в

результате чего, как констатирует Джон Гиллори, «отказ от эстетики становится эпистемологической чертой современных критических практик» [Guillory 1994, 274]. Барбара Х. Смит, в частности, утверждает: «…Поскольку произведение искусства не выполняет никаких функций, которые можно было бы определить как уникальные, а также не существует способа отличить «удовольствия» (rewards), получаемые от переживаний или поведенческих моделей, связанных с восприятием искусства, от множества других, все разграничения между «эстетической» и «не-эстетической» или («вне-эстетической») ценностью должны рассматриваться как принципиально проблематичные» [Smith 1988, 34]). Однако, кроме того, что отказ от категории эстетического приведет к полному (а, следовательно, деструктивному) релятивизму, такой акт практически невозможен из-за постоянной необходимости выносить подобные суждения как в общественной, так и в частной сфере. Поэтому, признавая значительную степень относительности и сконструированности наших эстетических представлений, их неизбежную идеологическую и политическую окрашенность, третья группа мыслителей все-таки ищет пути нередуктивного сохранения как универсального, так и частного, как объективного, так и субъективного для более адекватной реакции на культурное разнообразие. Именно эти поиски представляются наиболее продуктивными, а поэтому и наиболее интересными для нас.

Немало ученых ратует за восстановление эстетики в правах, но на новых основаниях. Как всегда, взвешена и далека от крайностей точка зрения Э. Эллиотта. Размышляя о качественном мультикультурном гуманитарном образовании, он подчеркивает недостаточность самого факта включения в университетские программы произведений, вышедших из-под пера представителей различных этнических или расовых групп. Не менее важно, как именно они преподаются. Ведь весьма распространенная ситуация выделения их в дисциплинарное «гетто», трактовка преподавателем как чисто политических или социальных текстов оказывает плохую услугу делу мультикультурализма. Такой подход внушает представление о «второсортности», эстетической неполноценности подобных произведений, все достоинства которых якобы определяются их идеологической нагрузкой. Э. Эллиотт ак-

центирует необходимость возвращения к эстетическим критериям, к техникам «внимательного чтения» (close reading), скомпрометированным в определенной степени высокомерной элитарностью «новых критиков». А чтобы избежать прошлых ошибок, современному гуманитарию следует как можно больше расширять свой культурный тезаурус. Таким образом «мы сможем намного лучше показывать своим студентам, почему тексты авторов афро-американского, азиато-американского, латиноамериканского происхождения так богаты и приносят такое эстетическое удовольствие» [Elliott 2002, 16].

Необходимым шагом на пути к более открытой теории, позволившей бы включить в область эстетического феномены, ранее выталкивавшиеся на ее обочину, многие исследователи считают критический пересмотр концепта «универсальности». Для понимания их аргументации необходим краткий исторический экскурс.

Как известно, эстетические концепции Нового времени в значительной степени оформляются, начиная с середины XVIII в. Современные социологи и культурологи левого направления (Т. Иглтон, П. Бурдье, Дж. Гиллори и др.) демонстрируют связь этого процесса с тогдашними политико-экономическими трансформациями в обществе. «Чистая» эстетика выполняла функцию легитимизации рыночной экономики, предоставляя буржуазии, в дополнение к материальному, еще и символический «культурный капитал» (термин П. Бурдье). В работе «Идеология эстетического» (1990) известный философ-неомарксист Терри Иглтон связывает бурное развитие эстетической мысли в Германии середины XVIII в. с политической необходимостью включить не контролировавшийся до тех пор мир чувств и ощущений в сферу действия Разума [Eagleton 1990, 4].

Обратившись к первоисточникам, несложно убедиться, что концепция эстетического формулировалась сначала через дискурс вкуса, содержавший в свернутом виде ее узловые проблемы – и антиномию универсального – частного, и вопрос о субъективности или объективности чувства прекрасного, и проблему эстетического суждения. Известно, что специфические переживания, которые с древнейших времен охватывали представителей вида Homo sapiens при встречах

с прекрасным или величественным, на протяжении столетий не имели точного соответствия в человеческом словаре. Когда же в XVIII в. термин «эстетическое», наконец, появился в немецкой философии (трактат Александра Баумгартена «Размышления о поэзии», 1735), он был искусственно создан от греческого корня, означавшего чувственное восприятие. Таким образом, первичное значение слова отсылало к способу познания именно через непосредственное сенсорное ощущение, предшествовавшее умственной абстракции. Именно к нему возвращаются некоторые современные теоретики (скажем, Ю. Хабермас) в стремлении найти в эстетическом противовес технически-инструментальной рациональности новейшего времени.

Утверждая, что прекрасное не является свойством, присущим самим предметам, что «оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека видит иную красоту» [Юм 1996,II, 625], Д. Юм в известном эссе «О норме вкуса» (1757) тем самым акцентирует субъективную и индивидуальную природу наших эстетических суждений. Однако, он тут же противоречит себе, называя прекрасным то, что «*по общему мнению*, приносит удовольствие *во всех странах и во все времена*» (подчеркнуто мной – Н.В.) [там же]. Его вывод – «Принципы вкуса всеобщи и почти, если не полностью, тождественны у всех людей» [Юм 1996,II,635] – де-историзирует и универсализирует эстетическое чувство.

К схожему выводу приходит и Э. Берк в своем влиятельном трактате о происхождении идей возвышенного и прекрасного. Невзирая на все разнообразие вкусов, полагает он, есть принципы вкуса, «настолько общие для всех, настолько обоснованные и определенные, что благодаря этому возникает возможность убедительно обсуждать их» [Берк 1979, .48].

Наконец, в намного более сложной эстетической концепции И. Канта, изложенной, главным образом, в «Критике способности суждения» (1790), ключевым эпитетом для обозначения «чистого», «абсолютного» эстетического удовольствия выступает «бескорыстное, незаинтересованное», то есть лишенное каких бы то ни было корыстных мотивов и личной выгоды. При этом уже в первом абзаце своего пространного изложения философ подчеркивает, что «суждение вкуса не есть познавательное суждение, тем самым оно не логи-

ческое, а эстетическое суждение, под которым понимают то суждение, определяющие основания которого могут быть лишь субъективными» [Кант 1994, 70-71]. Однако далее Кант несколько сдвигает акценты, связывая с суждением вкуса «претензию на субъективную всеобщность» [Кант 1994, 79]. Более того, наличие такого общего чувства провозглашается необходимым условием вынесения вкусового суждения [Кант 1994, 107].

Как видим, дискурс универсальности был заложен уже в основополагающих текстах эстетической теории Нового времени; другое дело, что ее творцам не пришло бы в голову включить в понятие «всеобщности» немецкого крестьянина, африканского негра или даже собственную супругу. То есть, эта категория мыслилась в достаточно ограниченных классовых, расовых, гендерных, культурно-образовательных координатах, автоматически оставляя за своими границами всех, кто не отвечал определенным требованиям. Как комментирует Пьер Бурдье, в эстетике Канта происходит «универсализация настроений, связанных с конкретными общественными и экономическими условиями» [Bourdieu 1984, 493]. Именно эти границы стремятся теоретически разрушить современные ученые, сохраняя при этом идею «универсальности» как потенциально демократическую. Авторитетный исследователь Сатья Моханти ставит своей целью соединить понимание любых «ценностей» (в том числе, эстетических) как социально и исторически меняющихся, с их трактовкой, выходящей из глубин человеческой природы, «потребностей и способностей, присущих всему роду человеческому» (species-wide) [Mohanty 2002, 41]. Такой подход позволяет утверждать, что, несмотря на их зависимость от множества факторов, ценности все-таки могут быть объективными. Моханти базирует свою аргументацию на не реализованной до конца на практике, но от этого не менее значительной (кантианской) идее европейского Просвещения о «способности к рациональной самодеятельности» (rational agency) [Mohanty 2002, 44] как основы концепции равенства людей. Очевидно, происходит возвращение к идеям классической эстетики на новом витке спирали, когда первичный круг избранных как возможных реципиентов прекрасного и возвышенного расширяется до масштабов всего человечества.

Таким образом, западная, в частности, англо-американская теоретическая мысль постепенно приходит в себя от растерянности и даже шока, вызванных вторжением в сферу эстетического объектов, созданных Другими/Иными, а следовательно, сложных для интерпретации в терминах традиционной (классической и модернистской) эстетики. Если крайне левые отказывают в праве на существование каким бы то ни было эстетическим суждениям как слишком глубоко укорененным в доминантной общественной идеологии, а крайне правые не желают и слышать о возможности более открытого подхода к категориям красоты и искусства, представители «золотой середины» пытаются найти выход в расширении наших представлений об этих категориях путем преодоления евроцентристских ограничений. Такой ход требует серьезного освоения духовного континуума и художественных конвенций других культур, что, в свою очередь, невозможно без сознательных усилий. При этом не отрицается ни общественная ценность эстетики как таковой, ни достижения западной культуры. В свете неуклонных глобализационных сдвигов современности именно этот последний подход представляется мне наиболее реалистичным и перспективным.

Natalia Vysotska,
Kiev National Linguistic University,
Ukraine

Cultural Pluralism as a Problem of Aesthetics

Multiculturalism is a multifaceted and controversial phenomenon prominent in European and especially American social life and humanitarian studies of the past decades, and encompassing both objective factors and subjective interpretations.

The present paper aims at delineating the spectrum of issues pertaining to multiculturalism's complicated relations with the category of the aesthetic.

It is my belief that numerous debates around multiculturalism are rooted, albeit in part, in the fact that some fundamental

problems of aesthetics and poetics brought to life by American culture's functioning under new conditions are still unresolved. Multicultural turn in art and letters implied the penetration of texts and artifacts built upon non-Western aesthetic premises into the mainstream and canon. The borders between the mainstream and the margins are actually under erasure. These developments intensified the feeling of confusion and axiological disorientation in humanitarian community engendered by postmodernist impulses.

As Emory Elliott states in his introduction to a collection entitled *Aesthetics in a Multicultural Age* (2002), «now is the moment to formulate new assessments of the relationships between minority cultures and the dominant culture» [Elliott 2002, 6]. The most problematic categories in this context are universality and norm, artistic value/worth, and aesthetic judgment, since current theory is well aware of their inescapable determination by the evaluator's ideological/social stand.

Today it is widely acknowledged that ostensibly universal standards in art and literature are, in fact, classical Western canons constructed, mostly, by white males over the past two centuries. A number of more or less distinct theoretical postures can be singled out in the present cultural situation. Indomitable defense of traditional cultural values in the face of the «school of resentment» is represented, for example, by Harold Bloom; the opposite pole is marked by the attempts to do away with esthetics as ahistorical and ideologically engaged category (e.g. Barbara H.Smith). A more moderate position is held by the scholars who, being conscious of our aesthetic judgments' constructedness and bias, still are seeking ways of preserving both universal and particular, objective and subjective to provide a more adequate response to the challenge of cultural pluralism (e.g. Emory Elliott).

Many theoreticians view the revision of «universality» concept as a necessary step towards a more inclusive aesthetics. In order to grasp their arguments in full, it is advisable to recapitulate its historical genesis.

It is well known that modernity's aesthetic concepts were largely formed beginning from mid-18th c. Contemporary left-wing sociologists and cultural historians (Terry Eagleton, Pierre Bourdieu, John Guillory and others) demonstrate this

process' links to contemporary political and economic societal transformations, where «pure» aesthetics was used to legitimize market economy supplying budding bourgeoisie with additional «cultural capital» and subordinating the world of emotions to Reason's control [Eagleton 1990, 4].

The original meaning of «aesthetics» had to do with sensory perception, and the trajectory of its evolution could be charted as the route from «taste» to «judgment».

Arguing that the beautiful is not inherent in objects, but exists solely in contemplating spirit, David Hume in his influential *On the Standard of Taste* (1757) accentuated subjective and individual nature of human aesthetic judgments. He, however, contradicts himself by calling «beautiful» phenomena and objects giving pleasure in all countries and in all times and thus de-historicizing and universalizing aesthetic feeling. Edmund Burke arrives at a similar conclusion in his treaty dwelling upon the origins of the ideas of the beautiful and the sublime.

Immanuel Kant's much more sophisticated aesthetic theory laid out mostly in his *Kritik der Urteilskraft* (1790) stresses from the outset that the judgment of taste is not a cognitive or logical judgment, therefore, it can only be subjective. Further on, however, he somewhat shifts the focus of his reasoning, bringing into play the claim to subjective universality.

Therefore, the discourse of universality was already present in the fundamental texts of modern esthetic theory; its shapers, however, would not dream of covering German peasants, Africans or even their own wives by the notion of universality. That is, the category was conceived within limited enough class, race, gender, cultural and educational framework, automatically excluding all those outside it. It is these borders that contemporary scholars set out to dismantle while trying to preserve the idea of «universality» as possessing strong democratic potential.

Satia Mohanty, for one, aims at combining the understanding of any «values», esthetic included, as socially and historically changeable, with their treatment based on human nature with its species-wide needs and capabilities [Mohanty 2002, 41]. His approach makes it possible to argue that no matter how much they are conditioned by various factors, values still retain a certain degree of objectivity. Mohanty relies upon Kantian idea of rational agency as the foundation for human equality

that has been declared by European Enlightenment but not fully realized. What we are witnessing now, therefore, looks like return to classical aesthetics provisions under different historical circumstances, with the primary circle of the «elect» as possible recipients of the Beautiful and the Sublime expanding to embrace the whole of humanity.

To sum up, Western, in particular Anglo-American scholarship seems to be recovering after confusion or even shock caused by the intrusion of objects created by Others and, consequently, resisting interpretation in terms of traditional (classical and modernist) aesthetics into its sphere. While leftists on the extreme deny any aesthetic judgments the right to exist as too deeply enmeshed in dominant ideology, and rightists on the extreme would not hear of a more open vision of art and beauty, the representatives of aurum mediorum are seeking a way out through getting away from Eurocentric limitations.

This move calls for serious study of spiritual continuum and artistic conventions developed in other cultures, which, in its turn, is inconceivable without conscious efforts, while at the same time acknowledging the aesthetics' social worth and the accomplishments of Western culture. Taking into consideration today's globalization processes, this approach looks most realistic and promising.

Литература

1. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.

2. Висоцька Н.О. Література США та ідеї мультикультуралізму // Вікно в світ. – 5(8)/99. – С.122-132;

3. Висоцька Н.О. Американське літературознавство сьогодні: мультикультурний вимір // Американська література після середини XX століття. Матеріали міжнародної конференції. – К.: Довіра, 2000. – С.273-279.

4. Висоцька Н.О. Дискусійні питання мультикультуралізму в американському соціумі // Концепція мультикультуралізму. Збірка наукових праць. – К.: Стилос, 2005. – С.16-29.

5. Висоцька Н.О. Американський «текст» як продукт культурної креолізації // Американські літературні студії в Україні. Вип.3. – К.: Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка НАН України, 2006. – С.102-114.

6. Головна течія – гетерогенність – канон в сучасній американській літературі. Матеріали III Міжнародної конференції з американської літератури. – К.: Факт, 2006. – 607 с.

7. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 373 с.

8. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 400 с.

9. Юм Д. О норме вкуса // Юм Д. Сочинения в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1996. – С.622-642.

10. Bourdieu, Pierre. *Distinction: a Social Critique of the Judgment of Taste*, transl. R.Nice. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1984. – 613 p.

11. Eagleton, Terry. *The Ideology of the Aesthetic*. – Oxford: Blackwell, 1990. – 426 p.

12. Elliott, Emory. *Introduction: Cultural Diversity and the Problem of Aesthetics // Aesthetics in a Multicultural Age*. Ed. by E. Elliott, L. F. Caton, J. Rhyne. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002. – P.2-27.

13. Guillory, John. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. – Chicago & L.: The Univ. of Chicago Press, 1994. – 388 p.

14. Mohanty, Satya P. *Can Our Values be Objective? On Ethics, Aesthetics, and Progressive Politics // Aesthetics in a Multicultural Age*. Ed. by E. Elliott, L. F. Caton, J. Rhyne. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002. – P.31-59.

15.Smith, Barbara Hernstein. *Contingencies of Value: Alternative Perspectives for Critical Theory*. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1988. – 229 p.

И.С. Алёнин,
Русско-Американский институт,
Москва

Диалог конфессий в американской литературе как проявление религиозного плюрализма

8 июня 1978 года на выпускной церемонии Гарвардского университета Александр Исаевич Солженицын произнес речь, выдержанную в мрачных апокалипсических тонах. В течение первых ста лет существования университета доминирующим жанром выступлений проповедников Новой Англии был жанр иеремиады – стенаний по поводу слабости

человека и вырождения общества, с присущими этому жанру призывами к смирению и покаянию. В своей знаменитой книге «Циклы американской истории» Артур М. Шлезингер, отзывался о великом русском писателе с большим уважением, считая его «человеком образцового благородства и крайней отваги» [Шлезингер, 1992, 164]. При этом он высказывается в том духе, что Солженицына-пророка необходимо слушать с большой осторожностью, поскольку непогрешимых пророков нет и что пророчества тесно переплетены с фантазией. В противовес моральному хаосу демократии Солженицын выдвигает достоинства «подчинения авторитету». Его модель – христианский авторитаризм под управлением богобоязненных деспотов и при отсутствии политической жизни, партий [Там же, 166].

Прошло больше тридцати лет со времени произнесения этой речи. Шлезингер, сравнивая Солженицына с американскими пуританами поколения отцов-основателей, говорит о присутствующем у Солженицына мистицизме, присущем Русской православной церкви. Согласно русским религиозным воззрениям, пишет Шлезингер, земное счастье ничто в сравнении с Судом Божьим. Пуританство же по традиции более эмпирично. Кальвинизм, воспринявший учения Джона Локка, заложил философскую основу американского эксперимента, в основе которого лежали идеи демократии. Идеи демократии способны существовать в условиях плюрализма мнений и религиозных взглядов. И по сей день американское сознание по-прежнему чутко к религиозным жанрам и фразеологии. Во многом это вызвано продолжительным и плодотворным противостоянием-диалогом протестантского и католического мировоззрений, что стало одним из зримых выражений американской демократии. В условиях молодой российской «суверенной демократии» о значимом диалоге между христианскими конфессиями, запечатленном в русской современной литературе, пока говорить не приходится.

Дух кальвинизма, дух первых поселенцев Америки, видевших в ней царство духовной свободы, до сих пор продолжает оказывать влияние на умы как самих американцев, так и читателей американской литературы. Оно выражается в открытых и скрытых отсылках к религиозной символике, образам, идиоматике, библейской, в частности, которыми

изобилует американская культура и литература даже в модернистском и постмодернистском XX веке. В каких-то произведениях они существуют на уровне атавизма, в каких-то выражают живое религиозное переживание своих героев и подчас самого автора.

В начале книги «Мир собственной сборки: американские писатели-модернисты» (1975) (A Homemade World: The American Modernist Writers) американский критик Хью Кеннер сводит вместе два разноплановых события XX века – первый полёт братьев Райт в 1903 году, ставший свидетельством нарастающей технической мощи Америки, и литературный труд, начатый в следующем году, когда ирландец Джеймс Джойс в «Портрете художника в юности» (закончен в 1914 году) изображает своего героя Стивена Дедала, «бросающимся на своих воображаемых крыльях в небеса неизведанных искусств, порывая с домом, семьёй, католической верой и своими ирландскими корнями» [Kenner, 1975, IX]. По мнению Кеннера, модернизм нашёл свою счастливую гавань именно в Америке. По мысли сэра Джеймса Фрейзера, высказанной в конце его знаменитого труда «Золотая ветвь», «в общем и целом поступательное движение человеческой мысли, насколько мы можем составить себе представление о нем, шло от магии через религию к науке» [Фрезер, 1980].

Казалось бы, именно эпоха модернизма должна была стать той самой эпохой безраздельного влияния науки и массового охлаждения к религии. Но в Америке этого не происходит. Религия продолжает определять особенности национального американского характера, продолжает вдохновлять писательское воображение, помогает удерживать в коллективной памяти казалось бы безнадежно устаревшие религиозные концепции и коммуникативные жанры.

В своем эссе о Достоевском И. Бродский высказывал полемическую мысль о том, что «…быть писателем неизбежно означает быть протестантом или, по крайней мере, пользоваться протестантской концепцией человека… В протестантстве человек сам творит над собой подобие Страшного Суда, и в ходе этого суда он к себе куда более беспощаден, чем Господь или даже церковь, – … потому, что (по его собственному убеждению) он знает себя лучше, чем Бог и церковь… И… потому, что он не хочет, точнее – не может простить» [Брод-

ский, 1980]. Эту особенность протестантского мировоззрения чутко уловила и сумела изобразить уроженка Джорджии, Фланнери О'Коннор, католичка по вероисповеданию.

Фигура пророка – одна из ключевых для творчества Фланнери О'Коннор. Себя она называла «писательницей, ощущающей Божье присутствие» (God conscious writer). Она настаивала на необходимости древней пророческой миссии, полезности ее. Почти все главные герои О'Коннор – люди с миссией, не всегда чисто религиозной. Ее пророки – чаще всего протестантского толка, малообразованные, но с горящим сердцем. Мэйсон Таруотер из романа «Царство Небесное усилием берется», подобно Моисею, не входит в свою землю обетованную – сам не выполняет ту миссию, которую, как ему кажется, возложил на него Бог, а именно – крещёние слабоумного ребёнка, сына своего родственника, атеиста Рейбера, но передает ее своему внуку, Фрэнсису. Два главных героя-пророка, Мэйсон и его внук, по замыслу О'Коннор, должны бросить окружающему миру вызов. В противном случае их осудит собственная совесть. Для протестанта обряд крещения становится особенно важным в силу того, что он является зримым выражением внутреннего изменения, спасения его души Богом. В то время как для католика крещение – это своего рода аванс, обещание Богу того, что младенцу, проходящему крещение, будет оказана помочь в духовном становлении. О'Коннор делает обряд крещения одним из ключевых обрядов для своих произведений (например, рассказ «Река»), потому что очень серьезно относится к католическим таинствам.

О'Коннор критически относится к некоторым особенностям протестантского мировоззрения. Так, она всячески подчеркивает характерную для многих персонажей горделивую уверенность в своей избранности и праведности в глазах Бога. Эту особенность протестантского мировоззрения подчеркивает в своем исследовании «Американские израильтяне: буквализм и типология американского художественного воображения» и Е. Бадик. Она сравнивает рассказы Шервуда Андерсона «Набожность» и «Лесная картина» Фланнери О'Коннор. Джесси Бентли и старик Форчен служат типологическими представителями уходящей в прошлое породы пророков, которые не поняли своего призвания по причине личной гордыни. «Эти рассказы, – пишет автор, –

не просто продолжают общение между протестантским прошлым и двадцатым веком. Они также отражают причины и последствия американского материализма и относят его возникновение к последствиям буквализма протестантской герменевтики и тенденциозной подмены библейской истории американской историей» [Buddick, 1984, 206]. Автор считает, что писатели тем самым указывают на одно известное заблуждение, свойственное широкой американской публике, – а именно, «восприятие истории своей страны как “новой и последней книги христианского Писания”».

Если Фланнери О’Коннор, будучи католичкой на протестантском Юге, воспринимает библейские истории, как часть живого духовного наследия, способного преображать жизни людей, то использование библейских мотивов другим южанином – Уильямом Фолкнером выражает его стремление демифологизировать подвиг Христа. Он относится ко Христу как к легенде, но очень важной для понимания менталитета южанина. В романе «Притча» Фолкнер старается показать гуманистическую составляющую крестной смерти и связанной с ней символики добровольного отказа от жизни ради блага других. Однако, избрав сюжетом своего романа историю страстей Христовых, автор старательно убирает из него события, которые можно трактовать как божественное вмешательство в земную жизнь людей.

Следуя внешней канве евангельской истории, Фолкнер трансформирует ее на военный лад. Во время казни безымянный капрал, главный герой романа, по аналогии с распятием Христа, привязан рядом с двумя преступниками. Тут же присутствует символ крестных страстей – терновый венец – моток колючей проволоки. После смерти две женщины, входившие в ближний круг капрала, хоронят его на своей земле. И его воскресение происходит «демифологизированным» образом: в его могилу попадает снаряд. Останки капрала перезахоранивают в могиле неизвестного солдата. Тем самым Фолкнер вступает в противостояние доминирующей христианской традиции буквального истолкования истории о страстях Христовых, предлагая свое толкование сюжета Христовых страстей – чтобы стать всеобщим кумиром, необязательно быть Богом, достаточно прожить свою жизнь на благо других.

В отличие от Фланнери О'Коннор Эрнест Хемингуэй не относил себя к религиозным писателям. Хотя с религией, в частности протестантской, писатель был знаком с детства. Родители Хемингуэя были людьми религиозными, верующими протестантского толка. «Религиозная мысль Хемингуэя в разное время тяготела к протестантизму, этот период сменился периодом неверия, скептицизма, разочарования, и в 1928 году Хемингуэй стал римо-католиком» [Jullane, 1964, 52]. Религиозные основы личности писателя были заложены пуританским учением конгрегационалистской церкви, строгим учением епископальной теологии, которой учил внука дедушка Эрнест Холл. Отец, Кларенс Хемингуэй, приучил Эрнеста любить родную природу и спорт. Сцену расставания с отцом Хемингуэй потом опишет в романе «По ком звонит колокол». «Он (Роберт Джордан) боялся ехать и не хотел, чтобы кто-нибудь догадался об этом … Отец поцеловал его на прощанье и сказал: "Да не оставит нас господь, пока мы с тобой будем в разлуке". Его отец был очень религиозный человек, и он сказал это искренне и просто» [Хемингуэй 2004, 486]. Эрнест уехал из дому, ещё не осознавая, как много родители дали ему. Мать всегда вдохновляла его на творчество, помогала развиваться его воображению. Отец научил его охоте, рыбалке и ещё многому тому, что позже сделает Эрнеста знаменитым, поможет ему создать вокруг своей фигуры персональный миф.

Первой серьёзной книгой Хемингуэя стал сборник рассказов «В наше время» (1925). В этом сборнике можно ясно разглядеть в зародыше круг тем, волновавших молодого писателя и на многие годы определивших основные направления его литературных интересов, в том числе – библейски ориентированных. Само название первого сборника («В наше время», *In Our Times*, 1925) взято писателем из «Вечерней молитвы», входившей в состав молитвенного сборника «Книга общих молитв» (*The Book of Common Prayers*), – настольной книги в доме Хемингуэев. Он и в будущем то и дело будет привлекать религиозную и библейскую тематику для заголовков своих произведений: «И восходит солнце» ("The Sun also rises… "), «Праздник, который всегда с тобой» (по-английски – «A Movable Feast», религиозный праздник, за которым не закреплена определённая дата), «По ком звонит колокол» ("For

Whom the Bell Tolls”, в самом названии заключена аллюзия на католический обряд), «Райский сад» (“The Garden of Eden”) и др.

Если О’Коннор считала свой взгляд на мир католическим, то о мировоззрении Хемингуэя настолько однозначно сказать нельзя. При этом и в его персонажах, и в его собственном характере отмечались некоторые черты, сформированные религиозным воспитанием. «Друг Хемингуэя Малькольм Каули говорил о нём: «Он романтик по натуре, и он влюбляется подобно тому, как рушится огромная сосна... Кроме того, в нём есть пуританская жилка... Когда влюбляется, он хочет жениться и жить в браке, и конец брака он воспринимает как личное поражение» [Грибанов 1998, 267].

Чрезвычайно богата религиозной символикой повесть «Старик и море». Эта повесть о победе, которая приходит через поражение. Это битва за человеческое достоинство перед лицом враждебного мира, который надо преодолевать, чтобы выжить. Пойманную рыбу старик Сантьяго называет братом потому, что именно в противостоянии с ней ему удается отстоять своё собственное достоинство. Сантьяго верит в Бога инстинктивно, потому что так воспитан. Сантьяго – в переводе «святой Иаков» – занимается ремеслом апостолов. По католической привычке он поминает святого, но примечательно, что его святой – личность отнюдь не церковная. Это великий бейсболист Ди Маджио. Он ему не молится, он его поминает. Ведь Ди Маджио продолжал играть, превозмогая боль от костной мозоли. И память об этом даёт силы старому рыбаку, когда его руки изрезаны леской до крови. Ему присущи смирение и скромность – черты, входящие в христианский кодекс чести. Рыбная ловля – это древний ритуал, от исполнения которого зависит сама жизнь героя. Таких ритуалов в произведениях Хемингуэя довольно много. Это и бой быков, и охота, и писательская работа – всё это ритуалы, вносящие в жизнь человека смысл и порядок. «Правила, – писал другой писатель, воспитанный в католической вере, Антуан де Сент-Экзюпери, – похожи на религиозные обряды: они кажутся нелепыми, но они формируют людей» [Сент-Экзюпери 1964, 122].

Пол Эли (Paul Elie) в своей книге «Жизнь, которую ты спасаешь, может оказаться твоей» («The Life You Save May Be

Your Own») указывает на то, что на пороге двадцатого века Америка остается страной религиозной [Elie 2003, 6]. Однако характер этой религиозности весьма пестрый и сложный для анализа. В своей знаменитой работе «Разнообразие религиозного опыта» (1902) Уильям Джеймс определяет религию, как «чувства, действия, опыт, которые личности испытывают и совершают в одиночестве, находясь в присутствии той силы, которую они считают божественной» [Джеймс, 1910]. Мерой религиозного переживания становится, по Джеймсу, сама личность, а не стоящие между ним и Богом посредники в лице Церкви и священников. Обладание личным религиозным переживанием объединяет, по Джеймсу, людей, верующих в некий свой понятный подчас только им самим идеал.

В данной статье мы остановились только на нескольких примерах взаимопроникновения, противоборства и диалога между протестантским и католическим религиозным мировоззрением в американской литературе. Однако, говоря об американской культуре в целом и американской литературе в частности, мы обязаны иметь в виду различные виды религиозности, присущие американцам и в XXI веке: о традиционном споре теологий, мировоззрений протестантов и католиков, об увеличивающемся влиянии православного мировоззрения в среде интеллектуалов, а также нехристианской религиозности и даже религиозности светской, которая предполагает выбор того, какому объекту или силе придать характер абсолюта со стороны индивидуума. Сочетания этих взглядов на мир и человека, воплощенные в американской литературе XX века, делают разговор об американской религиозности весьма непростым, но весьма полезным и своевременным в эпоху, которая, по словам психолога Виктора Франкла, характеризуется экзистенциальными крушениями, утратой воли к поиску смысла существования.

I.S. Alenin,
Russian-American Institute, Moscow,
Russia

Dialogue between Christian Confessions in American Literature of XX-century as a Manifestation of Religious Pluralism

On June 8, 1978, during the graduation ceremony at Harvard University, Alexander Solzhenitsyn gave a speech which contained gloomy apocalyptic sentiments. In the first hundred years of Harvard's existence the dominating genre was jeremiad – wailing about deepening human weakness and degradation. In his famous book *The Cycles of American History* Arthur M. Schlesinger spoke highly of Solzhenitsyn, but nevertheless he warned his readers to listen to the Russian prophet with caution. The reason for this was that there were no impeccable prophets, and prophecies were too intertwined with fantasy. As an alternative to the moral chaos of democracy Solzhenitsyn suggested the merits of «strict obedience to authority» [Шлезингер 1992]. His model was Christian authoritarianism ruled by godly despots, with no political activities and parties.

More than thirty years have passed since Solzhenitsyn's prophetic address at Harvard. His authority is great even after his death. Schlesinger comparing Solzhenitsyn with American Puritans from the founding fathers' generation speaks about Solzhenitsyn's mysticism which he attributes to the Russian Orthodox Church. According to Russian religious ideas, earthly happiness is nothing in the face of God's Judgment and nothing in comparison with The Heavenly Kingdom. Puritanism in its tradition is more empirical. Calvinism, assimilated John Locke's teaching, laid the foundation for «the American experiment» based on ideas of democracy. Ideas of democracy can exist only on conditions of pluralism of opinions and religious views. To the present day American national conscience is very sensitive to religious genres of speech and phraseology. Whereas Russian society only comes back to it, or discovers it afresh. The fact is that the dialogue/opposition of Protestant and Catholic

worldviews has a long and productive tradition which is a visible expression of American democracy. So far in the Russian young «sovereign democracy» there is not yet a foundation laid for such a dialogue between different Christian confessions, and popular writers do not engage themselves in the talk about deep religious subjects. On the one hand, there are not too many believing writers, and on the other hand, the audience is not ready for such a talk.

The spirit of Calvinism, which inspired the spirit of first settlers, who saw America as a dominion of spiritual freedom, still influences minds and hearts of both Americans, and readers of American literature. This influence is expressed in religious and Biblical, in particular, symbolism, images, idioms, which are abundant in American culture. Being an integral part of the culture American literature even in Modernistic and Post-Modernistic society still contains Christian religious concepts at a level of atavism, or as a manifestation of vivid religious experience.

More than two hundred years ago, right after the American revolution, when Americans proudly recognized themselves as a new nation, American writing already existed, but American literature didn't. Before the 20th-century American literature was mainly perceived as a branch of British Literature. The 20th century became the era of rise and triumph of American literature. In his book *A Homemade World: The American Modernist Writers* American critic, Hugh Kenner, brings together two different XX century events – the first flight of the Wright brothers in 1903, which was an evidence of the growing technical power of America, and the second event – the literary work by James Joyce *A Portrait of the Artist as a Young Man* which depicts Stephen Dedalus as a young person who breaks with his family, Catholic faith and his Irish roots [Kenner 1975, IX]. In Kenner's view, modernism had found its happy harbor in America. As Sir James Frazer put it his famous work *Golden Bough* the onward movement of human thought went from magic through religion to science. Modernistic society, according to this view, should have become an epoch of the undivided influence of science and mass indifference toward religion. But this is not quite true about America. Religion still defines special features of national character, continues to inspire writers' imagination, and helps

to hold in collective memory those literary genres which might look almost obsolete. Prophet-like oracles as well as the figure of a prophet still exist in American literature and the American conscience.

The prophet figure is one of the key figures for the literary art of Flannery O'Connor. She called herself «a God conscious writer» and insisted on the necessity and utility of prophetic mission for a nation's spiritual health. Almost all of her main characters were people with a mission, not always a religious one. If a prophet preaches Biblical truths, then the Catholic writer shows their conservatism and irrelevance in modern society. Her prophets are usually of a Protestant kind, that is not very educated, but with a burning heart. Mason Tarwater, a character from the novel *The Violent Bear It Away*, is a Moses-like figure. He is also unable to enter his promised land being unable to fulfill his self-laid mission – baptize his great nephew, feeble-minded Bishop, son of an atheist Rayber. He passes this mission onto his grandson, Francis. For a Protestant baptism is one the few visible symbols of the conversion to Christian faith. The very fact that Francis wants to baptize a child makes the ritual very Catholic in its nature. Bishop dies during his baptism, though already baptized. This motive of dying during baptism O'Connor uses again in her story *The River*. Her prophets usually do not belong to any particular church. Prophet-like character Hazel Motes from *Wise Blood* novel after having not been able to found a Church Without Christ as he had planned, blinds himself.

In his essay about F. Dostoevsky J. Brodsky states a rather arguable thought that to be a writer inevitably means to be a Protestant, or at least, to use the Protestant concept of a human being. Both in Russian Orthodoxy and in Catholicism, a person is judged by God Almighty and His Church. In Protestantism a person judges himself appears to have his own Day of Judgment in which he is harsher on himself than God, or His Church would ever be. The reason for that is that the person knows himself better than God and Church. Also, he would like to forgive himself, but cannot [Бродский, 1980.]. This peculiarity of a Protestant type the Catholic writer Flannery O'Connor was able to locate and depict.

As Paul Elie states in his book named *The Life You Save May Be Your Own*, at the threshold of 20th century America was still

a religious country. In the beginning of the next century America is still very religious [Elie 2003, 6]. The question is in the nature of this religiosity. In his famous work *The Varieties of Religious Experience* William James defines religion as «the feelings, acts, and experiences of individual men in their solitude, so far as they apprehend themselves to stand in relation to whatever they may consider the divine». The measure of religious experience is a person himself, according to James, not such a mediator like a priest or a church.

At any rate, we can say that American religiosity has a very complicated character which is reflected not only in Flannery O'Connor's writing but also in the works of writers such as William Faulkner, Ernest Hemingway, Arthur Miller, Sherwood Anderson, and others, whose religiosity was not as obvious. The very presence of a dialogue between different kinds of Christian beliefs reflected in American literary works and interest of the general public to it shows that universally people are still striving for «the meaning of existence» as Victor Frankl, the famous Austrian psychiatrist, put it. This search for meaning of life still awakens the auxiows minds of American writers. And this means that the cultural and religious dialogue is still taking place.

Литература

1. Бродский И. О Достоевском, 1980. http://lib.ru/BRODSKIJ/br_dost.txt

2. Грибанов Б. Эрнест Хемингуэй. Ростов-на-Дону, 1998.

3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Издание журнала "Русская Мысль". Москва, 1910 http://psylib.org.ua/books/james01/

4. О'Коннор Ф. Храм Духа Святого. М., 2003.

5. О'Коннор Ф. Царство Небесное усилием берётся. СПб., 2005.

6. Сент-Экзюпери А. Сочинения. М., 1964

7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

8. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1980.

9. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол. СПб. 2004.

10. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992.

11. Budick E. *American Israelites: Literalism and Typology in the American Imagination*. // Ed. by Hirsh D.H., Aschkenasy N. *Biblical Patterns in modern Literature*. California: Scholars Press, 1984.

12. Elie P. *The Life You Save May Be Your Own*, NY.: Farrar, Straus and Geroux. 2003

13. Jullane I. *Hemingway's religious experience*. NY, Washington, Hollywood, Vantage Press, 1964.

14. Kenner H.A. *Homemade World: The American Modernist Writers*. New York. 1975.

М.А. Зайцева,
Саратовский государственный университет
им Н.Г. Чернышевского,
Россия

Формирование мировоззрения Максвелла Андерсона: среда, события, люди

Максвелл Андерсон – одни из выдающихся драматургов США, ставший автором 32 пьес, 13 из которых он написал в 1930-е гг., время тяжелейшего экономического кризиса. В то время его называли самым «занятым» драматургом кризисного десятилетия. Он был драматургом, пытавшимся возродить жанр поэтической трагедии, и если ему не удалось добиться своей цели в масштабе всей страны, он стал автором поэтических драм, пользовавшимся успехом, как у критиков, так и у зрителей.

Так каким же был этот выдающийся и не однозначный человек? Какого было его происхождение? Кто были люди, оказавшие на него влияние?

Цитируя С.Н. Бермана, можно сказать, что «нет тайны более непостижимой, волнительной, чем появление гения из обычной, даже грубой среды» [Behrman, 1972, 239].

Максвелл Андерсон, благодаря своему таланту проложивший дорогу к вершине успеха, оказавшийся в кругу выдающихся и влиятельных людей своего времени происхождения был самого простого. Он вырос в семье людей лишь недавно переставших трудиться на земле.

Драматург родился в крошечном местечке Атлантик в Пенсильвании, на ферме своей бабушки со стороны матери,

15 декабря 1988 г., куда его родители переехали после рождения своего первенца Этели Андерсон. Андерсон был вторым ребенком в семье, в которой конце концов родится 8 детей. Через 3 года Линкольн перевез свою семью в Андовер, где он работал пожарным на железной дороге. Когда освободилось место приходского священника евангелической церкви, жители города обратились к Л. Андерсону с просьбой занять его. Для этого не требовалось никакого специального образования или разрешения. Будущий пастор отнесся к этому предложению серьезно и как вспоминал Максвелл Андерсон, «занимался по ночам и подготовил себя к должности баптистского священника» [Anderson, Avery, 1977, 302].

В воспоминаниях М. Андерсона, отец предстает жёстким человеком, прекрасным оратором, рубахой-парнем, вызывающим симпатию окружающих. [Anderson, Avery, 1977, 304].

Этот человеческий тип был весьма распространен и почитаем на американском Среднем Западе в XIX в. Актерские данные Линкольна не передались по наследству Максвеллу (что было ему хорошо известно), а страстное красноречие отца на всю жизнь вызвало в сыне отвращение к публичным выступлениям [Цит. по: *Shivers*, 1983, 4]. «Это был общительный человек, прекрасный оратор, самый убедительный проповедник, из всех, что мне приходилось слышать. Но я знал, что это все было напускным, ненастоящим. С тех самых пор я не способен выносить подобной нарочитой эмоциональности» [Цит. по: Rice, 1942, 24]. Очаровательный человек на публике, он не был таким дома. Уже в конце жизни, М. Андерсон вспоминал, что дети в семье «с негодованием относились к его искусству продавать себя, бывшему неотъемлемой частью его служения евангелической церкви» [Anderson, Avery, 1977, 304].

Как члены семьи священнослужителя, дети должны были посещать большую часть собраний, имевших место в церкви их отца. Порой, бывая там до пяти раз в неделю, они «ходили в церковь каждое воскресенье, посещали воскресную школу, участвовали в молитвенных и молодежных собраниях, когда бы они ни происходили. Церковь была постоянным фактором, присутствующим в нашей жизни, мы выучили Библию, просто слушая» [Anderson, Avery, 1977, 304].

Такое воспитание было обычным для той среды, в которой воспитывался будущий драматург. Религия играла огромную

роль в жизни североамериканского общества. На бытовом уровне изучение Священного Писания, участие в молитвенных собраниях в значительной степени способствовало формированию определенного типа личности, главными качествами которого было трудолюбие и практицизм. Конечно, для детей пастора участие в жизни общины было особенно значительным. Думается, что многое в характере М. Андерсона можно объяснить обстоятельствами его детства, обстоятельствами, которые породили чувство отторжения, настроение своеобразного бунтарства.

Вероятно, одним из наиболее близких и интересных для Максвелла родственников был его дядя Фрэнк А. Андерсон. Болезненный человек, не обремененный как остальные родственники работой на ферме, немного занимался садом, немного охотой и рыбалкой, писал стихи и публиковал их в местных журналах. Он был закоренелым холостяком, у которого была «супруга», на которой он так и не собрался жениться.

Дядя Фрэнк сам играл на органе, и поощрял стремление Максвелла к музыке, хотя ему и пришлось пережить пренебрежительное отношение отца к этому занятию, который считал его подходящим лишь для маменькиных сынков. Он даже отваживался приходить в церковь и практиковаться в игре на органе, если инструмент дома был занят другими детьми, также увлекающимися музыкой. Подобная же негативная реакция со стороны отца ждала Максвелла, когда он начал писать стихи. Вероятно, его не слишком заботило противоречие собственной позиции: с одной стороны он любил и знал творчество поэтов Новой Англии, однако с другой стороны, воспринимал подобное занятие как подходящее для церкви, всегда в женском исполнении [*Anderson H.*]. В этом также проявилась духовная атмосфера Среднего Запада и протестантский менталитет.

Интерес Максвелла к журналистике и театру вряд ли можно объяснить образованием, которое он получил в школе. «Там не было никаких школьных газет, а изучение драматургии сводилось к Шекспиру» [Anderson, Avery, 1977, 304].

Вместе с тем, родители Андерсона любили читать, дом был полон книг: собрание сочинений Диккенса, английские поэты, с творчеством которых дети познакомились будучи еще довольно маленькими, Жюль Верн, Артур Конан Дойль, Фе-

нимор Купер. Спустя годы, Максвелл Андерсон вспоминал о чтении, как об основном времяпрепровождении семьи, упоминая, что подобное отношение к книгам появилось благодаря влиянию обоих родителей [Anderson, Avery, 1977, 304].

В поле зрения Андерсона оказалось и творчество одного из виднейших мыслителей США, поэта, философа Р. У. Эмерсона, противостоявшего миру механической необходимости, утверждавшего суверенность «я», для которого слово успех значило возможность «смеяться и любить, иметь успех у интеллектуалов, сделать хоть одного человека счастливее», а не создание неких материальных ценностей. Позиция по своему близкая Андерсону.

Много позже, литературовед Алан Халин получил от М. Андерсона письмо, подтверждающее его гипотезу, о влиянии на него творчества Эмерсона: «Я, безусловно, вырос на Эмерсоне, но я не могу определить, насколько он повлиял на меня. Возможно, очень сильно» [Цит. по: Halline, 1944,70]. Драматург, безусловно, читал и Г. Д. Торо, разделяя его недоверие к правительству и явный индивидуализм. Подобный вывод можно сделать из предисловия, включенного Андерсоном в печатное издание пьесы «Праздник голландских переселенцев» (1935), где он четко сформулировал свою политическую позицию, утверждая, что любое организованное правительство ведет к неизбежной тирании власти и ущемлении свобод личности.

Одной из значительных вех в жизни будущего драматурга стал новый 1908 г., принесший с собой необходимость выбора жизненного пути. Максвелл Андерсон поступил в университет Северной Дакоты, выбор был сделан под влиянием друга, живущего неподалеку от Андерсона, Гарта Хоуленда.

Гарт сумел убедить Максвелла, что главное попасть в университет, а там можно совмещать учебу и работу, благодаря которой появится возможность оплатить самые необходимые расходы [Chambers]. Не зная ничего об университетах и не имея определенных планов на будущее, Андерсон последовал за другом.

Попав туда, впервые в жизни М. Андерсон оказался среди людей, для которых работа была важнее работы в банке, людей, уважавших любую попытку овладеть тем или иным искусством. Профессор Готфрид Халт писал стихи и даже

публиковал их, декан отделения английского языка и литературы, профессор Вернон Сквайрс научил М. Андерсона гордиться, как способностью цитировать других поэтов, так как и попытками писать собственные стихи. Будущий драматург внезапно обнаружил, что в мире есть место и для такой «белой вороны» как он [Anderson, Avery, 1977, 109]. Лишь в университете у драматурга появилось твердое убеждение, что этот труд столь же уважаем, как и другие. [Chambers, Anderson H.]

Вспоминая свое университетское прошлое, Максвелл Андерсон писал: «Вероятно, это самое большое культурное влияние, на которое способен университет. В мире, сконцентрированном, главным образом, на приобретении, использовании и сохранении собственности, это убежище для всех, причастных скорее к созданию красоты и поиску истины, нежели к получению выгоды» [Anderson, Avery, 1977, 190]. Отсюда не следует делать вывод, что Андерсон отрицал необходимость существования людей, чьи интересы принадлежат вещам сугубо практическим, ведь не будь их, у людей творческих не было бы ни времени, ни денег, чтобы задумываться о красоте или истине. С его точки зрения университет как раз и помогает поддерживать баланс сил между ремеслом и искусством. Но, не оказавшись в университете, Андерсон мог бы по его собственному признанию стать плохим и несчастным банкиром, вместо того, чтобы стать успешным драматургом.

Вспоминая про уровень своей подготовки перед поступлением в университет, Андерсон писал, что был посредственным учеником. Единственный предмет, о котором у будущего драматурга было представление, была английская литература. Еще не закончив восьмой класс, он открыл для себя романы Диккенса, Стивенсона, Скотта, поэзию Китса, Шелли и Шекспира. А чуть позже погрузился в поэзию Теннисона, Браунинга, Суинберна, признав их творчество «совершившим переворот в мировоззрении» подростка [Anderson, Avery, 1977, 189]. Оставалось сделать всего лишь еще один шаг – открыто и серьезно заняться поэзией. А ведь «на Среднем Западе поэзия не поощрялась и не пользовалась успехом» [Anderson, 1959, vii]. Люди, составляющие окружение драматурга, занимались тремя вещами, полезными с материальной точки зрения и приносящими материальный достаток, но не

затрагивающими душу: фермерством, банковским делом и торговлей. Занятие поэзией скрывалось, дабы не дать повода для насмешек мальчишкам в школе [Anderson, Avery, 1977, 189].

Как мы уже упоминали выше, университет сыграл чрезвычайно важную роль в становлении Андерсона как личности, как человека искусства, избавив его от чувства стыда за увлечение творчеством вообще и поэзией в частности. Одним из людей, оказавшем влияние на Максвелла был профессор Готфрид Халт, занимавшийся греческим языком, литературой и философией. Учитель, как и ученик, родился в семье священника, вырос и получил образование на Среднем Западе.

Интересно, что и Халт и Андерсон оба увлекались поэзией, но Халт писал рифмованные стихи, а Андерсон выбрал верлибр, оба занимались сочинением поэтических драм о знаменитых исторических личностях (в 1940 г. Готфрид Халт выпустил сборник пьес «Перевернутый факел», в который вошли две пьесы «Мессия» и «Галилео»), с той разницей, что ни одна пьеса Халта так и не была поставлена на сцене.

В последний год учебы, Андерсон изучал социологию под руководством профессора Джона Джилетта, лидера социалистической партии на Среднем Западе. Сам драматург писал о «семенах разрушения», сделавших его социалистом, хоть и на короткий период времени [Anderson, Avery, 1977,3].

Его профессором истории был Орин Дж. Либби, автор одного из наиболее серьезных исследований своего времени по истории создания Конституции США [Robinson]. Можно предположить, что увлеченность профессора Либби данной проблемой оказала влияние и на его студента, впоследствии ставшего автором пьесы «Вэлли Фордж», посвященной одному из драматических эпизодов Войны за независимость. Однокурсник М. Андерсона, вместе с ним посещавший занятия Либби, вспоминал, что у профессора были довольно «необычные» взгляды на взаимоотношения между Елизаветой I и Марией Стюарт. Он не считал оправданным присваивать им характеристики «святая» и «грешница» соответственно [См.: Shivers, 1983, 39-40]. Вполне вероятно, что данная концепция позднее получила отражение в пьесах Андерсона «Королева Елизавета» и «Мария Шотландская».

Все вышеупомянутые профессора оказали заметное влияние на М. Андерсона, однако человеком, воздействие которого можно назвать определяющим был Ф. Кох – преподаватель драматургической литературы, получивший образование в Уэслианском университете Огайо, Ораторской школе Эмерсона, а затем Гарварде. За годы работы в Университете Северной Дакоты (1905-1918) Кох содействовал развитию театрального искусства в университете. С 1918 до самой смерти в 1944 г. Кох играл чрезвычайно важную роль в работе университета Северной Каролины, где он получил известность как преподаватель региональной драмы. За годы своей работы он принимал активное участие в театральной жизни региона и был редактором серии книг «Фольк-пьесы штата Каролина», содержавших работы его студентов [См: Hagan, 1970, 70; Seldon, Sphangos, 1954]. Кох устраивал целые представления во время чтения пьес на занятиях: он был способен шептать, кричать, смеяться и тут же плакать, имитировать голоса, отчаянно жестикулировать [Seldon, Sphangos, 1954, 40]. Педагогические методы Коха шли вразрез со всем, что было принято в университете. Его целью было не столько донести до слушателей определенную информацию, сколько привить любовь к литературе. Кох не скупился на оценки, и мало обращал внимания на научные и критические работы ученых прошлого и настоящего. Ученые мужи довольно пренебрежительно относились к его методам, что не имело для Коха серьезного значения. Сравнивая работу творца с цветком, он говорил: «Важна не история цветка, не его название, ведь, прежде всего, важен сам цветок, лишь цветок» [Seldon, Sphangos, 1954, 6].

Подобное неординарное, чуждое условности отношение к работе и студентам стало близко Андерсону. Стремление профессора не критиковать работы, а дать конструктивные рекомендации впоследствии вспоминали многие его ученики. «Чем дольше я живу, тем в большей уверенности пребываю, что людям нужна не критика, а поощрение», – так оценивалась позиция Коха. [Seldon, Sphangos, 1954, 91]. Для Максвелла, воспитанного догматиком отцом, который казалось, был «на прямой связи» с Господом, подобное отношение не могло не оказать благотворного влияния. Увлечение Коха региональной драмой, фольк-пьесами нашло отклик в

творчестве Андерсона. Влияние Коха на творчество Андерсона стало очевидно уже в последней комедийной пьесе написанной в колледже — «Маска педагогов», многие черты которой стали характерны для позднего, зрелого творчества драматурга: использование традиционных приемов елизаветинской драмы (диалоги в стихах, песни) проявились позже в пьесах Андерсона об Анне Болейн, королеве Елизавете и Марии Стюарт.

Таким образом, обратившись к обстоятельствам становления личности одного из крупнейших драматургов первой трети XX века, можно прийти к выводу, что спокойная эпоха «накопительства» совпала со временем формирования мировоззрения нашего героя. Типичное воспитание в типичной для Среднего Запада среде породило подспудное отторжение навязанной системы ценностей. Протестантский прагматизм пересекался с поисками романтических идеалов. Эти настроения получили питательную почву в университетской среде, куда попал М. Андерсон.

Marina Zaitzeva,
Saratov State University,
Russia

The Formation of Maxwell Anderson's Outlook: Places, Events, People

James Maxwell Anderson was one of the most prominent playwrights in the USA. He was an author of 32 plays, among those were 13 which he wrote in 1930s, period of Great Depression. He was a playwright who tried to restore poetic tragedy on the stage; a popular author who was not inclined to opening his life to public; a man whose opinions were considered to be radical, anarchistic by his friends and relatives. This paper is an attempt to analyze what events, people and places asserted the most pronounced influence on Maxwell Anderson's life and works, concentrating on main events and most influential people of his childhood and university years. Quoting one of Anderson's friends and colleagues S.N. Behrman we should agree that «there is no mystery more incalculable, more tantalizing, than

the emergence of genius from an ordinary, even coarse, social texture» [Behrman, 1972, 239].

Maxwell Anderson who can be placed among most prominent and outstanding people of his generation indeed came from such «an ordinary, even coarse, social texture». Members of his family just recently stopped working on the land. He was born on December 15, 1888, in a tiny town in Pennsylvania. Anderson was a second child in the family which would finally have 8 children. His father Lincoln Anderson, a former railroad worker, was asked to take a position of a priest in the Evangelical Church. Lincoln jumped at this opportunity and prepared himself for the post [Anderson, Avery, 1977, 302].

Maxwell's relationship with his father had a profound influence of his future. Remembering him, Anderson often described father as a strict person, great speaker, able to attract people's attention and liking [Anderson, Avery, 1977, 304]. This type of personality was quite popular in the Midwest in the 19th century. Lincoln's acting talent was not inherited by Maxwell, for whom father's constant play-acting was a source of irritation up to the end of his life [Rice, 1942, 24].

Being a member of a clergyman family Maxwell had to go to church very often, up to 5 visits a week. He remembered: «We went to church every Sunday, and to Sunday School and to prayer meetings and to young people's meetings, whenever they were. Church was a pretty constant factor, and we got to know the Bible well by just listening» [Anderson, Avery, 1977, 304].

Such upbringing was typical for the social texture in which playwright-to-be was brought up. Religion played a very important role in the life of North American society. At the mundane level, Bible studies as well as participation in prayer meetings contributed to the formation of a certain type of personality, whose main features were hard-work and pragmatism. We should once again underline that such upbringing was absolutely unavoidable for pastor's children. In our opinion many features of Maxwell's character can be explained by analyzing some peculiarities of his childhood, peculiarities that led to the feeling of rejection, tendency to rebellion.

Maxwell's interest to journalism and theatre can't be explained if we only analyze his school education where Shakespeare was the only playwright to be studied [Anderson, Avery, 1977, 304].

At the same time we should note that Anderson's family were great fans of reading, their house was full of books [Anderson, Avery, 1977, 304]. Emerson and Thoreau captivated young man's attention and probably influenced his opinion of politics and government.

One of the most important periods for the formation of Anderson's outlook was the period of his studies at the University of North Dakota and later Stanford University. Starting from 1908 at the University of North Dakota, Anderson, for the first time in his life was among people for whom intellectual life was more important than work in a bank or on a farm, he was among people respectful to any attempt of creative work.

Thus UND helped him not to feel ashamed of been captivated by art in general and poetry in particular. One of the most important professors to be mentioned in connection with Maxwell was professor of Greek and Philosophy G. Halt. As well as Maxwell, Halt was born in the Midwest in the family of a clergyman. Both of them wrote poetry, tried to write poetic dramas about famous people in the world history. They differed only in the fact that none of Halt's plays was selected for production.

Just before the graduation Anderson studied sociology under the guidance of John M. Gillette who was a leader of the socialist party in the Midwest. The playwright wrote about the influence of this person due to which he became a socialist although for a short time [Anderson, Avery, 1977, 3].

His professor of history was Orin G. Libby – the author of one of the most in-depth studies of the USA Constitution [Robinson]. We can suggest that Libby's influence resulted in the later creation of Anderson's play *Valley Forge* – a play about one of the most dramatic periods of the Revolutionary War. One of Anderson's fellow students remembered about unusual views of Libby upon relationship between Elizabeth I and Mary Stuart [Shivers, 1983, 39-40]. It is quite probable that professor's views were later reflected in two plays by Anderson *Elizabeth the Queen* and *Mary of Scotland*.

All professors mentioned above had influenced Maxwell. However, the one whose influence was the most prominent was Fredrick H. Koch. While teaching at UND (1905-1918) Fredrick H. Koch facilitated the development of theatrical arts. From 1918 up to his death in 1944 Koch played central role in the UND

and regional drama in general [Hagan, 1970, 70; Seldon and Sphangos, 1954]. Koch's teaching methods, when he tried not to criticize but analyze his students works were later remembered by many students. For Maxwell who was brought up by the dogmatic father such practice was tremendously beneficial. Koch's devotion to folk drama influenced many Anderson's plays.

Литература

1. Anderson M., Avery L. G. *Dramatist in America: Letters of Maxwell Anderson, 1912-1958*. Chapel Hill, 1977.

2. Anderson H. *Someone Else: Memoir* // Henry Ranson Research Center, The University of Texas at Austin. [Electronic Resource]. URL:

http://research.hrc.utexas.edu:8080/hrcxtf/view?docId=ead/00285.xml&query=harper (date of access 5.12.2007).

3. Anderson M. *Four Verse Plays*. N.Y., 1959

4. Behrman S.N. *People in a Diary: A Memoir by S.N. Berman*. Boston, 1972.

5. Chambers L. *Life: a History of the Anderson Family Through 1975* // Henry Ranson Research Center, The University of Texas at Austin. [Electronic Resource]. URL: http://research.hrc.utexas.edu:8080/hrcxtf/view?docId=ead/00285.xml&query=harper (date of access 5.12.2007).

6. Hagan J.P. *Fredrick H. Koch and North Dakota: Theatre in the Wilderness* // *North Dakota Quarterly*. 1970. Winter. XXXVIII.

7. Halline A.G. *Maxwell Anderson's Dramatic Theory* // *American Literature*. 1944. Vol. 16. № 2.

8. Rice R. *Maxwell Anderson* // *PM's Sunday Picture News II*. 1942. November 29.

9. Robinson E.B. Orin G. *Libby Papers*. [Electronic Resource]. URL:

http://www.und.nodak.edu/dept/library/Collections/og49.html (date of access 7.02.2010).

10. Seldon S., Sphangos M.T. *Fredrick Henry Koch: Pioneer Playmaker*. Chapel Hill, 1954.

11. Shivers A.S. *The Life of Maxwell Anderson*. N.Y., 1983.

И.К. Кудрявцева
Минский государственный
лингвистический университет,
Беларусь

Гражданская война как аспект художественной тематики новеллистики писателей Юга США XX века

Региональная составляющая является важным элементом поликультурной модели американского общества. Литературный регионализм, в свою очередь, был характерен для американской литературы на всех этапах ее становления и развития. Современная национальная литература также «по существу развивается в известной степени в региональных формах, и одна из особенностей этой литературы состоит в том, что эти регионы и сегодня сохраняют свои собственные местные литературные традиции, которые только частично входят в общенациональную традицию» [Засурский, 1997, 30].

В силу определенных историко-культурных причин особое место среди регионов США занимает американский Юг. Художественно осмысляя конфликты и противоречия, связанные с многосоставностью южного общества, писатели-южане в XX веке смогли создать произведения большого гуманистического содержания. Американские и российские литературоведы отмечают увеличившуюся открытость, полифонию и устойчивое воспроизводство южной культуры и литературной традиции, их возможность «вместить в себя весьма разнообразные и даже противоположные элементы, при этом не растворившись до конца, не потеряв узнаваемо южное» [Тлостанова, 2000, 158].

Самобытность южного художественного сознания в XX веке определяется, в частности, его обращенностью к прошлому. Гражданская война закончилась победой федеральных войск и отменой рабства, что повлекло за собой необходимость болезненной перестройки аграрной экономики Юга на новый лад и изменений в общественном сознании.

Так как военные действия велись преимущественно на территории региона, в той или иной степени пострадало все его население, были опустошены огромные территории, уничтожены колоссальные материальные ценности. В XX веке для многих южан наступает момент «духовного прозрения» относительно причин начала войны и поражения Конфедерации, значимости ее последствий для белых и темнокожих жителей южных штатов. Все это обусловило трагическое восприятие событий Гражданской войны и периода Реконструкции в южном художественном сознании. Э. Глазгоу, Р.П. Уоррен, У. Фолкнер и другие писатели-южане стремились к объемности исторической правды минувшего, вступали в прямую или скрытую полемику с конвенциями «южного мифа». Л.П. Башмакова в своем исследовании литературы Старого Юга выделяет два аспекта южного мифотворчества: идеологический («рабовладельческая утопия, псевдоантичность, идея сепаратизма») и поэтический («со своей системой образов, символов, мотивов, знаков» [Башмакова, 1997, 131]). После Гражданской войны «южный миф» получил свое литературное оформление в прозе «неоконфедератов» Г. Тимрода, Д.И. Кука, А.Д. Ивэнс Уилсон, Т.Н. Пейджа и как южный вариант «мифа о золотом веке» стал частью не только регионального, но и общенационального сознания. В романах, очерках, рассказах и повестях «неоконфедератов» Гражданская война представлялась событием, нарушившим гармоничное развитие южной цивилизации, воины Конфедерации рисовались рыцарями «вальтерскоттовского образца», а поражение Юга объяснялось исключительно превосходством северян в людских и материальных ресурсах. Исследователь литературы Юга США второй половины XIX века В. И. Яценко отмечает художественную слабость произведений «неоконфедератов», в которых «откровенный консерватизм <…> сочетается со стандартностью характеров, <…> сентиментальностью и мелодраматизмом, близкими канонам массовой литературы того времени» [Яценко, 1984, 15].

Вопрос о художественном отражении истории в романном творчестве У. Фолкнера, Т. Вулфа, Р.П. Уоррена, Э. Глазгоу, М. Митчелл, а также писателей, продолжавших «южную традицию» в новых формах – У. Стайрона, К. Маккалерс, Э. Гейнса, в русскоязычном литературоведении разработан

достаточно подробно. В то же время о «малой» прозе южных авторов в этом контексте упоминается нечасто, а ведь осмысление событий, изменивших весь уклад жизни в регионе, происходило в многожанровых художественных формах. И если жанр романа дает автору возможность показать многоплановость исторических событий, изобразить личность в ее обусловленности обстоятельствами и взаимодействии с окружением, то сужение ракурса в рассказе позволяет выделить наиболее волнующие писателя аспекты событий прошлого, образы и конфликты того времени, которые могут дать ключ к пониманию вопросов, актуальных для современности. В рассматриваемых образцах новеллистики У. Фолкнера, Т. Вулфа, П. Тейлора, Б.Э. Мейсон связанные с Гражданской войной события, места, образы, мотивы играют важную смысло- и структурообразующую роль[1].

Цикл рассказов «Непобежденные» (*The Unvanquished*, 1938) является одним из немногих произведений Фолкнера, действие которых разворачивается непосредственно в период Гражданской войны и первых послевоенных лет. Жанр этого произведения определяется исследователями поразному: повесть, роман, новеллистический цикл. Термины «новеллистический цикл» или «цикл рассказов» представляются нам наиболее приемлемыми, так как каждое из вошедших в книгу произведений задумывалось в соответствии с канонами новеллистического жанра, о чем свидетельствует не только история их написания и публикации, но и акцентированная событийная основа, сюжетная завершенность, динамичность действия, внутренняя напряженность, продуманность плана повествования, разнообразие интонационной палитры. Вместе с тем, при восприятии объединенных местом действия и «сквозными» героями рассказов в определенной последовательности обозначается эволюция образа Баярда Сарториса, проступают «трещинки в героике войны» [Делазари, 2002, 41], затрагивающие «южный миф» в целом. Характерен в этом плане эпизод с письмами тети Луизы в рассказе «Сраженье на усадьбе», в котором пародирование

[1] Среди рассказов писателей-южан, тематически связанных с Гражданской войной следует также отметить *The Burning (1951)* Ю. Уэлти, *The Forest of the South (1945)* К. Гордон *A Late Encounter with the Enemy* (1955) Фл. О'Коннор. *In the Miro District* (1977) Питера Тейлора, *Dragged Jighting from his Tomb* (1978) Барри Ханна, *Ancestors.* (1991) Фреда Чаппела.

Фолкнером риторики «южного мифа» сочетается с описанием ужасающей жестокости «благородных южных джентльменов». Отказ Баярда участвовать в ритуальной мести за отца в завершающем цикл рассказе «Запах вербены» обретает символическое значение попытки прекратить поток насилия и убийств на Юге.

Много лет спустя уроженец Луизианы афроамериканец Эрнест Гейнс в своей книге «Автобиография Мисс Джейн Питтман» (*The Autobiography of Miss Jane Pittman*, 1971) обратится к тому же историческому периоду и к тому же художественному приему, что и Фолкнер в «Непобежденных»: ретроспективной организации повествования и передаче событий войны и Реконструкции сквозь призму восприятия подростка. Однако в рассказах, составляющих цикл «Непобежденные», атрибуты военного времени являются «обрамлением» для этапов становления вектора личности Баярда Сарториса, фоном, на котором ярче проявляется низменная сущность Эба Сноупса и сила характера бабушки Миллард. По сути это история частная, в ней есть место и юмору, и иронии. Гейнс, реконструируя историческое прошлое уже с точки зрения рабов, а не рабовладельцев, соотносит судьбу человеческую и судьбу народную, что требует других художественных средств и большей степени нарративного развертывания. «Автобиография Мисс Джейн Питтман» – роман[2], построенный по законам автобиографического, мемуарного повествования, ключевого для всей негритянской литературы США.

Помимо усложненности повествовательной техники, рассказ Фолкнера «Нагорная победа» (*Mountain Victory*, 1932) примечателен исследованием психологии участников войны, обнажающим ее трагическую сущность. В рассказе присутствуют те же структурные элементы, что и в прозе «неоконфедератов»: в горах Теннесси происходит встреча офицера Конфедерации, аристократичного Сотье Видаля, побежденным, изувеченным и изможденным возвращающегося домой, и семьи бедняков, в которой старший сын воевал в армии северян. Есть в рассказе и преданный Видалю слуга-негр Джубал, и девушка, которая с первого взгляда на офицера-южа-

[2] В 1980 г. книга была опубликована издательством «Прогресс» под рубрикой «Современная заружебная повесть».

нина проникается к нему симпатией и готова следовать за ним. Однако у Фолкнера мелодраматический сюжет не получает развития, а антитеза «Север-Юг» не является определяющей для понимания поступков героев. В кульминационном эпизоде в роще отец и старший сын подкарауливают Видаля и его слугу и стреляют в них, но погибает и 17-летний Юл, младший сын хозяина дома. В такой развязке конфликта актуализируется мысль писателя о связи человеческих судеб, о том, что ни поражение, ни победа в войне не могут служить оправданием жестокости, что все, побывавшие на войне – в какой-то степени ее жертвы.

Протестом против жесткости войны звучит и ставший хрестоматийным рассказ Томаса Вулфа «Чикамога» (*Chickamauga*, 1937). Персонифицированный рассказчик вспоминает о событиях своей юности, о друге Джиме, о битве при Чикамоге. В рассказе Джона нет ни поэтизации романтики войны, ни героизации воинов Конфедерации. Горечь по поводу напрасных жертв и сломанных войной судеб звучит, когда рассказчик подводит итог выигранной южанами с огромными потерями битвы. Для Вулфа принципиально важным было передать фонетические, грамматические особенности, интонационный рисунок и лексический строй образной речи Джона, являющейся средством индивидуализации, свидетельством уникальности, неповторимости каждой человеческой жизни. Вместе с тем слово Джона – это, прежде всего, характерное слово. «Моим замыслом было рассказать историю о великой битве языком простого солдата вроде тех пареньков из горных селений, что сражались на этой войне», писал Вулф другу [Nowell, 1956, 625]. Этим, по видимому, и объясняется обращение писателя, тяготевшего к крупномасштабным произведениям, к жанру новеллы, к той его жанровой разновидности, которую можно определить как «новелла-сказ». В то же время ретроспективная организация повествования и заложенная в речи героя установка на слушателя выводят на первый план важность исторической памяти и фигуру Джона как «воплощенное прошлое страны, живое в настоящем» [Ландор, 1987, 11].

Антивоенная тема еще более отчетливо переплетается с напряжённым поиском связи времён в рассказе Питера Тейлора «Дождь в сердце» (*Rain in the Heart*, 1945). Действие в

нем происходит во время второй мировой войны на Юге США, в местах ожесточенных сражений времен Гражданской войны. Герой рассказа, сержант-инструктор, в свободное от строевой подготовки и занятий время увлечен чтением книги по истории Гражданской войны, взятой в городской библиотеке. Ему дали увольнение до утра, и все его мысли заняты предстоящей встречей с любимой женой, которая приехала издалека и остановилась в городе.

Сюжетную динамику рассказа можно охарактеризовать, вспомнив высказывание М. Бахтина о классической разновидности семейного романа: «Движение романа ведет главного героя (или героев) из большого, но чужого мира случайностей к маленькому, но обеспеченному и прочному родному мирку семьи, где нет ничего чужого, случайного, непонятного, где восстанавливаются подлинно человеческие отношения, <…> древние соседства: любовь, брак, деторождение, семейная старость обретенных родителей, семейные трапезы» [Бахтин, 2000, 165]. Контрастное противопоставление внешнего мира внутреннему замкнутому пространству дома составляет основу художественной структуры рассказа. Однако искусственное разделение этих миров невозможно, их взаимопроникновение неизбежно: «Когда они оба переоделись ко сну, дождь прекратился. <…> Он внезапно ощутил, как резко контрастирует теплота их отношений с холодом войны, в которой он, возможно, будет сражаться на поле битвы, сейчас далеком и почти абстрактном» [Taylor, 1996, 251, 253-254]. Введя в рассказ тему Гражданской войны, писателю удалось поместить отдельную личность со своими индивидуальными переживаниями в широкий социокультурный контекст, акцентировав при этом нюансы чувств и смену впечатлений героя.

Во второй половине XX века Гражданская война входит в художественную ткань современных по жизненному материалу рассказов писателей-южан, озабоченных проблемами социального атомизма, стандартизации и коммерциализации жизни в регионе, симбиоза исторической памяти и массовой культуры. В этом плане примечателен рассказ «Шайло» (*Shiloh*, 1982) Бобби Энн Мейсон. Уже в названии рассказа присутствует отсылка к проигранной южанами в апреле 1862 г. битвы при Шайло. В память об этом кровопролитном

сражении был создан мемориальный комплекс, где и разворачивается действие в финальной части рассказа. К этому моменту в повествовании читатель уже знает, что Норма, продавщица в отделе косметики, посещает вечерние занятия в местном колледже, занимается бодибилдингом, а ее муж водитель грузовика Лерой из-за полученной в аварии травмы пока не работает и занимается тем, что собирает модели самолетов, вышивает, покуривает «травку», мечтает о постройке дома из готового комплекта бревен и размышляет о том, почему они с Нормой стали друг другу чужими: из-за смерти единственного ребенка, отсутствия собственного дома (они всегда снимали жилье) или из-за его долгих отлучек по работе? Начало семейной жизни родителей Нормы было ознаменовано поездкой к мемориальному комплексу «Шайло», и Мейбл, мать Нормы, надеется, что подобная поездка поможет восстановить разладившиеся отношения между дочерью и ее мужем.

Мемориальные захоронения и кладбища фигурируют во многих произведениях Мейсон в качестве особого символического пространства, места ритуального единения живых и мертвых, встречи прошлого и настоящего. Лерой и Норма воспринимают «Шайло» как большой парк. «Они покупают для Мейбл сувенир – флаг Конфедерации, а затем находят место для пикника» [Mason, 2001, 15]. Норма объявляет Лерою, что хочет уйти от него, что не является неожиданностью для читателя, так как мотив утраты прослеживается на протяжении всего рассказа и его звучание усиливается, когда действие переносится на место гибели тысяч солдат Гражданской войны. Однако Мейсон не ограничивается констатацией распада человеческих связей. Показательна в этом плане попытка героя осознать сегодняшний день в перспективе истории: «Генерал Грант, захмелевший и охваченный яростью, отпихнул южан назад к Коринфу, где спустя годы поженились Мейбл и Джет Бизли, и тогда Мейбл была еще стройна и хороша собой. На следующий день они посетили поле боя, а затем родилась Норма Джин, а потом она вышла замуж за Лероя, и у них был ребенок, который умер, и теперь Лерой и Норма находятся здесь на этом самом поле боя. Лерой знает, что многое пропускает. Он пропускает внутреннее содержание истории. <…> И настоящий смысл брака, как и

большая часть истории, тоже им упущен. Теперь он понимает, что строительство дома из бревен – глупейшая идея. Как он мог подумать, что Норма Джин захочет дом из бревен? Это была бредовая мысль. Ему придется придумать что-то еще, причем быстро» [Mason, 2001, 17]. Как показывает писательница, встреча с национальным прошлым обладает потенциалом духовного обогащения личности.

В XX веке обращение к событиям Гражданской войны в разных по стилистике произведениях «малой» прозы писателей-южан обусловлено поиском ответов на кардинальные вопросы современности, такие как бесчеловечность войн, проблема сохранения общечеловеческих моральных ценностей и исторической памяти, необходимость и возможность построения связей между людьми в изменившейся социокультурной реальности. Уходят характерные для идеологии и эстетики «южного мифа» мотив «разоренного гнезда», антитезы «Север – Юг», «до Войны – после Войны», схематизм сюжетов и резкость контрастных противопоставлений в решении образов. Художественные поиски, связанные со стремлением восстановить прямую связь человека с миром и историей, приводят авторов к различным нарративным стратегиям воплощения выделяемой Е. А. Стеценко в качестве характерной в XX веке для южной литературной традиции модели мира-«паутины», где «события прошлого, настоящего и будущего соединены нитями причинно-следственных связей» [Стеценко, 11]. Не давая такого, как в романах, широкого изображения событий и обилия социальных типов, рассказ позволяет взглянуть на события прошлого и настоящего через призму отдельной человеческой судьбы, заострить нравственные и психологические коллизии, отразить нюансы человеческого мировосприятия.

Irina Kudriavtseva,
Minsk State Linguistics University,
Belarus

Civil War as a Thematic Aspect of 20th Century American Southern Short Story

Regionalism is one of the key components of the polycultural model of American society, and literary regionalism has defined American literature at all stages of its formation and development. The American South for various historical and cultural reasons takes a special place among the USA regions. The many-layered nature of Southern society, the conflicts and contradictions connected with class, race and gender differences boosted artistic imagination in the 20th century and gave rise to a great humanistic literature. An important feature of 20th century Southern aesthetics is the exploration of the dialectic of the past and the present. The tragic perception of the region's history and its turning point – the Civil War was conditioned not only by the heavy losses that the South and its population had suffered during the War. For many Southerners there came a moment of re-evaluation of the causes of the War, of the Confederacy defeat and the consequences of this defeat. Ellen Glasgow, Robert Penn Warren, William Faulkner, Ernest Gaines and other Southern writers aimed at a three-dimensional representation of history, often directly or indirectly polemizing with the conventions of the Southern myth, which after the Civil War found its expression in the works of «neo-confederates» H. Timrod, J.E. Cooke, A. J. Evans, T.N. Page and as the Southern version of «the Golden Age» myth became a part not only of regional, but also of national consciousness.

While assessing the artistic achievement of 20th century Southern authors in exploring the region's historical past critics have mostly concentrated on their novels. In the following representative stories by W. Faulkner, Th. Wolfe, P. Taylor, B. A. Mason events, images, motifs and settings connected with Civil War are important thematically and structurally.

The short story cycle *The Unvanquished* (1938) is one of the few works by William Faulkner dealing directly with the period of Civil War and Reconstruction. At the beginning of the cycle in the perception of the 12-year old Bayard his father Colonel John Sartoris is a heroic figure, and the description of his appearance and deeds fully corresponds to the conventions of the Southern myth. As Bayard matures, there appear significant contradictions, as in the example with the letters of Aunt Louisa in *Skirmish at Sartoris*, where Faulkner combines a parody on the rhetoric of Southern myth with the description of the cruelty of «Southern gentlemen». In this context Bayard's refusal to participate in the ritualistic revenge for his father in the final story of the cycle – *The Odor of Verbena* is a symbolic attempt to put an end to violence in the South.

Besides its complicated narrative structure, Faulkner's story *Mountain Victory* (1932) is remarkable as a study of the psychology of war participants, all of them (both winners and losers) being its victims. The story contains structural elements similar to those in «neo-confederate» prose, but in *Mountain Victory* the melodramatic component of the plot remains undeveloped, and the antithesis «North–South» by itself does not explain the characters' behavior. The death of the innocent 17-year old Hule represents interconnectedness of individual fates and the tragic essence of war, which damages human psyche and continues to breed cruelty and violence even after it's over.

The anti-war theme is the central one in the much-anthologized story *Chickamauga* (1937) by Thomas Wolfe. John, the personified narrator, recollects his friend Jim and the battle of Chickamauga. Wolf recreates the phonetic and grammar peculiarities of John's speech, its prosody and diction, its expressiveness, thus making it a testimony to the uniqueness of each human life. This explains the choice of the short story genre in its story telling variety by the writer who preferred the longer form of the novel. The retrospective organization of John's narrative and the overt orientation of his speech towards an audience make the figure of John the living embodiment of the country's past.

The idea of bridging historical epochs becomes even more prominent in the story *Rain in the Heart* (1945) by Peter Taylor. The action takes place in the American South in the area of

important Civil War battles at the time of World War II. The protagonist is an army sergeant who has been granted a leave and is going to see his wife who has rented an apartment in the town. The «doubling» of the war setting and contrasting it to the warmth and peacefulness of the hero's reunion with his wife allows Taylor to place a person with his individual worries, joys, perceptions in a broad historical and socio-cultural context highlighting the universal appeal of family values.

In the second half of the 20th century Civil War continues to figure in the short stories of Southern writers concerned with social and cultural problems, such as standardizing and commercializing of life in the region, symbiosis of historical past and mass culture. The very title of the story *Shiloh* (1982) by Bobby Ann Mason refers the reader to the battle of Shiloh, and in the final part of the story Mason shows her characters, Leroy and Norma Jean Moffitt, at «Shiloh» memorial cemetery, which for them is just a big park. Norma tells Leroy that she wants to leave him, but Mason doesn't end *Shiloh* by merely stating the sad fact of a looming death of a marriage. Leroy's attempt to re-establish in his mind a direct connection between man and history that follows is Mason's demonstration of the spiritual growth which the encounter with the past can potentially bring.

Figuring prominently in 20th century Southern short story Civil War events, images, motifs, settings help authors to re- and deconstruct historic events, stress the tragic essence of wars, explore human psyche, show stages of individual moral growth and development, accentuate the importance of historical memory in times of economic, social and cultural changes.

Литература

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.

2. Башмакова Л.П. Писатели Старого Юга: Джон Пендлтон Кеннеди, Уильям Гилмор Симмс. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1997.

3. Делазари И. Категория «реальной истории» в художественном мире Фолкнера // Нация как наррация: Опыт американской и русской культуры. Материалы IV Фулбрайтовской летней гуманитарной школы в МГУ им. М.В. Ломоносова. Под ред. Т.Д. Венедиктовой. М.: Аванти, 2002. с. 37-45.

4. Засурский Я.Н. Введение // История литературы США: в 7 т. Т. 1: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость / М. Коренева [и др.]. – Москва: Наследие, 1997. с. 5-38.

5. Ландор М. Сжатая проза Вулфа // Т. Вулф. Портрет Баскома Хока: Повесть, рассказы. М.: Известия, 1987. с. 5-18.

6. Стеценко Е.А. Проблема времени в «южной школе» современного американского романа: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.05. М.: ИМЛИ РАН, 1978.

7. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. Москва: Наследие, 2000.

8. Яценко В.И. Литература Юга США 1865-1900 гг. Учебное пособие. Иваново: изд. ИГУ, 1984.

9. Mason, B.A. *Shiloh and Other Stories.* New York: The Modern Library, 2001.

10. Nowell Elizabeth, ed. *The Letters of Thomas Wolfe.* New York: Scribner's, 1956.

11. Taylor Peter. *The Old Forest and Other Stories.* New York: Picador USA, 1996.

С.С. Бодрунова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия

Новый формализм и «поэтические войны» в американской поэзии рубежа веков

Маятник и метроном

Для описания истории поэзии США последних ста лет подходит метафора маятника. Две другие расхожие метафоры литературного развития – условно-традиционалистская: линейного движения/поезда/корабля современности – и условно-модернистская: древа/кроны/ветвления – кажется, меньше способны отразить то специфически американское колебание настроений в рамках бинарных оппозиций: использование формы и верлибр, неоромантизм и неореализм, европеизм и американизм, элитарность и массовость, и так далее. Но маятник американской поэзии XX века – всегда не простой, а с противовесом, который отражает поэтическую тенденцию, противостоящую мейнстриму.

Если мы посмотрим на историю формы американского стиха за последнюю сотню лет, то убедимся, что XX век стал временем рождения и преобладания свободного стиха (верлибра), но формальный стих почти умер только к середине семидесятых. Восстановить историю борьбы формализма и верлибра можно следующим образом.

Рубеж XIX-XX веков: маятник впервые появляется на поэтической арене, разбивая ветхую многоэтажку изношенного викторианского пятистопного ямба. Рождается американский верлибр: сперва Уитмен, затем «двойная сверхновая звезда» Паунд – Элиот.

Конец десятых – тридцатые годы: спор критиков о верлибре и его торжество. Влияние новой англоязычной прозы, французских -измов, модернистского искусства в целом. Рождается и такой жанр, как «последовательность» (sequence) – стих, состоящий из пронумерованных фрагментов. Противовес здесь, пожалуй, четырежды лауреат Пулитцеровской премии Роберт Фрост, а также критики (Вильсон), впервые описавшие падение роли поэзии в культуре предыдущих 150 лет.

Тридцатые-сороковые: маятник в центральном положении. Верлибр доминирует, но читатели чувствуют его истощение. Происходит плавное отталкивание от free verse на фоне разочарования в идеалах модернизма из-за Великой Депрессии. Противовес: в середине 1940-х формируется бит-движение (Beats, битники), но оно не обретает настоящей силы до середины шестидесятых.

Пятидесятые: поэзия резко качается в сторону «высокого формализма» и эстетизма. Вторая мировая напугала поэтов Америки: самый большой культурный потенциал в мире – европейский – не смог удержать мир от катастрофы и сам сильно пострадал. Делом поэзии становится сохранить культуру хотя бы в обломках. Общий утонченно-формалистский голос пятидесятников отразила антология «Новые поэты Англии и Америки» 1957 года. Появляется «новая критика» (New Criticism) с ее антиверлибрическими требованиями парадокса, иронии и логики. Противовес – первый учебный эксперимент в американской поэзии: «школа Блэк-Маунтин» (Black Mountain School, лидеры Чарлз Олсон и Роберт Крили) с «проективным стихом» и экспериментами в области крупных верлибрических поэм.

Шестидесятые: новый рывок в сторону верлибра, самый значительный с 1910-х годов. В 1959 году Роберт Лоуэлл выпускает неожиданную книгу верлибров «Life Studies»; впоследствии он, его последовательницы Сильвия Платт и Энн Секстон и другие голоса собираются под знаменем «исповедальной поэзии» (Confessional poetry). Через несколько лет Лоуэлла на посту эстетического революционера сменяют «подросшие» битники во главе с Керуаком в прозе и Алленом Гинзбергом с поэмой «Вой» – в поэзии; сама поэма и арест ее чтеца поэта Лоуренса Ферлингетти производят на современников сильное впечатление. Оптика битников (политическая и не только), по утверждению одного из ее теоретиков Кеннета Рексрота, это почти полное воплощение давней, уитменовской, социальной революционной традиции в американской поэзии. Отметим в оригинале слово «Populist» – в английском оно много ближе к понятию «народный», чем в русском языке; а написанное с большой буквы, оно указывает не только на близость Рексрота американскому социалистическому движению, но и на то, как бит-поэты в целом воспринимали значение модернистской реформы поэзии. Битники, в противовес пятидесятникам, настроены говорить от имени просто человека, без всяких культурных отсылок. Возможно, впервые с момента уитменовской модернизации верлибр (в противовес формальному стиху) снова получает в культурной прослойке статус подлинного стиха для народа, статус демократичной формы, столь важный для американской ментальности. Противовесом остаются те поэты, которые пишут хорошие формальные стихи еще с 1950-х: Ричард Уилбур, Говард Немеров и менее десятка других.

Конец шестидесятых – семидесятые: движение в антиформальную сторону продолжается. Появляется Нью-Йоркская школа во главе с Джоном Эшберри, возрождается имажизм под именем «глубокой образности» (Deep Image poetry), оформляются феминистская линия и в целом линия борьбы за равноправие, несколько «музыкальных» направлений, а главное – сильно развивается исповедальная поэзия. Целая группа значительных поэтов (например, Роберт Блай, считающий просодию «гадким словом», позже – Шэрон Оукс и Мэри Хоув) вырабатывает доминирующую эстетику. Именно эту эстетику подхватят поэты «языковой школы» (Language

poetry) и раскритикуют новые формалисты, к которым маятник качнулся в восьмидесятые.

Однако описываемая литературная борьба все меньше интересует адресата поэзии – читателя. Трудно сегодня сказать, когда произошел массовый исход читателя из поэзии в США. Может быть, еще в тридцатые-сороковые как реакция на слишком большой культурный слом начала века; может быть, в пятидесятые в силу сознательно декларируемой элитарности поэтик того периода. Скорее всего, самым значимым фактором здесь стало формирование общества специалистов (по Ортеге-и-Гассету) и общий отрыв массовой культуры от элитарной как самая яркая черта переходного от модерна к постмодерну периода... Как бы там ни было, уже в 60-е за развитием поэзии в США следит даже не образованная публика, а исключительно публика университетская – преподаватели и студенты отделений творческого письма. Представьте себе двести мини-Литературных институтов, разбросанных по всей территории Соединенным Штатам: это и будет сеть creative writing programs, единственная среда для поэзии США второй половины XX века.

Бум программ творческого мастерства в американских вузах отчасти случился из-за демократизации высшей школы после войны, и гуманитарные дисциплины привлекли огромное количество начинающих поэтов. Некоторые курсы творческого мастерства ведут великие американские поэты – например, Элизабет Бишоп. Но государство и начальство вузов ставит перед преподавателями таких курсов только самые общие задачи. Конечно, в программах предусмотрены и курсы истории и теории поэзии, но они не всегда обязательны для получения диплома. Самой близкой аналогией программе творческого мастерства будет, пожалуй, советское лито. И именно «исповедальные» и «языковые» поэты оказали решающее влияние на складывающуюся внутри академических кругов эстетику «стиха литературной мастерской». Оказалось, что студенту отделения creative writing проще написать средней руки верлибр, чем средней руки сонет или метризованный монолог. Впрочем, критики это заметили еще в начале века: как писал в 1914 году Артур Дэвисон Фике, «ни один метод не мог бы так быстро и уверенно преумножить количество наших стихотворцев. Ведь новое средство не пред-

ставляет сложностей ни для кого» [Ficke, 1914: 19]. Но если в начале века Фике писал так в защиту верлибра (именно так называлась его статья), то в семидесятые эта фраза стала звучать как обвинение. Две тенденции – рост числа поэтов и унификация «большого стиля» – сформировали порочный круг, подхлестывая одна другую. В итоге исповедальный верлибр как наименее самокритичный, диалектичный и связанный с жизнью жанр за двадцать лет (примерно 1958-1978 годы) превратился в вузах в стих «часто без малейшего намека на ритм, написанный плоским, разговорным языком с весьма узким словарем» – «короткое личное эссе, произвольно разбитое на строки» [Maiilard, 1999: 64], в «типичный плохой стих нашего времени… разрушительную смесь изнуренности и самопревозношения» [Leithauser, 1987: 7]. Критики также делят сложившийся канон университетского верлибра на два – длинностроч ный и так называемый «газетный»: во втором случае стихи похожи на газетные колонки и по форме, и по содержанию (примеры такой поэтики дают Сьюзан Хоув или Гэри Снайдер).

По форме исповедально-лингвистический стих – это верлибр (иногда с ритмизованными вкраплениями) длиной максимум в две страницы, по содержанию – неметафоричный рефлексивный сгусток, воссоздание психологической проблемы, связанной с детскими травмами или любовными коллизиями. Повествование в стихе ведется от первого лица персонажа, который прямо ассоциируется с автором стиха. Поведение рассказчика в стихе строится не на логике и не на этических принципах, реконструируемых из текста, а на основании трудновербализуемых психологических мотиваций, животных реакций на раздражители, ассоциаций, обусловленных контекстом вне текста, или даже на основе случайного выбора. Это делает основой текста не логику (пусть даже индивидуализированную), а ассоциацию – во многом случайную или специфичную только одной человеческой личности. Основным предметом изображения становится личное впечатление и переживание, причем высказанное косвенно, через упоминание предметов и отдельных действий; основными композиционными приемами – сочетание зарисовки и обобщения и отрицание связного повествования; почти единственным ритмическим элементом – анжамбман. К середине

семидесятых стало понятно, что новый поэтический канон вытеснил из поэзии все разработанные за сотни лет поэтические жанры, оставив место только для лирического стихотворения. Речь уже не шла ни о крупных произведениях вроде поэмы, ни о «закрытых» формах (сонет, триолет, вилланелла, секстина), ни о «менее закрытых», но не менее традиционных для англоязычной поэзии драматическом монологе, повествовании в стихах, пейзажной зарисовке, сатирическом стихе, эпиграмме… Любая интонация, кроме исповедальной, де-факто была признана ненужной и устаревшей. И хотя в 1970-е свои едва ли не лучшие формальные стихи продолжают создавать Уилбур, Немеров и другие классики поэзии США, студентов-поэтов форма не интересует. Произошел окончательный (закрепленный критиками как правильный и актуальный) отказ от «счета слогов на пальцах» [Finch, 1994: xiv], от традиционного поэтического метронома. Яркой точкой стала статья Стенли Кьюница в журнале «Антей» (1978): «Неметрическая поэзия заняла всё поле, и среди метристов у нее нет настоящих соперников» [Steele, 1992: 30]. И странно не то, что confessional poem как новая и строгая форма стиха так быстро закостенела, а то, что сами «исповедальные поэты» не взорвали ее изнутри, а дождались прихода новых формалистов.

Однако когда Кьюниц говорит обо «всём поле», он имеет в виду университетскую субкультуру «поэтов для поэтов». Во-первых, количество одинаковых студентов-верлибристов растет в вузах в геометрической прогрессии: не меньше 20000 поэтов за десять лет, по оценке ведущего поэта и критика нового формализма Даны Джойи. Во-вторых, почти все «взрослые» поэты страны преподают в creative writing programs. И если в пятидесятые получить преподавательскую должность было для поэта единственным физическим спасением от нищеты, то к середине семидесятых преподавать творческое письмо стало для поэтов традицией, и в университетах оказались почти все, кто хотел бы числить себя поэтом. Так, в «Антологии Морроу молодых поэтов Америки» (1985) 104 имени, и 95% из них преподают.

Поэтическая субкультура, где поэт равен преподавателю, стала подчиняться академическим законам выживания. Вопрос о качестве стихов подменили вопросом количества

публикаций. А поскольку малотиражные литературные журналы входили в ту же субкультуру, а в жюри большинства литературных премий были те же поэты-преподаватели, то сработали принципы круговой поруки, и читателю-непоэту стало окончательно невозможно отфильтровать крупицу поэзии от тонн словесной руды. Лейтхаузер в эссе «Метрическая неграмотность» так описывает состояние поэтического сообщества в 1980-е: «Многословие, ощущаемая всеми посредственность, молодежь сторонится формы, и при этом как никогда растет количество поэтов» [Leithauser, 1983: 44]. Стоит ли удивляться уходу читателя от поэзии, если читающие американцы были убеждены, что поэзия скучна и нерелевантна даже для самых образованных? Ведь поэзия стала субкультурным явлением даже внутри университетской системы, а хорошая поэзия за ее пределами (Дональд Джастис, Луис Симпсон, Джеймз Меррилл, Немеров, Уилбур и многие другие) оказалась в маргинальном положении, но неуважение читающей аудитории распространилось и на нее. Поэтому в США, как и в России сегодня, книги лучших поэтов всё еще издаются тиражами меньше тысячи и практически не приносят авторам дохода. Хотя знаменитый поэт Дональд Холл и утверждал в 1989 году, что поэзию так публиковали всегда, но стоит вспомнить хотя бы то, что в тридцатые было продано 50000 экземпляров книги «A Further Range» Фроста. И еще: до 1970-х поэты и поэзия инициировали постоянный и напряженный общественный дискурс и напрямую участвовали в обсуждении общественных проблем. А к 1980-м американскую поэзию полностью перестали обсуждать в национальных СМИ; обозреватели не писали даже про те сборники стихов, которые получили Пулитцеровскую премию; Национальная книжная премия в 1984 году на десяток лет приостановила поэтическую номинацию… Как пишет Джойя, поэзия стала чем-то вроде отжившей общественной традиции, существующей по инерции.

Думается, из двух факторов якобы закономерного отрыва американской поэзии от читателя – расслоение культуры на массовую и элитарную и инкапсуляция поэзии в рамках университетов – причины первого более очевидны. Причины второго (почему именно в вузах?) – в главной черте постмодерна: потенциальной дискредитации серьезности, долговечности, правильности любого дискурса, особенно дискур-

са в рамках гуманитарных наук. Та гуманитарная веточка, которая не хотела сломаться под грузом сомнений, должна была найти такой приют, который наименее дискредитирован – часто в ее же собственных глазах. И таким приютом оказалась наука. Поэзия стремилась найти почву под ногами, чтобы выжить, – и поэты сочли утопию Гессе, добровольную «геттоизацию поэзии» [McPhillips, 2005: 1] в научном дискурсе идеальной формой ее сохранения, неокончательного растворения в спорности. Но с 1977 года в США робко и разрозненно начали звучать другие голоса – уставшие от Академии и стосковавшиеся по жизни.

Дьявольское поколение

Появление «нового формализма» (New Formalism) и сопутствующей ему «новой повествовательности» (New Narrative) в поэзии США сопровождалось невиданным критическим ажиотажем. На сегодняшний момент о нем написаны сотни критических статей; большая часть их появилась в 1980-е, происходила из академического лагеря и была негативной. Новых поэтов клеймили изо всех сил. Они ретрограды; они рейганисты; они яппи и бизнесмены от поэзии; они анти-американцы; они пишут искусственные стихи; они не понимают сути поэтического новаторства; они отвергли весь двадцатый век; они не создают ничего нового, не дают совокупного приращения смысла. Но как могла абсолютно ретроградная поэзия, которая искусственна и не создает нового, так занять умы журнальных критиков и стать прогрессивным и влиятельным поэтическим движением?

Однако противостояние академиков и новых формалистов вылилось в 1980-90-е в настоящие Поэтические Войны (Poetry Wars) – ситуацию, напоминающую 1914-1918 годы, когда шел первый спор о верлибре. С той лишь разницей, что теперь уже приверженцы формального стиха оказались в ситуации борцов с окостеневшей традицией верлибра. В Поэтических Войнах приняли участие ведущие американские литературные и общественно-публицистические журналы, сайты, издательства, премиальные комитеты. Это самый весомый и длительный поэтический спор в США второй половины XX века; спор, наконец-то привлекший к поэзии общественное внимание.

Краткую историю Войн и параллельную им историю становления «нового формализма» можно условно разбить на шесть этапов. Этап «первых ласточек» начался во второй половине 1970-х. Тогда вышли книги Роберта Б.Шоу «Успокоение дикости» (1977), Чарлза Мартина «Место для ошибки» (1978) и Тимоти Стила «Сомнения и прочее» (1979). Авторы, пишущие формальным стихом, еще не знакомы между собой и не подозревают, что принадлежат к новому направлению в поэзии. Не подозревают этого и Брэд Лейтхаузер, Гертруда Шнакенберг, Молли Пикок, Мэри Джо Солтер и другие, чьи книги выходят в 1982-1985 годах. Одну из первых попыток концептуализации предпринимает в 1985 году Эриел Досен в ругательной статье «Поэт-яппи», где и называет новое движение «новым формализмом».

Второй этап – этап деклараций: и со стороны формалистов, и из противоположного лагеря. Первыми сориентировались «новые рассказчики»: с 1980 по 1989 годы в журнале *The Reaper* три редактора помещают серию статей о новой повествовательности, включая «Необсуждаемые требования «Рупера» и «Как писать нарративную поэзию». А на новых формалистов продолжают нападать. В 1986 году появляется ключевая статья Дайэн Вакоски (автора 40 книг верлибров) о «дьяволе в литературе»: «…[В поэзию] приходит новое поколение, которое не умеет иметь дело ни с каким беспокойством (anxiety) и потому жаждет надежного набора четких формул и правил, касайся это форм поэтического письма или того, как справляться с национальным дефицитом» [Jay, 1997]. Статья напрямую связала новый формализм с рейгановским «возвратом к старым ценностям» и вызвала резонанс, не утихший и сегодня. В ответ в 1987 году нью-йоркский литературный журнал *Hudson Review* публикует эссе Джойи «Заметки о новом формализме», где направление впервые внятно говорит от своего имени. Этап завершается выходом первой антологии формалистов и нарративистов «Направление для поэзии: антология рифмованного и метрического стиха, написанного по-английски с 1975 года»; это первая возможность для новых формалистов посмотреть на себя со стороны. В 1989 году выходит статья Джозефа Эпштейна «Кто убил поэзию?». Ее автор прямо обвиняет вузовскую субкультуру в падении читательского интереса к поэзии. В ответ

в литературной прессе поднимается настоящая буря; начинается третий этап – взросление нового формализма.

Это этап рефлексии – серьезных эссе формальных поэтов о себе, антологий и первых исследований. Выходят важные сборники – «Приход формального ощущения» (стихи поэтесс-формалистов; 1994) и самая репрезентативная антология «Ангелы-борцы» (1996), представляющая 25 поэтов. Появляются спецвыпуски ежеквартальников *Verse* («Стих») и *CrossCurrents* («Перекрестки современности»), посвященные новым формалистам. Критика тоже выходит в виде сборников – «Эссе "Рипера"», «Формалистские предисловия», книга эссе Джойи «Может ли поэзия что-то значить?», «Экспансивная поэзия», «После нового формализма: поэты о форме, нарративе и традиции», в 1998 году – монография Кевина Уолцера «Призрак традиции: экспансивная поэзия и постмодернизм».

Становится понятно: старый спор о том, насколько для современного поэта важно и нужно мастерство версификации, реально намного шире: спор – о читателе, о его необходимости для поэзии и о необходимости поэзии для него. Сами формалисты предпочитают называть себя «экспансивной поэзией» в силу того, что борются за экспансию поэзии среди образованной публики, за возвращение поэзии читателя. Об этом – главный концептуальный текст нового формализма: эссе Даны Джойи «Can Poetry Matter?», самое популярное американское эссе о литературе за последние двадцать лет. Под шапкой «Expansive poetry» легко объединить формалистов и нарративистов, потому что их идеалы и цели вполне совпадают. Как говорит Уолцер, цель нового движения двоякая: «поставить под сомнение господствующий стиль… и попытаться расширить убывающую университетскую аудиторию поэзии» [Walzer, 1998: 2]. В 1990-е годы выходят основные книги экспансивной поэзии. Их уже десятки. В литературе закрепляются такие авторы, как Дана Джойя, Дэвид Мэйзон, Мэрилин Хэкер, Марк Джармэн, Роберт МакДоуэлл, Том Диш, Мэрилин Нельсон, Филлис Льюин, Фредерик Файрстайн, Р.С. Гвинн, Энни Финч и другие. Но если литературные журналы уже с готовностью публикуют формальные стихи (и создается литературный журнал *The Formalist*), то издательства и премиальные комитеты еще со-

противляются новым веяниям. Доходит до курьезов: поэт американского происхождения Майкл Донаги с 1988 года издал три книги… в Англии, и эти книги принесли ему там пять литературных премий, в том числе премию Британского Совета по Искусству, а на его внезапную смерть в 2004 году отозвались крупнейшие британские газеты, например «Гардиан». А в США о его существовании знали только некоторые специалисты.

К 1995 году и академический бастион частично сдался формалистам. Летом 1995 года в университете Уэст-Честера в Пенсильвании прошла первая ежегодная «Конференция по форме и нарративу». А окончательно маркировало зрелость нового направления очередное издание «Поэтической антологии Нортона» – авторитетного пособия для колледжей. В 1996 году в нее вошли работы «поэтических врагов» Академии – Альфреда Корна, Джойи, Лейтхаузера и Шнакенберг. С 1996 по 1999 годы вышли пять учебников по теории метра и англоязычной просодии в целом, включая издания университетов Кембриджа, Чикаго и Огайо (с 1979 по 1989 год таких книг вышло всего три). Параллельно в печати громко заявило о себе второе поколение формальной школы: Грег Уильямсон, Рафаэль Кампо, Брюс Бовер (их стихи вошли уже в книгу «Ангелы-борцы»), Ким Аддонидзио, Крисс Йост, Кейт Лайт, Дайэн Тил, Рэчел Уэтстеон, Уилмер Миллз, Дэвид Йетци, Дэниел Лин, Лесли Монсур, Кэтрин Туфариелло. Вхождение этих авторов в круг широко публикующихся поэтов и назначение новых формалистов на должности поэтов-лауреатов на уровне страны (Рита Доув в 1993 году) и штата (например, Мэрилин Хэкер в Коннектикуте в 2001 году и Рита Доув в Вирджинии в 2004 году) стало пятым этапом.

Шестой этап развивается в 2000-е годы, когда новый формализм прочно входит в литературный мейнстрим США. В университете Уэст-Честера продолжаются ежегодные конференции, сопровождаемые мастер-классами и мастерскими поэзии и поэтического перевода; там же создан Центр формальной поэзии, включивший и мини-издательство, выпускаёющее поэтические альбомы. Лидеры движения получают несколько престижных премий, в том числе National Book Award. Остается только надеяться, что новый формализм не разделит судьбу всех движений, попадающих «в струю»

и будет плодотворно развиваться как внутри собственного канона [Schneider, 2005], так и в общении с читающей аудиторией.

Summary

New Formalism and Poetic Wars in American Poetry of the late 20th century

Dominance of free verse in the US poetry of late 1950s to 1970s has brought to life a new movement in American versification. This movement or, rather, a trend which is sometimes referred to in liberal-oriented critiques as conservative and even regressive, comprises two distinct poetic currents, namely New Formalism and New Narrative poetry. Poetic practices of New Formalist and New Narrative poets build upon the experience of syllabics and syllabo-tonics: they use musical rhythms, rhyming, traditional poetic forms and other versification features characteristic of poetic traditions born before contemporary free verse. Quest for renovation of poetic form is parallel (or even subject to) the social quest: to draw contemporary poetry out of academic circles of creative writing industry and to provoke a rebirth of mnemonic functions of poetic texts, to reintroduce up-to-date political, civic, historic debate to poetic discourse, and to bring good poetry back to non-writing-but-reading community. The article explores the stages of social and socio-poetic growth of the New Formalist and New Narrative movements in the context of the 'pendulum' idea of struggle between free and metrical forms of poetic production in American literature.

Литература

1. Ficke A.D. *In Defence of Vers Libre* // *The Little Review*. 1914. Vol. 1, Issue 9. P. 19–22.

2. [Finch] *A Formal Feeling Comes: Poems in Form by Contemporary Women* / Ed. by A. Finch. Ashland, 1994.

3. Jay P.A. *All things old are new: the return of rhymed poetry* // Baltimore Sun. 1997. 16 Feb. URL: http://articles.baltimoresun.com/1997-02-16/news/1997047009_1_formality-grace-poetry.

4. Leithauser B. *The Confinement of Free Verse* // *The New Criterion*. 1987. Vol. 5, Issue 9. URL: http://www.newcriterion.com/articles.cfm/The-confinement-of-free-verse-6187.

5. Leithauser B. *Metrical Illiteracy* // *The New Criterion*. 1983. Vol. 1, Issue 5. URL: http://www.newcriterion.com/articles.cfm/Metrical-illiteracy-6567.

6. Maillard K. *The New Formailsm and the Return of Prosody* // *New Expansive*, 1999.

7. McPhillips R. *The New Formalism: A Critical Introduction* / Expanded ed. Cincinnati, 2005.

8. Poetry: *Theory, Criticism, History* / Ed. by R. S. Gwinn. Ashland, 1999.

9. Schneider S. *Defining the Canon of New Formalist Poetry* // *Poetry Matters: The Poetry Center Newsletter*. 2005. Number 2.

10. Steele T. *The Forms of Poetry* // *The Brandeis Review*. 1992. Vol. 12. P. 28–33.

Секция 4
Этнические литературы США

Section 4
Ethnic Components in Cultural Pluralism

Tunde Adeleke
Iowa State University,
USA

Black Essentialism and the Challenges of Cultural Pluralism/Multiculturalism

Essentialist aspirations and values are deeply rooted in Black American history. In fact, it seems inevitable and logical that black Americans would develop and invoke essentialist ethos in their struggles (be it race, ethnicity or culture). From its inception, the Black experience in America was molded by racial essentialism. The doctrines of white supremacy, Anglo-Saxon superiority, and corresponding affirmation of African/Black inferiority were all predicated on racial essentialism. The denigration of African/Black history and culture, and the construction of Africans and peoples of African descent as inferior and primitive justified a framing of their relationship to whites and peoples of European descent within the discourse of racial and cultural essentialism. The doctrine of White/Anglo-Saxon supremacy nullified the humanity of blacks. The foundation of slavery, racial discrimination, and indeed the entire edifice of White domination, rested solidly on racial essentialism.

Reacting to the structures of racial and cultural essentialisms that undergirded white hegemony, blacks in the eighteenth and nineteenth centuries developed countervailing racial/cultural essentialist ethos rooted in African cosmology. These are embedded in the nationalist and pan-Africanist aspirations and strategies developed by Martin Delany, Henry McNeal Turner, Henry H. Garnet, and Alexander Crummel. [McAdoo, 1983; Uya, 1971; Johnson, 1998; Stuckey,1972]. Though their ideas were complex, they all used race, ethnicity and culture to construct counter-hegemonic essentialist platform designed to combat Eurocentric essentialism. They invoked precisely the same African history and culture which had been denigrated by whites to construct not just a positive worldview, but for many, a worldview that catapulted blacks from the depths of inferiority to which they had been confined by Eurocentric essentialism

to the heights of superiority over and above the Europeans. Martin Delany was the nineteenth century representative of this genre. He was known to publicly proclaim pride in his «unadulterated blackness,» and according to his contemporary Frederick Douglass, Delany always thanked God for making him «a black man» [Rollin, 1986]. Both Delany and Turner would later write about, and publicly proclaim, the moral, ethical and even civilizational superiority of Africa over Europe [Delaney, 1868; Redkey, 1971].

The pervasive and enduring character of white hegemony provoked Delany to define blacks as «a nation within a nation,» a people with distinct racial and cultural identities, existing within a hostile national polity [Delaney, 1852]. He dismissed the search for integration or cultural pluralism as unrealistic and an illusion. In his view, the only viable context for effective integration or meaningful cultural pluralism was one in which Eurocentric culture predominated. Black would have to give up and surrender their unique and original cultural identity– that is, they had to cease to be African and black. This was, in his judgment, too high a prize to pay for integration, meaningful intercultural or cultural pluralistic coexistence. This conviction led Delany to reject the cultural pluralistic option advanced by Douglass and he assumed leadership of what to his contemporaries seemed like an essentialist and separatist strategy – Emigration [Delaney, 1868]. The gravitation toward separatist and essentialist strategy was not confined to the nineteenth century. In the early twentieth century, Marcus Garvey built his Universal Negro Improvement Association (UNIA), a Pan-African organization on the platform of racial and cultural essentialism [Jacques-Garvey, 1970; Clarke ed., 1974]. Thus, attempts to affirm a positive and elevating African/black worldview were critical to Black Nationalist and Pan-Africanist strategies. These blacks sought to construct a black essentialist worldview against a Eurocentric essentialist world.

Historically, the black American experience has been characterized by counter discourses – resistance versus accommodation; integration/cultural pluralism versus separatism. These discourses often entailed invocations of essentialist ideas and solutions, which became even more pronounced during the mid-twentieth century civil rights

movement. This was best illustrated in the exchanges between Martin Luther King, Jr., and the mainstream civil rights leaders, on the one hand, and Malcolm X and the Nation of Islam (NOI), on the other. The NOI constructed the black experience in essentialist terms, categorically rejecting integration or prospect for interracial and intercultural relations. Out of the ashes of a doomed white America, according to NOI doctrine, would emerge the kingdom of Allah's people – blacks [Mohammed, 1973, 1997]. It was precisely this racial and cultural essentialist conviction that informed Malcolm X's early career. It also energized both the Black Power and Black Panther movements. The debate between black essentialism and the intercultural/multicultural perspectives and worldviews became even more contentious in the post-civil rights era. This was perhaps due largely to two developments. First, a constellation of circumstances – the deepening crisis of black alienation in America, the gradual erosion, and almost effective dismantling of civil rights reforms, attacks on affirmative action, and programs of social reforms, a resurgent, virulent and vindictive anti-black ultra-conservatism. These developments inflamed the ambers of racial, ethnic and cultural essentialisms. Second, the envisioning of what some characterize as a post-racial and post-ethnic America, coupled with discussions about multiculturalism, diversity and interculturalism. Such discussions have strong global implications, as many begin to envisage global cultural citizenship.

Academic scholars in the United States debate the pros and cons of, and possibilities and prospects of, a post-racial and post-ethnic America. Some envisage this «new America» as a multicultural one, a nation of truly integrated diverse peoples; a kind of cosmopolitan America. The celebration of this possibility has provoked concern among black cultural nationalists. The juxtaposition of an increasingly impoverished and alienated black America, with a vision of a post-ethnic and post-racial America, at the very least, presumes the demise of racism, that is, that race is no longer a critical factor in the making of contemporary black American experience. In the judgment of black cultural nationalists, however, perhaps more than ever, race continues to shape and impact black America. A post-ethnic and post-racial America suggests a context where every

group somehow transcends racial, cultural, ethnic identities. How could blacks overcome or transcend race and ethnicity in a context, and within a nation that continues to reinforce racial and ethnic distinctiveness? How would a post-racial and post-ethnic America be different from the past? Does a truly multicultural and cultural pluralistic context imply the transcendence of race, ethnicity, culture and other primordial values? Is it possible to construct a truly multicultural, intercultural, cultural-pluralistic nation while sustaining distinct racial, ethnic and cultural identities and attributes? Or, does a post-racial and post-ethnic America suggest a new composite America? What would be the make-up of this America? How truly composite and representative of diversity would it be? These are the critical questions and challenges. Two individuals, representing opposing schools of thought offer conflicting constructions of this post-ethic worldview and its possibilities – Molefi Asante, former chair of African-American Studies, and a leading advocate of Afrocentricity (a black cultural nationalist ideology), and the late Arthur Schlesinger Jr., a political and cultural historian. Asante proposes and defends an Afrocentric construction of America, while Schlesinger proposed and defended an America rooted in Anglo-Saxon heritage. They advance sharply conflicting responses to the old E Pluribus Unum (out or many, one).

E Pluribus Unum envisions America as a nation of immigrants who have been fused into a melting pot of cultures. The pot is a transcendental element that embodied all the constituent parts. However, given the nature of black American history and experience, the pot has not represented blacks to the degree it represented other groups, especially those of European descent. Blacks had neither felt adequately represented by, nor embodied in, the melting pot. The «American» remains culturally Eurocentric and hegemonic. Other immigrants also find the construction of the «American» still culturally alienating and hegemonic. In fact, as Peter Kivisto contends, the universal American ideal of the melting pot is inherently problematic. There was always tension between the ideal of inclusion and the actual demand for exclusion [Kivisto, 2002, 45]. The construction of the «American» as the fusion of diverse people who have somehow transcended their original heritages is, therefore, an idealistic vision which has yet to materialize.

For blacks, the critical issue was not just poor or inadequate representation. How blacks are represented, or misrepresented, has always been problematic. Race and racism have made black representation significantly negative. America is not an entirely open and welcoming society, all the civil rights reforms notwithstanding. For blacks, diversity is not just about representation. It is also about recognition. Before you can be adequately represented, you had to be accepted and recognized as a valid and authentic constituent of the nation, and this means full equality. It means a deracialized relational context. This construction of diversity, therefore, underscores the problematic of the melting pot theory. True diversity mandates representation, and not necessarily, the obliteration of essential differences. This «multicultural» construction shifts diversity away from the monolithic and uniform representation Unum, to a kind of group reifying context which while emphasizing shared and unifying ideals also acknowledges and protects inherited group differences and uniqueness. Thus, diversity is defined by real differences, and the privileging of group distinctiveness (Plura). It is this conception of diversity that Afrocentrism articulates. As an ideological movement, Afrocentrism gained prominence in the post-civil rights era. It developed out of, and reflected, black frustrations with, and alienation from, mainstream America. Alienated from America, Afrocentrists seek a new anti-American identity derived from African heritage [Asante, 1987, 1988]. This represents a rejection of America as a melting pot/multicultural nation. In the judgment of Afrocentric scholars, blacks had never been a part of the Pluribus that went into the making of the Unum. They had always existed outside of, and alienated from, the Unum.

Afrocentrists define true diversity as the celebration of differences without contextually accenting or privileging any. This remains perhaps the major challenge of diversity and multiculturalism in the United States. While in principle, Afrocentrists seem to favor multiculturalism, they remain deeply suspicious of the cultural context and implications of multiculturalism. There is an underlying assumption that a multicultural context, ipso facto, nurtures diversity; that is, that it encapsulates peoples of diverse backgrounds. Afrocentrists disagree. They view the «multicultural» context as still very

much Eurocentric and anti-black. Skeptical of multiculturalism, Afrocentrists invoked their African heritage in order to construct a counter-hegemonic essentialist identity; a fundamental prerequisite, in their judgment, for participation in a meaningful and constructive multicultural relationship. Effective and functional multiculturalism and diversity therefore require that blacks, as well as other minority ethnic groups, first validate and affirm their historical and cultural heritages. Affirming and exalting this anti-American, protest African cultural identity would give blacks the essential cultural foundation for fair and adequate representation within a reconstructed multicultural America in which true diversity is measured not by fusion into an all-encompassing «American» identity and culture, but by the degree to which cultural specificity and distinctiveness are acknowledged and validated. Molefi Asante contends that diverse people can coexist without relinquishing their fundamental traditions and differences. A truly democratic society must accommodate and respect diverse cultures [Asante, 1999]. According to Afrocentric scholars, therefore, America, as presently constituted and structured, is anything but democratic. There does not exist, and has never existed, a representative, all-encompassing «American» identity or culture. The history of the nation itself underscores the imperative for pluralism that does not accentuate ethnic or cultural chauvinism. Asante accuses advocates of the melting pot perspective such as the late Arthur Schlesinger Jr., of confusing American nationality with American culture. It is possible, Asante contends, to conceive of a unified political construction of America as a nationality, and to accommodate blacks and other ethnic minorities within that political construct. But it has to be as people who retain their distinct heritages and cultures [Asante, 1999, 14-19]. In other words, there could never be a unified «American» culture. True diversity, therefore, is not in harmonizing differences into a single and uniform American concept, but in privileging differences and group rights. Thus, Asante rejects black assimilation into America's Anglo- Saxon heritage which Schlesinger advocated. In Asante's view, «Americanism,» as conceptualized by Schlesinger, could not nurture true diversity. Though, he agrees with the need to construct unity around shared attributes and ideals such as language, liberty and democracy, Asante insists, however, that

each group should retain its essential cultural identity [Asante, 1999].

Arthur Schlesinger was, however, insistent that America's Anglo-Saxon heritage should remain the defining character of a unified American identity that encapsulates all others. In his judgment, multiculturalism is not a permanent stage, but a transition phase in the «Americanization» of minority groups. He believed strongly in the inviolability of the old melting pot theory of unifying multiple groups into one American identity. Schlesinger had no consideration for those who object to the Eurocentric and hegemonic implications of his paradigm. He dismissed advocates of multiculturalism and cultural pluralism as divisive [Schlesinger, 1998]. He constructed the «American» as an assimilative, composite identity, beyond multiculturalism and cultural pluralism. In Schlesinger's view, this melting pot (Unum) has worked so well in the past, and should be preserved [Ibid.]. For Afrocentrists, however, the melting pot had only worked for peoples of European background. Others, such as blacks and Native Americans, have never been truly assimilated, and do not believe in the ideal of a common culture and single society. They demand a paradigm that recognizes their group rights; one that allows them to organize and exist as distinct groups within America. They demand the right to be American, with all the rights and privileges, while maintaining their essential and original historical and cultural identities. Schlesinger described this as a divisive strategy that could create imbalance between Pluribus and Unum. In his judgment, the melting pot concept was a balanced representation of America's essential diversity. The call for multiculturalism threatens this essential balance. He wanted the old melting pot and balance restored and protected. Critics insist there was never a balance. A critical consideration, at this juncture, is whether a true balance based on shared faith in America can develop, given these contradictory positions.

Schlesinger suggested the use of democratic principles and ideals (language, political ideas and institutions) to forge a strong bond and restore the balance (Unum). These shared ideals would serve as unifying elements within which, according to him, «people would be free to live as they choose, ethnically and otherwise.» [Ibid., 145]. But Schlesinger insisted that the ideals be derived from, and reflective of, America's Anglo-Saxon and

European heritage. He was vehemently opposed to privileging ideals and values that tend to reify other heritages and groups. In his view, the «American ideal» is both Anglo-Saxon and transcendental and should obliterate, and take precedence over, other inherited and original cultural traits and identities [Ibid., 34, 145]. In other words, everyone should partake and share of the representative «American ideals». In Schlesinger's judgment, the European origin of America should neither be sacrificed nor compromised. Other ethnics would have to be assimilated into this heritage in order to become fully American. In this respect, becoming American means obliterating other heritages. This is the real unum; the real diversity paradigm which encapsulates shared values uniting all ethnics, including blacks. Afrocentrists however emphasize fundamental and immutable cultural differences, and reject any notion of shared ideals, especially ideals derived from America's Anglo-Saxon heritage. In their judgment, ideals emanating from American heritage were never, and could never be, shared. The American melting pot had always been, and would forever be, Eurocentric and hegemonic. Essentially, we have a conflict over heritages. Schlesinger invoked America's Anglo-Saxon and European heritage as the foundation for constructing a unifying American ideal that incorporates multiple groups. Afrocentric scholars describe this as a scheme to perpetuate European domination. In response, they offer African ideals as the most adequate and solid foundation for developing a unifying context which, they suggest is not skewed in favor of any particular group. They characterize African cosmology as embodying values that could unify all humans in a common cause. Could the Afrocentric paradigm truly create a context of unity and shared ideals among different groups, or is the paradigm a means of subverting America's democratic tradition, as Schlesinger suggested?

Schlesinger's solution has gained resonance in a rising and virulent nativism that continues to shape contemporary discourses on, and reactions to, immigration. Beneath the scapegoating of illegal immigrants, and attempts to deny them access to basic services lie strong undercurrents of Eurocentric nationalism that defines peoples of non-European ancestry as foreigners. During recent elections in the United States, conservatives often invoke the concepts «true America» or «real

America». To most black Americans and left-leaning critics these are code words for white, Anglo-Saxons. This is not an inclusive frame. Schlesinger's frame evokes the old answer to the old eighteenth century Crevecoeurean question: What then is this American, this new man? The answer given by the Frenchman, Hector St. John de Crevecoeur was that he was either a European or descendant of a European [De Crevecoeur, 1782, letter 1110]. Schlesinger seemed to invoke this old answer. The «composite American» identity Schlesinger constructed is similar to the one represented in the melting pot envisioned by Crevecoeur in his eighteenth century *Letters from an American Farmer*. Fundamentally, it is Eurocentric, and thus hegemonic. Not surprising, black cultural nationalists remain skeptical. There is a lack of consensus on the definition and composition of America. And there may never be a consensus. In fact, some may question whether such a consensus is really necessary.

Afrocentrists remain deeply suspicious of America's Anglo-Saxon and European heritage, which they deem fundamentally destructive to blacks. They portray Schlesinger's ideas as parts of a sinister ploy to disguise Eurocentric ideas as universal and impose them on non-Europeans. These Anglo-Saxon and Eurocentric ideas are neither universal nor objective. Both Schlesinger and his Afrocentric critics seem to agree on the need for some essential unifying principles. The major disagreements, in my opinion, are two-fold. First, there is no consensus on the cosmological underpinnings of these principles, and second on whether these unifying principles are compatible with the privileging of cultural and other essential differences. Is national cohesion compatible with the privileging of cultural specificities? Is it possible to develop one American ideal that supersedes inherited cultural differences? Should the goal be «unity in diversity» or «unity and diversity»? These are fundamentally different options. Schlesinger's faith in the old melting pot reflects «unity in diversity»; the American ideal embodying diversity, transcending multiculturalism and cultural pluralism. Asante and others who advocate what is deemed «critical multiculturalism» reject the melting pot and the idea of a common ideal and common culture signifying all others. This is not possible, in their judgment, given fundamentally different historical and cultural backgrounds. They advocate «unity and

diversity». Yes, there are, and should be, common unifying ideals (language, religion, political ideas and institutions), but these do not, and should not, assimilate or obliterate essential differences and uniqueness. The melting pot (Unum) presupposes resolution of difference and the evolution of a unifying ideal that reflects shared interests and values. Though Afrocentrists believe in the possibility of shared and unifying values, they insist, however, that these ideals should not obliterate the essential cultural differences or specificities that are unique to individuals and groups within the nation. This is the essence of Afrocentric assenting of Plura.

But Afrocentric scholars have also ventured beyond pluralism to universalism. While rejecting western universalistic claims as pretentious and hegemonic, they propose a theory of Afrocentric universalism which, unlike Eurocentric universalism, is not hegemonic but inherently humanistic and, therefore, they contend, could indeed serve as the basis for a truly multicultural, non-hegemonic and organic representation of diversity. Black psychologist Na'im Akbar developed this paradigm and defended it in an article in which he contrasted western and African cosmologies and worldviews. One, the former, could never be the basis of equal representation of diverse groups because of its inherent negative, divisive, exploitative character (individualistic, xenophobia, violence, rationalistic and materialistic). The latter, the African, possessed the inherent qualities of collectivism, spirituality, morality, emotionalism, peace, justice and goodness. One worldview seeks and imposes conformity, the other encourages creativity; one is mechanical, the other humanistic; one is thing-focused, the other people-focused [Akbar, 1984]. Given these fundamental differences, Afrocentrists insist that blacks could not, and should not, be assimilated into a culture that is fundamentally in conflict with their heritage. Any attempts to impose uniformity (Unum) within this context would create social conflict and disequilibrium, disharmony and mutual resentment. In the estimation of Afrocentrists, America is a nation of conflicting cultures. These fundamental differences notwithstanding, Akbar insists that the African worldview could in fact serve as the foundation for a universal paradigm for all humanity given its essential goodness. Consequently, because African cosmology and worldview is humanistic, it could

therefore serve as the basis for instilling in humanity those qualities that would generate a truly diverse, multicultural and non-hegemonic context of relationship [Ibid.]. Critics, however, disagree and accuse advocates of universalizing the African worldview of harboring hegemonic agenda and mirroring the Eurocentric hegemonic aspirations they so passionately oppose and deconstruct. Schlesinger accused Asante and other Afrocentric scholars of undermining the drive toward a truly multicultural and diverse America, of threatening to disunite America.

Is Afrocentric emphasis on plura a ploy to impose African values on, and subvert America's democratic culture? Could this be evidence of the abuse of diversity? There is a possibility. As Algernon Austin argues, «essentialist 'cultural' discourses, in the proper political and economic context, are perfectly amenable to developing a racial hierarchy» [Austin, 2006, 128]. Afrocentrists also construct heritable and immutable essential differences among humans. Their suggestion of the essential goodness of the African worldview exalts it above the European worldview. If their claim of essential and immutable differences is valid, would the choice of the African worldview for all humanity not constitute hegemony? Would this not be a vindication of critics who describe Afrocentric «multiculturalism» as hegemonic?

Afrocentrists seem to offer two options: a "universal" African-derived paradigm or E Pluribus Plura; a paradigm that validates and celebrates differences. Sonja Garland describes the latter as a «centric culture specific» 'multicultural' context which recognizes and validates cultural specificities and differences [Garland, 1995, 225]. Assimilation into any form of «Americanization» has not benefitted blacks. For blacks, the quest for Unum would be counter-productive, as long as they remain impoverished, subordinated and marginalized. Yet, Afrocentrists are not necessarily completely jettisoning Unum. They propose total structural assimilation as a precondition for the creation of a context that truly embodies and represents diverse and multiple groups. The problematic of the old melting pot, the one advanced by Schlesinger, is that it privileged cultural assimilation within a problematic structurally dysfunctional context. Afrocentric scholars insist upon achieving structural assimilation before cultural assimilation. This demands a national public policy that

eliminates discrimination and structurally integrates blacks into America as equals. This is the only viable context for the eventual development of a truly representative and homogeneous Unum. Until this is implemented, Afrocentrists favor E Pluribus Plura.

Bibliography

1. Akbar N. *Afrocentric Social Sciences for Human Liberation/ Journal of Black Studies*, vol. 14, number 4, June 1984.

2. Asante M. T*he Afrocentric Idea.* Philadelphia: Temple University Press, 1987.

3. Asante M. *Afrocentricity.* Trenton, NJ: Africa World Press, 1988.

4. Asante M. *The Painful Demise of Eurocentrism: An Afrocentric Response to Critics.* Trenton, NJ: Africa World Press, 1999.

5. Austin A. *Achieving Blackness: Race, Black Nationalism and Afrocentrism in the Twentieth Century.* New York: New York University Press, 2006.

6. Clarke J.H. ed., *Marcus Garvey and his Vision for Africa.* New York: Vintage Books, 1974.

7. De Crevecoeur H. St. John. *Letters from an American Farmer* (1782).

8. Delany Martin R. *The Condition, Elevation, Emigration, and Destiny of the Colored People of the United States.* Baltimore, MD: The Black Classic Press, 1993 (originally published in 1852).

9. Delany, Martin R. *Political Destiny of the Colored Race on the American Continent.* In Frank Rollin, *Life and Public Services of Martin R Delany*. Boston: Lee & Shepard, 1868.

10. Delany, Martin R. The International Policy of the World towards the African People, in F. Rollin. Ibid pp. 313-327.

11. Garland S. *Afrocentricity: Know the Truth of the Past for a Successful Future* / In Dhyana Ziegler, ed., *Molefi K. Asante: In Praise and in Criticism.* Nashville, TN: James C. Winston Publishing, 1995.

12. Jacques-Garvey A. *Philosophy and Opinions of Marcus Garvey*. New York: Atheneum, 1970.

13. Johnson S. Black Globalism: *The International Politics of a Non-State* Nation. London: Ashgate, 1998.

14. Kivisto P. *Multiculturalism in a Global Society.* Oxford: Blackwell Publishing, 2002.

15. McAdoo B. *Pre-Civil War Black Nationalism.* New York: David Walker, 1983.

16. Mohammed E. *Message to the Black Man in America.* Maryland Heights, MO: Secretarius MEMPS Ministries, 1997.

17. Mohammed E. *The Fall of America.* Newport News, VA: The National Newport News & Commentator, 1993.

18. Redkey E. *Respect Black: The Writings and Speeches of Henry McNeal Turner.* New York: Arno Press, 1971.

19. Rollin F. *Life and Public Services of Martin R. Delany.* Boston: Lee & Shepard, 1868.

20. Schlesinger Jr., A. *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society.* New York: W. W. Norton, 1998.

21. Stuckey S. *The ideological Origins of Black Nationalism.* Boston: Beacon Press, 1972.

22. Uya O. *Black Brotherhood: Afro-Americans and Africa.* Lexington, MA: D.C. Heath, 1971.

И.М. Удлер,
Челябинский государственный университет,
Россия

От Slave Narrative к Neo-slave Narrative

Происхождение, становление, эволюция и современная судьба афро-англо-американского жанра «невольничьего повествования», оказавшего влияние на идеологию и практику аболиционистского движения в Англии и США, на всю афроамериканскую литературу и публицистику, на литературу белых американцев, предоставляет ценный материал для размышлений о мультикультурализме и коммуникации культур, плюрализме в сфере культуры.

Этот уникальный жанр возник в XVIII веке и достиг своих вершин в произведениях «школы героических беглецов» в США в 40–60-е годы XIX века.

Первое поколение создателей жанра – африканцы Дж.А.Ю. Гроньосо, О. Кьюгоано, О. Эквиано, превращенные в рабов и насильственно доставленные в XVIII веке на рабовладельческих кораблях в Англию и Америку. В век мореплавания и Просвещения они оказались в пространстве «Черной Атлантики» [Gilroy, 1993], включавшем в себя Западную Африку, Англию и ее американские колонии, европейские стра-

ны[3]. Это было не только географическое, но и историческое, социальное, культурное пространство, в котором африканская, европейская и американская составляющие интенсивно взаимодействовали. В условиях рабства, первых ростков аболиционистского движения и активного взаимодействия африканской, европейской (преимущественно английской) и американской культур происходило формирование национального и культурного сознания авторов «невольничьих повествований» 70-80-х гг. XVIII века, «атлантических креолов», по определению А. Берлина [Berlin, 1996], имевшего в виду не их происхождение, а взаимодействие разных культур в ареале «Черной Атлантики». Портрет О. Эквиано в его книге представлял читателям именно такого «атлантического креола» – чернокожего человека с африканскими чертами лица, в одежде европейца XVIII века, с раскрытой на Книге Бытия Библией в руках. Портрет сопровождала факсимильная подпись Эквиано, подтверждающая его грамотность.

В своих книгах Дж. А. Ю. Гроньосо [Gronniosaw, 1772], О. Кьюгоано [Cugoano, 1825], О. Эквиано [Equiano, 1789] подчеркивают свое африканское прошлое и знатное происхождение. Они знают своих родителей, сохраняют имя и фамилию, данные им при рождении, констатируют, что они родились свободными людьми. Они сохранили связь с африканской религией, мифологией и фольклором. Но они овладевают новым для них английским языком, грамотностью, новыми видами деятельности, обращаются в христианство. Испытав на себе рабство в североамериканских колониях, в Вест-Индии, они выкупились на свободу и обрели английское гражданство.

Их сложный исторический, психологический и культурный опыт нашел выражение в документально-публицистическом жанре «невольничьего повествования», вобравшем в себя черты духовной автобиографии, истории обращения в истинную веру, религиозного гимна, утопии, пуританской исповеди, проповеди, в центре которой притча о спасении, путевых записок, истории кораблекрушения, истории пленения, этног-

[3] 25 января -25 апреля 2010 г. в галерее Тейт-Ливерпуль была организована выставка «Афро-модерн: путешествие через Черную Анлантику, посвященная истории продолжающихся взаимовлияний культур и искусства Африки, Европы, США и стран Карибского бассейна от начала XX в. до наших дней, на которой было представлено свыше 140 работ

рафического очерка, истории благородного дикаря, публицистического трактата, памфлета, открытого письма.

Эти европейские и американские жанровые модификации обретали новое содержание, являясь средством постановки проблем рабства и работорговли; расовой, национальной, религиозной, личностной, авторской идентификации африканца, насильственно доставленного на рабовладельческом корабле в Америку и Европу; грамотности, неразрывно связанной со свободой. В них впервые появились хронотопы «The Middle Passage», «Черной Атлантики», «троп говорящей/неговорящей книги» [Gates, 1988]. От произведения к произведению усиливалась полемика с работорговлей и рабством. Появляется тема расовой дискриминации и социальной незащищенности бывших рабов.

Характерной особенностью является документальная точность в датах, цифрах, именах и фамилиях, названиях мест и кораблей, маршрутах кораблей, призванная вызвать доверие к повествованию, воздействовать на читателей, служить важным аргументом в полемике с рабством.

В качестве модельных черт жанра утверждаются опора на Библию; композиция книги, в которой обязательно предисловие, написанное белым, чаще всего священником, подтверждающим духовное обращение вчерашнего язычника; каноническая первая фраза «Я родился…»; мотивы бегства из индейского плена, тюрьмы; воспевание свободы.

Лучшим произведением жанра в XVIII веке является «Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца. Написано им самим» О. Эквиано. Эквиано, каким он был в жизни и каким он предстает в своей автобиографической книге, – истинный «self-made man», предшественник Ф. Дугласа, достойный сравнения, сопоставления с героем «Автобиографии» Б. Франклина.

Широта видения мира, сопоставление Африки и Запада, включение Африки в мировую цивилизацию и культуру, разоблачение рабовладельческой системы, полемика с расизмом и гимн свободе, соединение сакральной темы грамотности с темой свободы, история глубокого духовного обращения в христианскую веру, всесторонне разработанная тема идентификации, психологизм в раскрытии внутреннего мира африканского подростка и взрослого человека, соединение тра-

гического и комического, включение цитат из Шекспира и Мильтона, из поэмы Дж. Бикнелла и Т. Дея «Умирающий раб» и своей собственной поэмы, интерес к поэзии, стихи и песни как средство полемики с рабством, связь с африканской мифологией и фольклором, композиция книги, включившая многочисленных подписчиков в число персонажей, сочувствующих аболиционистским идеям автора, сделали эту книгу главным образцом для Ф. Дугласа.

Авторы «невольничьих повествований» XVIII века были тесно связаны с Англией. Там они обретали свободу и гражданство, там первоначально публиковали свои произведения.

После принятия английским парламентом 25 марта 1807 г. «Закона о запрете работорговли» на всей территории Британии, жанр получает дальнейшее развитие и трансформацию в США в 20–60-е гг. XIX века. В преддверии Гражданской войны он был вызван к жизни потребностями аболиционистского движения и стал основным жанром аболиционистской литературы, оказавшим влияние на все ее жанры, а также на литературу и публицистику плантаторского Юга, вступившего в яростную полемику со свидетельствованиями рабов.

Авторы «невольничьих повествований» XIX в. У. Граймз, С. Бейли, М. Роупер, Дж. Уильямс, Ф. Дуглас, У.У. Браß ун, Г. Бибб, Дж. Пеннингтон, Г.Б. Браун, С. Норфап, У. Крафт, Г. Джейкобс – рабы, совершившие успешный побег на Север и ставшие активными участниками аболиционистского движения.

В их «повествованиях» в документальной форме, от первого лица воссоздаются ужасы рабства, история злоключений раба и героического избавления от рабства.

Характерной особенностью жанра является влияние христианской религии и Библии.

Рабы оказались в Новом Свете в состоянии полной изоляции. Не знавшие языка и культуры рабовладельцев, «неспособные общаться на родном языке даже друг с другом» [Бурстин, 1993, 247] в силу многочисленности африканских языков и диалектов, происходившие «из разных племен и районов Африки, стоявших на разном уровне экономического и социального развития» [Нитобург, 1979, 184], лишенные языка, семьи, общины, они стремились вырваться из навязанной им изоляции с помощью христианской религии.

Первой и на долгое время единственной книгой, по которой рабы учились читать, стала Библия. Христианская религия и Библия сыграли огромную роль в формировании у чернокожих невольников нравственных представлений, снабдили авторов «повествований» мировоззренческими ориентирами, философско-этическими идеями, представлениями об идеале, стали важнейшим источником осмысления всех проблем.

Рассказчики обращаются к Богу с эмоциональной молитвой, верят в провидение и Божье возмездие, в день Суда над грешниками – рабовладельцами и надсмотрщиками, воссоздают свой жизненный путь как духовное обращение, веру в спасение души на небесах соединяют со свободой от рабства.

В «невольничьих повествованиях» XIX в. широко используются библейские сюжеты, темы, мотивы, герои, цитаты, аллюзии, образность, топонимика, лексика, пафос, стиль, ритм, жанры псалма, притчи, свидетельствования, пророчества, в том числе иеремиады.

Ярко выраженный афро-американский колорит создает использование фольклорной традиции.

Фольклорная проповедь чернокожих проповедников с ее вовлечением слушателей, с причудливым соединением библейских сюжетов, фольклорных историй и злободневных событий, оказала влияние на проблематику, поэтику, жанр «невольничьего повествования».

Традиция фольклорной проповеди естественно и тесно сплетается в «невольничьих повествованиях» с музыкальной фольклорной традицией. Все произведения включают в себя песни рабов, важнейший элемент их жизни, наследие устной африканской культуры. Музыкальный фольклор влияет на композицию, трактовку образов, эмоциональную тональность, ритм, основанный на повторах и импровизации.

Автором лучшего «невольничьего повествования» XIX века стал Ф. Дуглас («Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим», 1845) [Douglass, 1845]. Ф. Дуглас – глава «школы героических беглецов», выдающийся общественный деятель, последовательный борец с рабством, оратор, писатель, публицист, редактор и издатель, стоявший у истоков афро-американской

печати. Он автор художественно-публицистической автобиографической трилогии [Douglass, 1855; Douglass, 1892], началом которой стало его «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим», и первого произведения афро-американской художественной прозы – романтической повести «Раб-герой» [Douglass, 1853]. «Невольничье повествование» стало ядром всего его творчества.

В «Повествовании о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим», опирающемся на лучшие традиции книги О. Эквиано, нашли наиболее полное выражение и развитие уже сложившиеся к 40-м годам XIX черты жанра, но вместе с тем они трансформированы, выражают индивидуальное «я» автора, соединены с новыми чертами.

В центре «Повествования» Ф. Дугласа глубокое осмысление политических, экономических, психологических основ рабовладельческой системы, поиск и обретение героем своего «я» в борьбе с рабством, проблема выбора. Поэтому его «Повествование», в отличие от многих «невольничьих повествований», не сводится к фактической, событийной стороне. Успешный побег, традиционно являвшийся кульминацией, Ф. Дуглас только констатирует. Зато усиливается внимание к внутреннему миру рассказчика, к становлению и самоопределению личности, поиску дома, отца, семьи, имени, братства, Бога, истины, социально-политической, духовной, художнической свободы.

«Повествование» Ф. Дугласа отличает яркое художественное начало: наличие нескольких временных планов; взгляд на одни и те же события глазами ребенка, подростка, юноши и зрелого человека; система лейтмотивов, ключевых слов; анималистические образы для изображения жизни в рабстве, опасностей, подстерегавших беглых рабов на Севере; юмор, ирония, самоирония и сарказм; галерея индивидуализированных портретов рабовладельцев и надсмотрщиков; литературная игра; художественный синтез противоположных чувств, настроений, осуществляемый с помощью антонимов, парадоксов и афоризмов, игры слов; обретение языковой свободы; психологизм в раскрытии внутреннего мира рассказчика.

В прозе Ф. Дугласа, как и в народной музыке, которая пронизывает его произведение, нашел воплощение национальный характер афроамериканцев, народная философия жизненной стойкости и веры в человека и справедливость.

Slave narratives XVIII-XIX вв. перешагнули рамки исторической эпохи рабства и борьбы с ним. Письменное, документально-публицистическое слово невольников, протестовавших против рабства, стало архетипическим жанром всей афро-американской литературы и публицистики XIX-XXI вв.

В современном англоязычном литературоведении получает все более широкое использование термин «neo-slave narrative». Впервые его употребил Бернард У. Белл применительно к романам «Юбилей» М. Уокер (1966) и «Автобиография мисс Джейн Питтман» Э. Гейнса (1971), охарактеризовав их как «современные повествования о побеге из рабства на свободу, связанные с устной традицией» [Bell, 1987, 289]. Вслед за Б. Беллом к жанру «neo-slave narrative» отнесли романы И. Рида «Побег в Канаду» (1976), Т. Моррисон «Возлюбленная» (1987), «Путь через Атлантику» (1990) Ч. Джонсона. В настоящее время этот термин употребляется в более широком смысле применительно к современной афро-американской литературе [Rushdy, 1999; Rushdy, 2001; Mitchell, 2002; Smith, 2007].

В сущности, творчество всех афро-американских писателей и публицистов XX–XXI вв. содержит в себе на глубинном уровне повествования в качестве центрообразующего начала архетип «невольничьего повествования». Он дает о себе знать в мировидении, проблематике, сюжете, мотивах, жанровой модели, хронотопе, системе персонажей, в образах-символах, композиции, языке.

Таким образом, афро-американская литература внесла и вносит крупный вклад в мультикультурализм США. Но мультикультурализм не исключает культурный плюрализм, ибо вся история афро-американской литературы, начиная с «невольничьих повествований», есть история межкультурной коммуникации африканской, европейской и американской составляющих.

I.M. Udler,
Chelyabinsk State University,
Russia

From Slave Narrative to Neo-slave Narrative

The history and contemporary fate of Afro-Anglo-American slave narrative, the genre which influenced the Abolitionist movement in England and America, all African American writings and the white American literature gives a valuable material for reflections about multiculturalism and cross-cultural communication, about cultural pluralism.

This unique genre originated in the 18th century and attained its height in the narratives of «the heroic fugitive school» of the 19th century.

Africans James Albert Ukawsaw Gronniosaw, Ottobah Cugoano, and Olaudah Equiano were the first generation of the genre creators. They had been kidnapped and sold to slavery, made a painful voyage on board the slave ship (the Middle Passage) and then traveled on the sailing ships across the Atlantic, between the Caribbean islands, America and Europe, traveled overland across Europe and America. All the three had experienced slavery and then found freedom. They and their books [Gronniosaw, 1772; Cugoano, 1825; Equiano, 1789] have become a part of an extremely important historical, geographical, sociological and cultural phenomenon – «The Black Atlantic» [Gilroy, 1993].

P. Gilroy means here the formation of national and cultural consciousness and self-consciousness of Africans in Europe and New World in the course of interchange and mutual enrichment of African, European (mainly English) and American ones. There was a process of intensive interaction of «own» and «other» which ceased to be «strange», – the model of modern culture formation.

This process has found a bright expression in the slave narratives of the 18th century, particularly in the chronotope, metaphors, and images. The genre is indebted to African, English, American, and Christian cultures. In the works of the 18th century Africa and America, Africa and England,

England and America, Africans, black American slaves and Jews of the Old Testament are not only opposed but are also compared. The authors used an Indian capture story, black criminal confession, travel narrative, marine prose, adventure novel, spiritual autobiography, evangelical conversion narrative, Puritan confession, Protestant sermon, publicistic treatise and lampoon, but filled these genres with new content. So, O. Equiano united the exact, documentary description of the severe reality of slavery with the poetics of African mythology and folklore and created on this base the best work of this genre and abolitionist literature of the 18th century.

Particular qualities, features, themes, motifs, tropes, common places, chronotope, architectonics, and the model of the 18th century slave narrative have influenced the classics – the narratives of fugitive slaves Frederick Douglass, William Wells Brown, Henry Bibb, and Henry "Box" Brown. In the 19th century the genre looked back at this pattern as the pretext and at the same time transformed it.

Now the term "neo-slave narrative" with reference to the contemporary African American literature is receiving wider and wider use [Bell, 1987, 289; Rushdy, 1999; Rushdy, 2001; Mitchell, 2002; Smith, 2007].

Thus, the African American literature made an outstanding contribution to multiculturalism in the USA. But multiculturalism does not exclude cultural pluralism because all history of the African American literature, starting from the slave narratives, is the history of cultural interactions between the African, European and American components.

Литература

1. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт / пер. с англ. Ю.А. Зараховича, В.С. Нестерова; послесл. В.П. Шестакова; коммент. П.В. Балдицына. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 624 с.

2. Нитобург Э.Л. Негры США (XVI – начало XX вв.): историко-этнографический очерк. – М.: Наука, 1979. – 295 с.

3. Bell B.W. *The Afro-American Novel and Its Tradition.* – Amherst: The University of Massachusetts Press, 1987. – xix, 421 p.

4. Berlin I. *From Creole to African: Atlantic Creoles and the Origins of African-American Society in Mainland North America* // William and Mary Quarterly. – 1996. – Vol. 53, No. 2. – Pp. 251-288.

5. Cugoano O. *Narrative of the Enslavement of Ottobah Cugoano, a Native of Africa; Published by Himself in the Year 1787* [Electronic resource] // *The Negro's Memorial; or, Abolitionist's Catechism; by an Abolitionist.* – London : Hatchard & Co., 1825. – Pp. 120–127. – URL: http://docsouth.unc.edu/neh/cugoano/cugoano.html (дата обращения: 10.05.2009).

6. Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself.* 2 vols. [Electronic resource]. – London: Author, 1789. – URL: http: // docsouth.unc.edu/neh/Equiano.html 9 (дата обращения: 10.05.2009).

7. Gates H.L., Jr. *The Signifying Monkey: A Theory of Afro-American Literary Criticism.* – New York; Oxford : Oxford University Press, 1988. – xxviii, 290 p.

8. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness.* – Cambridge: Harvard University Press ; London & New-York: Verso, 1993. – 277 p.

9. Gronniosaw J.A.U. *A Narrative of the Most Remarkable Particulars in the Life of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince, as Related by Himself.* – Bath: Printed by W. Gye, 1772. v, 39 p. – URL: http://docsouth.unc.edu/neh/gronniosaw/gronnios.html (дата обращения: 10.05.2009).

10. Douglass F. *The Heroic Slave // Autographs for Freedom /* ed. by J. Griffiths. – Boston ; Cleveland ; London, 1853. – Pp. 174-239.

11. Douglass F. *Life and Times of Frederick Douglass, Written by Himself: His Early Life as a Slave, His Escape from Bondage, and His Complete History to the Present Time.* – Boston : De Wolfe & Fiske Co., 1892. – ill, 752 p.

12. Douglass F. *My Bondage and My Freedom* / F. Douglass ; with an introd. by Dr. J. M.'C. Smith. – New York: Miller, Orton & Mulligan, 1855. – xxxi, 468 p.

13. Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself.* – Boston: Anti-Slavery Office, 1845. – яxvi, 125 p.

14. Mitchell A. *Freedom to Remember : Narrative, Slavery, and Gender in Contemporary Black Woman's Fiction.* – New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 2002. – xiv, 179 p.

15. Rushdy A.H.A. *Neo-Slave Narratives: Studies in the Social Logic of a Literary Form.* – New York : Oxford University Press, 1999. – viii, 286 p.

16. Rushdy A.H.A. *Remembering Generations: Race and Family in Contemporary African American Fiction.* – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001. – xiii, 209 p.

17. Smith V. *Neo-Slave Narratives // The Cambridge Companion to the African American Slave Narrative* / ed. by A. Fisch. – New York, 2007. – Pp. 168–185, 248–249.

Я.В. Сорокина,
МГУ имени М. В. Ломоносова, ФИЯР,
Россия

Образ Плакальщицы (La Llorona) в современной культуре чикано

Ла Йорона, Плакальщица (от исп. llorar-плакать, стенать) – один из самых ярких образов мексикано-американской культуры, называемой также культурой чикано. Образ Плакальщицы существует в разнообразных формах: это и народная легенда о Плакальщице, распространенная во всех пяти штатах Юго-Запада США и практически во всех странах Латинской Америки. Необходимо отметить исконно мексиканскую народную песню «La Llorona», перекочевавшую в культуру чикано. Начиная с XIX века зарождается яркий художественный образ Плакальщицы – Ла Йороны, воплощенный в произведениях писателей-чикано и особенно в женской мексикано-американской литературе. Различные интерпретации образа Плакальщицы встречаются в современном кинематографе, живописи и пластических искусствах.

Образ Ла Йороны является также элементом повседневной культуры чикано: юмористические передачи апеллируют к легенде о Ла Йороне, которая стала частью фонового знания, связующим звеном мексикано-американского общества. Галерея «Ла Йорона» в Чикаго, парк Ла Йороны в Лас Крусес, таблички у канав в Нью-Мексико с изображением Ла Йороны, предупреждающие детей об опасности, наклейки на машинах «Посигналь, если ты видел Ла Йорону», – все

это свидетельствует о том, что Ла Йорона становится характерным элементом повседневности, универсальным образом мексикано-американского самосознания.

Сюжет о Плакальщице стал главной темой мюзикла и оперы, поставленной в Альбукерке в 2009 году. Двукратное исполнение народной песни «Ла Йорона» в фильме «Фрида» (2002) способствовало возрастанию интереса к легенде о Плакальщице и культуре чикано в мире.

Так кто же такая Плакальщица-Ла Йорона?

Согласно легенде, Плакальщица La Llorona – это призрак женщины, убившей своих детей и обреченной вечно оплакивать их, своеобразный вариант мексикано-американской Медеи. Элементы сюжета о «Плачущей женщине» встречаются в хрониках XVI века, которые указывают на близость образа Плакальщицы образу Доньи Марины (Ла Малинче), индейской переводчицы Кортеса, а также отсылают нас к древнеиндейской мифологии, которая, по мнению францисканского монаха Бернардино де Саагуна (XVI век), объясняет происхождение некоторых черт образа Ла Йороны.

Связь Плакальщицы с древними месоамериканскими женскими божествами: Коатликуэ, Сиукоатль, Тонанцин, Чальчиутликуэ, Койольшауки, Сиуапипилтин – выявляет ее архетипические черты и отражает поливалентную природу ее образа. Осмысление мифологических черт Плакальщицы помогает раскрыть ее сущность и многообразные интерпретации образа в народной песне, литературе и современной культуре чикано. Именно эти многообразные черты Плакальщицы явились основой для зарождения бесчисленных версий легенды, постоянно изменяющейся и обогащающейся новым материалом.

«Ацтекская» и «европейская» версии происхождения легенды, бытующие в среде ученых, позволяют сделать вывод в пользу автохтонности корней легенды, которая обогащается за счет вливания в мексиканский контекст испанской культуры. Тогда и появляется «метисная» версия; на новой ступени своего развития легенда подпитывается за счет своего «обитания» в мексикано-американской среде, где дополнительным фактором развития является доминирующая англо-американская культура.

В настоящее время представляется чрезвычайно сложным сосчитать все возможные варианты легенды о Плакальщице, так как она постоянно изменяется и дополняется. В некоторых источниках начала XX века указываются 120 вариантов легенды, однако, эта цифра приблизительна. Важно выделить частотные версии легенды и круг сюжетов, в зависимости от функции, которую выполняет Плакальщица в том или ином сюжете. На основании анализа до 100 версий легенды предлагается следующая классификация разновидностей образа Плакальщицы:

1. Мать, оплакивающая своих погибших детей:
   а. Мать-убийца
   б. Мать-страдалица.
2. Плакальщица-ведьма.
3. Плакальщица как соблазнительница.
4. Плакальщица как предвестница несчастья.

Отмечено, что Плакальщица почти всегда связана с трансформацией: с переходом из мира живых в мир призраков. Она соотнесена с миром дикой природы и такими универсальными архетипическими понятиями, как «луна» и «вода». Образ Плакальщицы раскрывает дихотомию «любовь-смерть», экзистенциальные категории, которые коренятся в самом существовании человека. Таким образом, Плакальщица, с одной стороны, отражает универсальные черты мексикано-американской культуры, ее место в мировом контексте. С другой стороны, в ней сосредоточены специфические черты культуры чикано: глубокий мифологизм, «индеанизм», тесная связь с природой, вера в сверхъестественное, магию. В легенде о Плакальщице отражены народные языческие поверья (нагуализм, верование в ведьм, перевоплощения), обнаруживается связь с традиционными фольклорными сюжетами и образами (Ла Муэрте, Ла Малинче, Попутчица).

Легенда о Плакальщице выполняет важную охранительную функцию в традиционном мексикано-американском обществе – сохранения традиций предков. Эта ее роль наиболее наглядно проявляется при устной передаче предания деревенскими сказителями. Легенда также имеет значение инструмента, регулирующего поведение детей, женщины и мужчины в общине. Она задает высокие морально-этические принципы, нарушение которых обрекает человека на гибель

и изоляцию (в ряде версий Ла Йорона-ведьма забирает с собой непослушных детей, Ла Йорону-женщину, родившую вне брака, оставляет возлюбленный, невоздержанный мужчина подвергается наказанию).

Урбанизированная версия предания, городская быличка, отражает изменения, произошедшие с мексикано-американским обществом. Легенда постепенно становится частью городского фольклора, призванного отражать современные реалии городской жизни чикано.

В народной песне о Плакальщице отражаются особенности национальной ментальности и мировоззрения мексиканцев и чикано.

Некоторые куплеты указывают на мексиканский регион – Оахака, где, по мнению ряда исследователей, и зародилась песня о Плакальщице.

Ла Йорона в песне выступает в качестве собирательного образа возлюбленной, в которой можно усмотреть черты Девы Гвадалупской, старухи-Смерти – мексиканской Ла Муэрте и соблазнительницы-сирены. Прежде всего это песня о несчастной любви, которая поется от лица мужчины. Плакальщиком-страдальцем в этой песне становится как бы сам герой. Песенные тексты содержат упоминания о типичных реалиях, которые указывают на их индейские корни. Так через песенный образ Плакальщицы проявляется сложносоставность мексиканско-американской культуры.

В песенном образе Плакальщицы также угадываются черты христианского символа Мексики – Девы Гвадалупской. Лирический герой воспевает любовь к возлюбленной, «Йороне небесно-голубой лазури», которую он «принял за Святую Деву».

В песне о Плакальщице обнаруживается сходство мотивов с сюжетом легенды. Мотивы «жизни-смерти», «реки», «материнства» говорят о том, что на определенном этапе песня и легенда развивались параллельно, обогащая и подпитывая содержание друг друга новыми коннотациями. Если в легенде прослеживается связь образа Плакальщицы с образом Ла Малинче, то песня высвечивает черты Плакальщицы-Девы Гвадалупской. Таким образом, важнейшие фигуры мексикано-американской культуры сливаются воедино в образе Ла Йороны. Эти женские образы компенсируют мужскую сущ-

ность мексиканской культуры с ее ярко выраженным культом мачизма. Ярко выраженная мужская ипостась мексиканской нации обновляется женскими чертами мексикано-американской культуры, которая обращается к древним мифологическим образам, вдыхая в них новую жизнь, заново «рождаясь» из чрева архетипической матери – Ла Йороны – Пресвятой Девы – Ла Малинче.

Женский образ матери – это и символ потерянной и вновь обретенной Родины мексикано-американцев, вынужденных, воссоздавая, переосмысливать свою национальную историю, мифологию, культуру, и потому этот образ отличается трагическим величием.

Зародившийся в мифологии, получивший развитие в фольклоре, образ Плакальщицы достигает особой глубины и выразительности в художественной литературе. Литературная интерпретация образа Плакальщицы осуществлялась с опорой на народную традицию и автохтонную мифологию, однако подвергалась творческому осмыслению разными писателями.

Рудольфо Анайя, обращавшийся к образу Плакальщицы на протяжении всего своего творческого пути, значительно обогатил семантику образа, «мастерски использовав весь потенциал магического реализма, заложенного в легенде». [Gish,1996,118]. В романе «Благослови меня, Ультима» (1972) Анайя воссоздает мифологические черты образа, отражая в нем все ипостаси фольклорной Плакальщицы: матери, ведьмы, русалки и Девы Гвадалупской. Написав либретто к опере «Ла Йорона», которая была впервые поставлена в театре Альбукерке в 2009 году, писатель поднял образ Ла Йороны на небывалую высоту: трагедия Плакальщицы в творчестве Анайя достигает эпического размаха с кульминацией воплощения образа в элитарном жанре искусства – опере.

В произведениях мексикано-американских авторов литературный образ Плакальщицы сливается с образом другой знаковой фигуры – Ла Малинче. Ярче всего это слияние проявляется у того же Анайи, где легенда о «первой мексиканской матери» поднимается до национального мифа. Трагический образ Ла Малинче, имеющий в фольклоре негативную коннотацию (Малинче называют предательницей, помогавшей Кортесу завоевать свою родину), трансформируется, стано-

вясь универсальным, соотносимым с образом мифологической Праматери, давшей жизнь метисам – первым мексиканцам.

Тема Праматери, равно как и переосмысление и реабилитация образа Ла Малинче, соотнесение его с образом Плакальщицы, становится лейтмотивом современной литературы чикано, что особенно актуально в процессе самоопределения нации.

По-новому звучит тема Плакальщицы в произведениях писательниц-чиканас, творчество которых выделяется в качестве особого сегмента внутри литературы чикано. Для писательницы-чиканы Плакальщица становится источником женской силы и социального действия, и даже ангелом-хранителем. Ла Йорона воплощает в себе все чувственное, страстное, языческое, что отрицается в женщине строгой культурой мексиканских кварталов, баррио, и католицизмом. Поэтесса Наоми Киньонес, писательницы-феминистки Хелена-Мария Вирамонтес и Сандра Сиснерос в голосе Ла Йороны услышали плач многих женщин. В интерпретации этих авторов Ла Йорона – сильный, свободолюбивый характер, плач ее превращается в боевой клич, становясь символом гражданского сопротивления.

В произведениях Альмы Виллануэвы и Глории Ансалдуа раскрывается мифологический потенциал Плакальщицы, проявляя черты мифологических богинь – Коатликуэ, Чальчиутликуэ, Койольшауки. Рассказы Виллануэвы и Ансалдуа высвечивают магию, которую героини произведений получают от Ла Йороны – ацтекской богини, Ла Йороны – Матери, Ла Йороны – могущественной властительницы стихии.

Эти черты знаменуют новый этап осмысления роли образа Плакальщицы в процессе самоидентификации культуры чиканос.

Важным этапом в осмыслении образа Плакальщицы в современной мексикано-американской культуре стало его воплощение в живописи.

К образу Плакальщицы обращаются молодые мексикано-американские художники, посвящая ей серии картин (калифорнийский художник Виктор Зубельдия), монументальные фрески-муралес (Хуана Алисия Монтойя) и отдельные полотна (Альма Лопес, Лизз Лопес, Диана Брайер, Николь Камарильо). Это говорит о том, что Ла Йорона обретает видимую,

«зримую» форму, что закладывается определенная иконография образа. Питательной средой для произведений живописи становятся фольклор и мифология, изобразительные ресурсы которых с успехом использует молодое поколение художников и скульпторов чикано.

Как и в литературе, образ Ла Йороны в живописи исполнен трагизма и величия. Он достигает зримого синтеза разнообразных ипостасей Плакальщицы. Это и Ла Йорона-воительница, оскорбленная женщина, и мать, обезумевшая от горя, ищущая своих детей, и ведьма, и возлюбленная.

Трагедия матери, потерявшей своих детей, становится универсальной и преодолевает культурные границы: так, немецкий скульптор из Гюнтерсдорфа создает Ла Йорону из песка, а кулинар Раймундо Эрнандес из Техаса лепит фигурку Ла Йороны из сахара и карамели.

Наконец, со страниц испанских хроник в результате разительной эволюции Плакальщица переместилась в киберпространство. В Сети создан сайт, целиком посвященный Плакальщице: стихи и рисунки, связанные с Плакальщицей, впечатления «очевидцев», встретивших Ла Йорону на своем пути, что говорит о всесторонней культурной рецепции образа в современной жизни.

«Образ Плакальщицы в кинематографе» может явиться темой для отдельного исследования, достаточно вспомнить яркий образ Ла Йороны Лос-Анджелеса из клуба «Silencio» в культовом фильме Дэвида Линча «Малхолланд Драйв» (2001) и ее пение-плач, воскрешающее в главной героине воспоминания о своей прошлой жизни. Поистине магическое действие на слушателя оказывает песня «Ла Йорона» из фильма «Фрида», в котором трагическую судьбу Плакальщицы, по сути, разделяет мексиканская художница Фрида Кало. Эта песня в великолепном исполнении Чавелы Варгас и Лилы Даунс звучит в фильме дважды – в самые переломные моменты жизни Фриды, которой не суждено было выносить своего ребенка, не суждено было стать матерью, но которая поражает мужеством и терпением, с которыми она боролась со страшной болезнью. Так образы Фриды Кало, страдалицы и талантливой художницы, символа традиционной Мексики, и Ла Йороны сливаются воедино.

Богатейшая палитра оттенков образа Плакальщицы, который на протяжении пяти веков остается источником вдох-

новения для писателей, художников, музыкантов, поэтов в дискурсе чикано обретает особое культуростроительное значение.

Yana Sorokina
MSU, Department of Foreign Languages and Region Studies, Russia

La Llorona in Contemporary Chicano Culture

La Llorona (Spanish «llorrar» – to cry, to wail) is one of the most famous figures in Mexican-American culture. There are different representations of La Llorona in Chicano culture: a popular legend, widespread in all the states of the American Southwest and all the Spanish-speaking cultures in the both Americas, with many versions extant.

«La Llorona» is also a folk song, originated from Oaxaca, Mexico, now one of the most popular New Mexican «canciones».

In recent years, La Llorona has wandered out of the oral stories onto pages, canvasses, films, celluloid and cyberspace. La Llorona enjoys her popularity in all aspects of Chicano`s life. The murals in the barrios of Los Angeles, San Francisco and Chicago, songs, films and bumper stickers are the contemporary interpretations of the powerful folkloric figure, who articulates profound issues of Chicano concern.

Hector Armienta`s musical drama and the new opera *La Llorona*, with a libretto and original story by acclaimed novelist, Rudolfo Anaya (2009) have proven that the Crying Woman has achieved mythic status in Mexican-American community.

The legend of La Llorona is as dynamic as it is old. It has its roots in Aztec mythology and dates back to the time of the Spanish Chronicles. La Llorona is also associated with La Malinche (alternately known as Malintzin and Doña Marina), the Indian interpreter and mistress of Cortes.

Some scholars contend that she is an amalgamation of pre-Christian Aztec (Meshican) goddesses: Coatlicue, Cihuacoatl, Tonantzin, Coyolxauhqui etc. The idea of La Llorona as a life-giver (mother/creatrix) and destroyer (murderer/seductress)

indicates a strong link between the weeping woman and Coatlicue in particular. Goddess Cihuacoatl or Coatlicue was said to have appeared shortly prior to the invasion of Mexico by Hernán Cortés, weeping for her lost children, an omen of the fall of the Aztec empire. The association with Cihuacoatl who had dominion over war and birth provides a direct link to culturally specific terrain. This connection with land may in part explain the weeping woman's wandering over the landscape, because in both life and death, she is tied to it.

The mutability of La Llorona's story contributes to its survival. According to some scholars, there were about 120 variants of La Llorona legend in the beginning of the 20th century, now it is impossible to count all of them. Traditional oral narratives concerning the legendary figure often convey the basic themes of loss, grief, revenge, and punishment. Storytellers emphasize certain elements that reflect individual and cultural concerns.

Because of the dynamic nature of the lore, La Llorona's story can easily accommodate political, social, and economic concerns.

Mexican-American scholar Tey Diana Rebolledo goes so far as to argue that La Llorona is representative of Chicano culture as a whole, «whose children are lost because of their assimilation into the dominant culture or because of violence or prejudice» [Rebolledo, 1995, 77]. This interpretation provides La Llorona greater latitude in articulating culturally the struggles of her people.

La Llorona's role in literature is very dynamic. Rudolfo Anaya in *Bless Me, Ultima* develops La Llorona's traditional position, other writers have reworked the legend to imagine alternate possibilities for her. Chicana writers Ana Castillo, Denise Chávez, Sandra Cisneros, Monica Palacios, and Alma Villanueva, and poets, including Gloria Anzaldúa, Naomi Quiñonez, Cordelia Candelaria, seek to provide additional interpretations by revisioning and revising La Llorona`s story and her «tragic» fate.

Contemporary artists have created visual renderings of La Llorona. Most of them interpret La Llorona visually outside of conventional boundaries to conflate her with her indigenous antecedents, such as Coatlicue and Cihuacoatl. Moreover, they allow the weeping woman to transcend her tragedy, and they draw La Llorona into a contemporary landscape. Within the

realm of art these artists have symbolically and literally brought La Llorona into their communities and have simultaneously imbued her with new cultural meanings and potential, including uniting a community.

La Llorona has moved beyond the realm of folklore into the arena of popular culture. Her presence there is marked by bumper stickers, t-shirts, and commercial film and television appearances. In the American Southwest, one might spot a bumper sticker that reads: «Honk if you've seen La Llorona!» La Llorona has made appearances on the short-lived television series, in the commercial where she is crying not for her children, but for milk, and in films, for example, in David Lynch's film *Mulholland Drive* (2001).

Although La Llorona has not reached the commercial status of other Greater Mexican icons, such as the Virgen de Guadalupe, the weeping woman continues to wander by carrying the burdens of her culture and people, she is a medium through which people of Mexican descent can find compassion and hope. Where her children migrate, she will follow, not resting until all are brought home. Her stories demonstrate that the weeping woman remains a vital figure in Chicano culture and continues to address directly the concerns of each new generation.

Литература

1. Сорокина Я.В. Сюжет о Плакальщице в мексикано-американском устном народном творчестве // Феномен творческой личности в культуре : сб. статей III Межд. конф. / Фак-т иностр. языков и регионовед. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: 2008. – С. 125–135

2. Gish, Robert Franklin. *La Llorona, Magic Realism, and The Frontier.// Beyond Bounds: Cross-Cultural Essays on Anglo, American, Indian and Chicano Literature*, by Robert Franklin Gish. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1996.

3. Perez, Domino Renee. *There Was a Woman. La Llorona From Folklore to Popular Culture.* Austin: University of Texas Press, 2008.

4. Rebolledo, Tey Diana. *Women Singing in the Snow:a Cultural Analysis of Chicana Literature.* Tucson, AZ: University of Arizona Press, 1995.

Ф.Ф. Димитрова,
Воронежский государственный университет,
Россия

Познать культуру белых через их сады
(на материале романа Л.М Силко “Сады в дюнах”)

Лесли Мармон Силко (Leslie Marmon Silko) (1948) – известная американская писательница индейского происхождения, принадлежащая к наиболее значительным авторам из числа коренных американцев, которые вошли в литературу во времена «индейского возрождения» 1960-1970-х годов, в своем творчестве исследует сложные процессы межкультурного взаимодействия белых и коренных американцев.

Писательница стала известной после публикации романа «Ритуал» (1977), где Силко определяет место американского индейца в современном обществе США, привлекая внимание общественности к противоречивым отношениям между белым и коренным населением Америки, показывая мир индейца, помогая понять его отношение к себе и миру. В «Ритуале» показано, что само-осознание людей индейских племен выражается только через связь с их естественной средой обитания, через стремление к гармоничному сосуществованию внутри единой системы жизни. Немалую роль играют и сакральные знания – легенды – жизнеобразующие элементы, отображающие быт, образ мысли, идеалы людей.

Через все творчество писательницы проходит тема межкультурного диалога между белыми и коренными американцами. Тема преодоления межрасовой враждебности хорошо знакома Л.М. Силко, человеку «смешанного происхождения» (в ее жилах течет кровь индейцев, принадлежащих к племени лагуна пуэбло, а также мексиканцев и англо-американцев). В силу своего собственного происхождения, двойственного положения по отношению к двум противоположным мирам – миру индейской резервации и миру белых, Силко волнуют последствия соприкосновения этих полярных миров, причины разрушительного воздействия на индейцев Америки.

Силко задается вопросом возможности подлинного диалога между белыми и коренными американцами для достижения гармонии культур. В романе «Сады в дюнах» (2000) она пытается взглянуть на мир белых глазами юной индеанки, которая познает их культуру через их сады, путешествуя с белой семейной парой из Америки в Европу. Так же, как и в «Ритуале», в романе «Сады в дюнах» Силко продолжает показывать читателю специфику индейского менталитета, решать вопросы этнического самоопределения индейцев, которое происходит через сопоставления данного этноса с другими народами.

В романе «Сады в дюнах» еще в большей степени, чем в «Ритуале» сдвинуты акценты в сторону взаимоотношений человека и природы, помогающих выявить различия культур белых и коренных жителей США. Как уже упоминалось выше, тема взаимодействия разных культур и взаимоотношений человека и природы – центральные темы всего творчества Силко. В центре романа «Сады в дюнах» – две сестры из индейского племени Песчаных Ящериц (Sand Lizard) – Индиго и Солт, которые живут в песчаных дюнах в одном из каньонов реки Колорадо. Сестры насильно разлучены обстоятельствами жизни, и младшая, Индиго, попадая в семью белых переселенцев Палмеров, начинает свое знакомство с миром белых, когда они берут ее с собой в длительное путешествие. Силко показывает этот мир глазами «дикой» индейской девочки, позволяя читателю самому судить о перспективах культурного диалога между двумя полярными культурами. Любой диалог возможен лишь при обоюдном желании идти навстречу, принимать и познавать противоположную сторону. В романе происходит взаимодействие юной индеанки с белыми представителями (это супружеская чета белых переселенцев Хэтти и Эдвард, владелица английских садов тетушка Бронуин, итальянская профессоресса Лаура, Сьюзан, сестра Эдварда). Каковы плоды этого контакта? Кто на самом деле открыт диалогу? Возможен ли он?

Юная дикарка, едва научившись говорить по-английски, привыкшая спать на полу и разговаривать на равных с животными, птицами и растениями, начинает познавать культуру белых доступным ей способом – через их сады, узнавая ее в разных национальных вариантах. Сады открыва-

ют Индиго не только культуру данного народа и общества, но одновременно выявляют и сущность их хозяев. Уместно будет вспомнить слова Д.С. Лихачева, который говорил, что «сад всегда выражает некоторую философию, эстетические представления о мире, отношение человека к природе; это микромир в его идеальном выражении» [Лихачев, 1991, 8] и слова самой Силко из ее интервью: «Сад важен в раннем христианстве, в Библии, сады очень важны в Коране. Во всех трех великих религиях – иудаизме, мусульманстве, христианстве – связанная с садом образность играет важную роль» [Arnold, 2000,170].

Сначала Индиго видит сады Риверсайда, затем сад Сьюзан Джеймс в Нью-Йорке, уже в Европе она знакомится с садом тетушки Бронуин в Англии и садом профессоресcы Лауры в Италии. Сады, таким образом, становятся местом встречи разных культур – индейской и белых американцев, индейской и английской, индейской и итальянской [Попова, 2005, 110]. Сама Индиго росла в садах в дюнах, которые символизируют культуру жителей племени Песчаных Ящериц, которому она принадлежит, и являются священным для них местом. Согласно анимистическому взгляду на мир, в духе которого была воспитана Индиго, основанному на одушевлении окружающего мира, девочка и ее соплеменники относятся к растениям своих садов как к членам семьи, приветствуя их, разговаривая с ними, называя их ласковыми прозвищами. Все эти впитанные с детства представления Индиго переносит на сады и растения, которые она посещает во время своего путешествия с четой Палмеров по восточному побережью Америки и Европе. Индейская девочка восхищается невиданными садами и мечтает собрать семена растений, чтобы украсить ими свой собственный сад в дюнах каньона реки Колорадо, о котором они будут заботиться вместе с сестрой Солт.

Сады Риверсайда впервые открывают Индиго культуру садоводства белых, которые, в отличие от ее соплеменников, не выращивают растения для того, чтобы их есть. Их хозяева (которые являлись ботаниками) используют сад как некую лабораторию по выращиванию гибридов, редких сортов цитрусовых, но не озабочены использованием этих сортов в промышленных целях. Хотя изначально планировка сада имела эстетическое направление, хозяева не уделяют

должного внимания красоте самого сада. Индиго поражается искусственной красоте садов Риверсайда, что в еще большей мере проявляется в увиденных ею садах Сьюзен Джеймс в Нью-Йорке, которая специально для ежегодного маскарада возделывает сад, где преобладают растения с голубыми колерами, для того, чтобы придать маскараду изысканность и поразить гостей. Сама Сьюзен для достижения ее светских амбиций готова безжалостно корчевать деревья и кустарники, которые не отвечают ее вкусовым пристрастиям (что не укладывается в голове Индиго, которая относится к деревьям как к живым существам), заменять «итальянский» парк «английским», делая его данью моде, своими действиями осуществляя насилие над природой.

Сад в окрестностях Бата в Англии, принадлежащий тетушке Бронуин, имевшей репутацию чудачки, отражает английскую историю. Тетушка, разделявшая кельтские верования, имеет особое пристрастие к камням, деревьям, феям и духам. Она верит в то, что камни наделены магической силой, могут «танцевать и переходить с места на место», а растения наделены душой и являются приютом для душ умерших людей. С тетушкой Бронуин Индиго легко приходит к взаимопониманию, так как свойственное хозяйке английских садов одушевление природы созвучно представлениям Индиго и легко находит отклик в ее душе. Интересы хозяйки данного сада близки Индиго еще и потому, что тетушка увлекается и выращиванием съедобных растений в саду – возделывает помидоры, картофель, тыкву, кабачки, бобы и перцы. Таким образом, сад Тетушки становится еще и «мультикультурным», так как перечисленные овощи были привезены в Англию их разных уголков света, а сама Бронуин оказалась способной воспринять элементы не только кельтской, но и других культур.

Наконец, последний сад, который видит Индиго – сад профессорессы Лауры в Италии – еще в большей степени, чем сад Бронуин, поражает воображение Индиго культурной многослойностью. Маленькая дикарка видит плантацию гладиолусов черного цвета, розы старинного сорта, а вместе с ними античные скульптуры, изображающие мифологические существа. Сад Лауры пронизывает близкое Индиго ощущение родства всех живых существ на земле. Живой отклик в душе

Индиго, тотем племени которой символически представлен большой змеей, находит рассказ Лауры о том, что и в глухих деревнях Адриатики существовал культ змеи, свидетельством чему служит стоящая в саду Лауры скульптура существа с головой змеи, прижимающей к груди змею-младенца.

Индейская девочка настолько очарована растениями увиденных ею садов, что начинает заучивать их названия, а так же собирать их семена, чтобы взрастить их в своих собственных садах в дюнах. Этим она выражает свою открытость миру, готовность идти на контакт с другими культурами, не бояться этого контакта, хотя в романе показано, что существует множество барьеров в межкультурном общении Индиго и белых. Это и бытовые привычки, и манера одеваться, и язык, и менталитет, и, конечно, предубеждения со стороны белых. Муж Хэтти, Эдвард, например, считает глупым желание Лауры одарить девочку семенами, потому что, на его взгляд, девочка, привыкшая спать на полу и разговаривать с попугаем, не сможет их взрастить подобающим образом.

Красота садов пробуждает в девочке искреннее восхищение, которое она выражает через танец, «кружась и танцуя между белыми лилиями и белыми ирисами, вокруг белой сирени у калитки» [Silko, 2000, 82]. Белые представители, даже Тетушка Бронуин и Лаура, понимающие глубокое родство человека и природы, не способны на подобные проявления. Они любуются природой, но не живут в ней так, как это делает Индиго и ее соплеменники. Техногенная цивилизация оторвала белого человека от природы, проложила между ними невидимый барьер.

Степень готовности представителей культур, с которыми знакомится Индиго, идти навстречу индейской девочке зависит от того, как они сами воспринимают природу и насколько чувствуют себя ее частью. Белым американцам не приходит в голову, что им есть чему поучиться у коренного населения. В то же время индейская девочка оказывается способной не только научиться говорить по-английски, но и усвоить культурный и практический опыт из своего путешествия в «мир белых». Сама Силко, писательница XX века, опираясь на исторический опыт своего народа, заявляет, что культура белых еще не готова к подлинному диалогу с коренными американцами.

Firdes Dimitrova,
Voronezh State University,
Russia

Perception of the Culture of White People through their Gardens
(Leslie Silko's *Gardens in the Dunes*)

Leslie Marmon Silko (1948) – one of the most famous Native American authoresses – inquires into a difficult question of multicultural interaction between white and Native Americans. Silko is questioning the potential of a true dialogue between them for achieving cultural harmony and concord.

Silko became popular after publishing her novel *Ceremony* (1977) where she wanted to define the place of a Native American in the modern American society. In *Ceremony* Silko says that a modern Native American identifies himself only in correlation with Nature and thus he tends to live in concord with it. Also she points out the role of rituals, ceremonies and storytelling in the life of indigenous people of America.

Silko's works are mainly dedicated to the cross-cultural dialogue between Native and white Americans. As a person of mixed heritage, she not only understands the problem of racial hatred but also tries to solve the problem of misunderstanding between two polar words – reservation and white people world. She is concerned about influence of white domination in Indian reservation.

Silko is questioning the possibility of having a dialogue between cultures for the sake of achieving harmony between them.

In her novel *Gardens in the Dunes* (2000) Silko tries to understand the white world looking at it with the eyes of a young Indian girl who is studying the white culture through the gardens she visits travelling in Europe with a white couple from America.

Also in this novel Silko shows the specific mentality of American Indians and their ethnic self-determination that is revealed through comparison to other cultures. Like in *Ceremony* in this novel Silko focuses on relations of humans and nature

that helps her to understand culture differences between the Whites and Indians.

There are two main themes in Silko's work – interaction between cultures and interaction between humans and nature. As it is shown in *Gardens in the Dunes* any cultural dialogue is possible only if bothsides are ready for the contact and mutual respect. In the novel the young Indian girl interacts with white people – Hattie and Edward Palmer, aunt Bronwyn, professoressa Laura, Edward's sister Susan. But who is really open for the cross-cultural dialogue?

At first the young Indian girl sees Riverside gardens, then she visits Susan's gardens in New York. In Europe Indigo visits aunt Bronwyn's garden in England and Laura's garden in Italy. Apparently, gardens become a meeting point of different cultures – Indian and white Americans, Indian and English, Indian and Italian. Also gardens reveal the identity of their owners.

The girl was raised in animistic spirit and gardens in the dunes were considered a sacred place for the Sand Lizard people she belongs to. In her world people treated animals and plants like humans greeting them and taking great care of them. Sand Lizard people grew plants not for beauty but for food. But Indigo sees the cardinally different world when she appears to be in white people's gardens.

It seems that Susan's gardens in New York were created to please her own ambitions and she is ready to cut down trees and easily destroy existing gardens to make new ones just to follow fashion trends. It strikes Indigo tremendously as she can't imagine such attitude to nature.

English gardens of aunt Bronwyn who is considered an eccentric seem interesting to Indigo as Bronwyn shares her views about animistic world. Aunt Bronwyn respects Celtic cults, believes in fairies and spirits and «dancing stones». Indian girl and Bronwyn find the common language easily because of similar beliefs and also because in her gardens aunt Bronwyn grows vegetables for food. Bronwyn's gardens become «multicultural» as it has vegetables brought from different parts of the world and at the same time reflects Celtic traditions. It also shows that aunt Bronwyn is able to apprehend not only her own cultures but other cultures too.

Italian gardens of Laura impress Indigo even more. Here she sees not only the mix of cultures but she feels that these gardens reflect the spirit of unity of all living creatures. Indigo sees ancient sculptures of mythical heroes, black gladioluses and rare kinds of roses. Laura tells Indigo about the cult of a snake long time ago people had in the Adriatics and it reminds her about the totem of her own tribe symbolically presented by a big snake.

During her trip Indigo becomes fascinated by plants she sees in white people's gardens. She starts collecting seeds and learning their names. She intends to grow the same plants in her own gardens in the dunes. A little Indian girl is ready for the contact with white people although there are lots of obstacles in cross-cultural communication preventing it. Not all white people Indigo meets in her way are ready to treat her equally. Some of them think her habits and manners foolish and refuse to take her seriously or laugh at her.

Silko shows how the girl perceives the beauty of the nature and how happily she can live among plants and animals. There's no barrier between her and the nature.. This feeling is forgotten by white people.

Silko argues that white people are not ready for the contact with Native Americans because they have different perception of the nature and are not able to value the world they live in. According to Silko there are lots of things white people should learn from Indians that are very important for their survival. At the same time the author shows us a "wild" little Indian girl who is able not only to learn English but perceive cultural experience of the whites.

Литература

1. Лихачев Д.С. Поэзия садов / Д.С. Лихачев. – Спб., 1991

2. Попова М.К. Юная индеанка в мире белых : проблемы межкультурной Коммуникации в романе «Сады в дюнах» / М.К. Попова // Культура общения и ее формирование. Вып.15. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 45-50

3. Попова М.К. Сад как символ межкультурной коммуникации в романе Л.М. Силко «Сады в дюнах» / М.К. Попова // Вестник Воро-

неж. гос. ун-та. Серия «Гуманит. Науки». – Воронеж: ВГУ, № 2, 2005. С.107-125

4. Arnold E. L., ed. *Conversations with Leslie Marmon Silko.* – Jackson : Univ. of Mississippi Press, 2000. – 206 p.

5. Silko L. *Gardens in the Dunes* . – N.Y.: L: Scribner, 2000. – 262 c.

6. Stein R. S*hifting the Ground: American Women Writer's Revision of Nature, Gender, and Race* . – Charlottesville and L.: University Press of Virginia, 1997.

М.В. Переверзева,
Московская государственная консерватория
им. П. И. Чайковского,
Россия

Мультикультурализм в американской музыке XX века

На протяжении нескольких столетий музыкальная культура США была тесно связана с европейским художественным наследием и искала собственные пути. В XVIII веке американская музыка продолжила традиции английской церковной и светской музыки, в XIX – классицизма, романтизма и импрессионизма. Последующие же этапы развития национальной музыкальной культуры были связаны с рождением самобытных форм и жанров, основанных именно на *синтезе разных национальных традиций.* Взаимодействие различных типов мышления было характерно как для народной музыки США, развивавшейся в условиях тесного контакта между разными этническими группами, так и композиторского творчества. Именно *мультикультурализм* стал *главным признаком* американской музыки, а для многих деятелей служил *важнейшим ориентиром* на пути развития национальной композиторской школы.

В XX веке одной из ведущих тенденций в развитии американского композиторского творчества становится «самостоятельность исканий не столько отталкивающихся от европейских образцов, сколько продиктованных реальным слуховым опытом собственно-американской музыкальной среды» [Конен, 1977, 332]. Композиторы стремились выделить в своей

музыке самое характерное для культуры США того времени и широко использовали элементы негритянского фольклора, мелодии пуританского хорала, ковбойских песен, баллад и песен Гражданской войны. Так, **Р. Харрис** в «Народно-песенной» симфонии (1942) представил широкую панораму музыки США: здесь звучат мелодии ковбойских песен и баллад, наигрыши фиддлеров, трудовые и религиозные песни негритянских общин. Композитор подбирал мелодии по принципу интонационного родства и в их развитии стремился к интонационному сближению.

Разнообразные художественные традиции наследовал **Ч. Айвз**, самый старший представитель «Американской пятерки» – группы композиторов-модернистов, стремившихся наделить свою музыку неповторимыми национальными чертами. Айвз был хорошо знаком с духовной и бытовой музыкой США (ковбойские и патриотические песни, наигрыши фиддлеров, регтаймы, танцы и марши для духовых бэндов и т. д.). Во Второй симфонии (1909) наряду с традициями европейской музыки он претворил черты американской (протестантский гимн, популярные песни Фостера и времен Гражданской войны, наигрыши фиддлеров). «Айвз первым из композиторов сумел показать, что не столько *чистота* традиций, сколько их порой причудливое *соединение*, сплав и синтез характерны для профиля искусства Соединенных Штатов. Он смог возвыситься над *будничностью звуковой атмосферы* Америки […] и ощутить в ее разноголосице высшее духовное единство» [Ивашкин, 1991, 85].

Наиболее ярко мультикультурализм американской музыки проявился во второй половине XX века в творчестве **Дж. Кейджа**. Его увлекала идея единства всего окружающего и гармоничного сосуществования разных народов. По мнению композитора, музыка способна воссоздать целостность мира, что подразумевает его плюралистичность, интернационализм, поликонфессиональность, мультикультурализм, и объединить людей с разными мнениями, вкусами, характерами, духовными устремлениями. Эта идея ярко воплотилась в сочинении «Многоквартирный дом 1776» (1976), где одновременно звучали народные американские песни, патриотические гимны, военные марши и религиозные напевы разных конфессий. Произведение было посвящено

200-летию независимости США, поэтому Кейдж использовал музыку конца XVIII века, которую можно было услышать в домах и на городских улицах многонациональной страны. В перформансе участвуют инструменталисты и 4 солиста – протестант, индеец, сефард и афроамериканец, исполняющие духовные мелодии одновременно на разных языках и в разных певческих стилях. Национальная музыка четырех сторон света представлена как некое целое.

Глубокий интерес к разным художественно-эстетическим концепциям и восточным музыкальным культурам определил творческий путь **Г. Парча**. По образцу античных, восточных и африканских музыкальных инструментов он мастерил новые из различных материалов. Одной из творческих идей Парча была «трансэтничность», подразумевающая стирание культурных различий между странами. Многие произведения Парча связаны с мифологией разных народов. Так, сюжет мультимедиа «Ослепленные яростью» (1964) основан на японской драме и эфиопской притче из сборника африканских сказок. Кроме собственно японских (театр Но и Кабуки) и африканских (магические обряды, заклинания и ритуальные действа) Парч здесь также претворяет традиции античной трагедии (символические образы древнегреческой мифологии). В исполнении участвуют инструменты разных континентов.

После Айвза и Кейджа идею мультикультурализма развивали другие композиторы, в частности – **Дж. Крам**. Он был ярким представителем «новой эклектики», возникшей в 1970-е годы в ряду других философско-эстетических концепций и художественно-стилевых тенденций «постмодернизма». Он обращался как к национальным, так и европейским музыкальным стилям, находя смысловые связи между музыкой прошлого и настоящего Европы и Америки. Композитор был знаком с философскими учениями древних народов, афроамериканской музыкой, песенным фольклором США, ритуалами американских индейцев и латиноамериканской культурой. Крам использовал инструменты разных народов: мараки, китайские тарелочки, банджо, ситар, мандолину, варган и другие, в том числе изобретенные. В театрализованном действе «Черные ангелы» встречаются собственно цитаты и аллюзии на музыку Баха, Бетховена, Шуберта, Мусоргского, Шопена, Малера, Р. Штрауса, Берга.

Европейская позднеромантическая, американская минималистская, современная джаз-, рок- и поп-, а также латиноамериканская музыка оставила след в сочинениях **Дж. Адамса**. «Американизм» его стиля как раз и определяется слиянием разных традиций. В рождественской оратории «El Niño» (2000) используются библейские тексты (фрагменты Евангелий от Матфея и от Луки, книг Исайи и Аггея, апокрифы Нового завета, тексты средневековой мистерии, рождественской проповеди Мартина Лютера) на английском и стихи на испанском языке (духовные и светские стихи латиноамериканских поэтов XVII и XX веков). Звучание гитары, тембр которой и символизирует латиноамериканскую музыку, и напоминает лютню или теорбу, сменяется номерами в духе мадригала или органума, инструментальными наигрышами в барочном стиле или роскошными красками современного оркестра.

В силу исторических и политических обстоятельств Америка стала нацией наций, страной, соединившей множество разных культур и тесно взаимодействующей с международным сообществом. Искусство США смело вступало в диалог с художественными традицями Европы, Азии и Африки, которые, продолжая развиваться вместе, образовали качественно новое целое. На протяжении двух столетий в США происходила и продолжает происходить интернационализация искусства. Но именно в музыке наиболее ярко и экспериментально проявилась открытость миру, свойственная культуре США в целом, и именно музыка помогла американцам ощутить духовное единство.

Marina Pereverzeva
Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory,
Russia

Multiculturalism in American Music of the 20th Century

Musical culture of the USA was closely connected with European artistic heritage during a few centuries and seeking for ways of its development. American music carried on the

traditions of the English church, folk and society genre music in the 18th and the Austrian Classicism, German Romanticism and French Impressionism in the 19th century. But subsequent periods of the national musical culture development were associated with appearance of the original forms and distinctive genres based just on the *synthesis of different international traditions.* In the 19th century such were the minstrel show, spiritual, blues, ragtime, in the 20th – jazz, gospel, country and musical, which became a «business card» of the USA.

The first national musical-theatrical form of the USA – *minstrel show* was an entertaining performance, in which white actors were recreating the black culture features by means of mimicry, gestures, pattern, songs, dance and speech. *Spiritual* synthesized musical traditions of the Black folk songs and Protestant chorale. *Jazz* also united several kinds of the musical art and originated in the issue of the long interaction between different genres of the Afro-American and European music, including ragtime, blues, brass band music, popular songs and dances from minstrel shows, spiritual and skiffle.

One of the main features of the traditional music development in the USA is «the mixing and blending of various folk-strains to produce new forms» [Lomax, 1975, XVI]. Thus, *country* style was formed in a synthesis process of the South-East States folk music, based on the Scottish-Irish ballade, and South-West region cowboy song, which also combined British traditions with other kinds of the folk, including Mexican and Afro-American music. Close interaction of various sources was typical both for the USA folk music and for composers' creativity. *Multiculturalism became a main feature* of American music and served as *important guideline* for the national composers' school for many artists.

One of the leading tendencies in American music of the 20th century was «independence of the searching rather connected with real acoustical experience of the own-American musical environment than departed from European models» [Konen, 1977, 332]. This explains an increase of the composers' and folklorists' interest to traditional music of the USA various nations, and also appealing to British, Afro-American, Amerindian and other folklore and bringing it into the professional musical genres. USA composers assimilated

the world art experience actively entering into dialogue with the musical culture of the other continents hence certain «eclectics», «polystylistics», «stylistic pluralism» which are characteristic for American culture in whole.

A national musical style – the «Americanism» was forming: in 1920-1940th years it was a main creative idea of the USA composers which strove to assimilate the spiritual experience of their people and assign in their music the most characteristic for American culture of that time. **R. Harris** widely used elements of the Black music, melodies of the Puritan chorale, cowboy ballades and Civil war songs in his symphonies. In *Folksong Symphony* (1942) he presented a panorama of the USA musical folklore: melodies of cowboy songs and ballades, fiddlers' tunes, work and religious songs of Blacks. Composer chose the melodies according to intonation relationship and tended to intonation convergence.

Many composers considered jazz a main element of true American musical style, so W. Grant Still, S. Joplin, G. Gershwin, A. Copland, C. Nancarrow, A. Davis, artists of «third-stream» and the others chose «jazz way».

Ch. Ives, the oldest member of «American Fifth» – group of the composers, trying to endow their art with unique national traits – developed various musical traditions. Ives was acquainted with spiritual and genre music of the USA (cowboy and patriotic songs, fiddlers' tunes, ragtime, dances and marches for brass bands). In his *Second Symphony* (1909) along with European music traditions there are realized the features of American (Protestant hymns, Foster's and Civil War popular songs, fiddle melodies), that added a polystylistic contrast to this work. It is characteristic of Ives' *Sonata* «*Concord, Massachusetts, 1840–1860*» (1915). A sound texture of this piece consists of many citations: from works by Beethoven, Brahms, Foster, Mason, Chopin, Skriabin, Debussy in I part whereas ragtime rhythms and Puritan hymns melodies sound in II part. Thus «Ives became the first composer who was able to show that rather fanciful combination, composition and synthesis of the traditions than its purity are characteristic for the United States art. He was able to rise over ordinariness of the acoustical atmosphere of America [...] and feel a highest spiritual unity in its different voices» [Ivashkin, 1991, 85].

H. Cowell – Celtic mythology, British and American folklore, Oriental rituals, ceremonies and art connoisseur – was one of the most «pantophagous» (in the musical traditions sense) composers. He used melodies of the various nations, developed Chinese, Japanese, Indian, Indonesian, Middle East musical traditions in his works, but was also interested in American Puritan hymn.

American musical multiculturalism was especially vividly expressed in the second half of the 20th century in the music of **J. Cage**. There are no differences between Eastern and Western art for him because he was carried away by idea of unity of the all surroundings and harmonic coexistence of people. To composer's thinking, a music is capable to recreate a world integrity, that implies its pluralism, internationalism, multyculturalism, and unite people having different opinions, tastes, characters, spiritual aspirations, because life is parallelism of various cultures, religions, nations, images, thoughts. This idea is realized in an *Apartment House 1776* (1976), where the folk American songs, patriotic hymns, military marches and religious tunes of the various confessions sounded simultaneously. The work was dedicated to the 200th anniversary of Independence Day, so Cage used music surrounding an American two centuries ago, which anyone could hear in the homes and at urban streets. In performance there are instrumentalists and 4 soloist – Protestant, Native American, Sephardi and Afro-American, which sing spiritual melodies at the same time in different languages and vocal styles. International music of all parts of the world is presented as a whole.

Many adepts of experimental music shared the multicultural ardors of Cage. **L. Harrison** was interested in culture of the Amerindians, China, and Indonesia, wrote music in Oriental style for percussion ensembles with traditional European and also various exotic instruments and objects, and in 1970s created piece for Indonesian gamelan. One of the main composer's ideas was a unity of West and East, which he tried to achieve in art. A reader telling Navaho folktales is accompanied by gamelan sounds in the *Fourth Symphony* final (1995). Author gave Esperanto names to some his works.

H. Partch's creative development was specified by deep interest to the various artistic-aesthetic conceptions and

Oriental musical cultures. He made new instruments from the different materials per sample ancient, Eastern and African ones. Partch's system of artistic views and ideas was formed under the influence of the Indian, Japanese, Chinese, Jewish and European musical traditions. Therefore one of the main composer's principles was «*transethnicity*» that means obliterating cultural differences between nations. Both Congolese ritual ceremonies and the American music hall exerted influence on the composer's thinking. Many his works were associated with mythology of different nations. At the same time composer tried to emphasize unique identity of American music: he recorded the USA folklore during his expeditions in Middle West and then used in his musical pieces. Among composer's works there are fantasy on the theme of the popular American song *Yankee Doodle* (1944), dance action *The Bewitched* (1956) – 10 scenes from American life of 1950th, multimedia *Delusion of the Fury* (1966) in which he used two non-European myths: a Japanese tale of a pilgrim doing penance for a killing, and an African story of a quarrel judged by a deaf and near-sighted judge. In *Delusion* besides Japanese (theatre Noh and Kabuki) and African (magical rites, invocations and ritual ceremonies) traditions Partch also implements antique tragedy ones (symbolic images of ancient Greek mythology). In ensemble there are intercontinental instruments.

After Ives and Cage the other artists realized multiculturalism idea particularly **G. Crumb** – composers of the «new eclecticism», formed in 1970s in postmodernist vein. Composer was acquainted with philosophical doctrines of the ancient nations, Afro-American music, USA folksongs, Amerindian rituals and Latin-American culture. Crumb used maracas, Chinese cymbals, banjo, sitar, mandolin, Jewish harp and other exotic instruments. In the work *Black Angels* (1970) there are proper citation and allusion to the music of Bach, Beethoven, Schubert, Mussorgsky, Chopin, Mahler, R. Strauss, and Berg. Multiculturalism idea is also realized in suite *Night of the Four Moons* (1969) for voice and chamber ensemble written during the period of *Apollo-11* Moon mission (June 16–24 1969). An ensemble includes international percussions – Tibetan praying rocks, African mbira, Chinese castle gongs, Japanese wood blocks, tambourine, bongo, castanets and so on. A text

includes the fragments from Spanish poems by F. G. Lorka. Crumb studied Appalachian folklore, spirituals, Civic War and Amerindian songs, and all of these traditions were reflected in the cycle *Appalachian Songs of Sorrow and Melancholy* (2004).

European late Romantic, American minimal, jazz, rock and pop and also Latin-American music left a trace in **J. Adams**' works. «Americanism» of his style is marked by combination of various traditions. A story of 7 young Americans of the different nations who survived damaging earthquake in Los-Angeles in 1994 underlies plot of «piece with songs» *I was Looking at the Ceiling and Then I Saw the Sky* (1995). Composer wrote 25 songs in gospel, ballade, rap and funky styles with rock-ensemble accompaniment. In Christmas oratorio *El Niño* (2000) used English biblical texts and Spanish spiritual and secular poetry were used. Guitar sound both symbolizing Latin-American music and resembling old lute gives place to numbers in madrigal or organum style, instrumental tunes in baroque style or luxurious timbre colors of modern orchestra. Action itself is performed in front of the movie in which Christmas story gets an up-to-date interpretation: young Latin-American couple and their child living in California symbolize Mary, Joseph and the child Jesus, and homeless hobos wandering in wilderness between aerodrome and coast are the Magi.

America became a nation of the nations, the country which connected many cultures and closely co-operated with the international community under historical and political circumstances. Art of the USA boldly entered a dialogue with artistic traditions of Europe, Asia and Africa and these traditions, continuing to develop together, formed significantly new whole.

Литература

1. Ивашкин А. Чарльз Айвз и музыка XX века. М.:1991.

2. Конен В. Пути американской музыки. М.: 1977.

3. Музыкальная культура США XX века: Учебное пособие / отв. ред. М.В. Переверзева. М.: 2007.

4. Chase G. *America's Music: From the Pilgrims to the Present*. Urbana, 1987.

5. Gann K. *American Music in the Twentieth Century.* New York, 1998.

6. Hamm C. *Music in the New World.* New York; London; Toronto, 1983.

7. Hitchcock H. W. *Music in the United States.* Englewood, 2000.

8. Lomax A. *The Folk Songs of North America.* New York, 1975.

Секция 5
Гендерная составляющая культурного плюрализма

Section 5
Gender Studies

Л.Г. Михайлова,
МГУ, факультет журналистики,
Россия

Телесериал «Доктор Куин, женщина-врач» (Dr. Quinn, Medicine Woman,1993-1998): изменение гендерных ролей в США последней четверти XIX века

Автор идеи телесериала о первой женщине-враче в США Бет Салливан задумывала не очередной вестерн с бандитами, кровожадными индейцами и благородным шерифом, а фильм, который должен был нарисовать картину жизни среднего городка на Западе – Колорадо Спрингс 1860-80-х годов, после войны Севера и Юга. Мы знакомимся с узким кругом граждан-основателей (в параллель отцам-основателям США) и видим, как этот городок и эти люди постепенно втягиваются в масштабное движение страны, вместе с героями переживаем за тех, кого прогресс подмял под себя, радуемся зарождению новых отношений между героями и внимательно всматриваемся в перемены в жизни Америки.

К числу наиболее существенных перемен относится изменения гендерных ролей, выпукло выделенное феминисткой Бет Салливан и тонко, без нажима, сыгранное всеми актёрами. Именно это явление последней четверти XIX века, когда женщины уже перестали только сопровождать мужчин в качестве матерей семейств, прачек, кухарок и проституток, а начали играть более самостоятельную роль специалистов в различных областях жизни, постепенно привело к тому изменению гендерных ролей в американском обществе, которое мы наблюдаем сейчас.

Ансамбль Джейн Сеймур (доктор Майк Куин) и Джо Ландо (Байрон Салли, свободолюбивый «горец», побратим индейцев-шайенов), рисующий одну из наиболее романтичных историй любви в современном американском кино, делает это в нарушение всех принятых стереотипов «женского» и «мужского» поведения. Взаимоуважение, честность в отношениях – главное связующее звено между ними. Стереоти-

пы мешают даже им – недаром при строительстве дома для будущей семьи одна из самых серьёзных размолвок с Салли связана с тем, что доктор Куин заказывает приглянувшуюся ей в Чикагском каталоге дверь с витражом за собственные деньги. Но именно открытость и уважение к людям самого различного происхождения и цвета кожи позволяют преодолеть и гендерные стереотипы.

Доктор Куин не желает признавать, что женщины уступают мужчинам, побеждая в скачках под видом «кузена», выполняя свой врачебный долг в одной серии за другой, но это проявляется и в повседневной жизни, когда она становится членом городского совета, когда её выбирают мировым судьёй, когда она спасает чернокожего кузнеца из куклуксклановской петли. Она вместе с мужем воспитывает троих приёмных детей и свою дочь, роды которой пришлось принимать Байрону.

Именно эта линия строительства новых взаимоотношений выделялась Салливан как самая существенная. Поэтому когда в первом фильме, снятом по завершении телесериала, акцент был перенесён на «остросюжетные» погони за похитителями дочери, возмущению автора идеи сериала не было границ. В этом её поддержали и поклонники сериала, которые намного благосклоннее приняли второй фильм – «Доктор Куин: от сердца к сердцу» (*Dr. Quinn: The Heart Within*, 2001): Бет Салливан добилась полного контроля над съёмками, и по сюжету семья доктора Майк и Байрона Салли возвращается в Бостон, где их приемная дочь Колин заканчивает медицинский факультет Гарварда, идя дальше по пути, начатом доктором Куин.

К числу наиболее важных понятий, акцентирующихся в сериале, относится толерантность и уважение к людям, – неотъемлемые свойства для верного гендерного баланса и база для преодоления стереотипов, мешающих человеческому развитию.

Larisa Mikhaylova,
MSU Journalism Department,
Russia

TV Series *Dr. Quinn, Medicine Woman* (1993-1998): Reflecting Change in Gender Roles in the Last Quarter of the 19th Century

A feminist director Beth Sullivan chose a story of a first female doctor establishing practice in Colorado Springs after the Civil War as a vehicle to address issues of gender and race. Many such issues relevant for communities even now, some of which were quite controversial, were raised in the style of high concept storytelling: attitude to various groups of immigrants in respect to the length of their stay, establishing a gazette, homophobia, mastectomy – it is hard to enumerate all of them. Gradual gaining trust and respect from the citizens of Colorado Springs makes Michaela Quinn (Jane Seymour) a most worthy member of the city council long before women gained the right to vote. Her unwavering respect to people of all walks of life and of all races is put to practice in bringing up three children Dr. Quinn adopts after their mother dies. Combination of professional efficiency, empathy, wide knowledge, courage and romantic love for a «mountain man» Byron Sully (Joe Lando) with whom she builds her life without pretence and lies made Michaela into one of the most accomplished role models for a gender-balanced society.

The large supporting cast were given the opportunity to develop their own characters and were often permitted to contribute ideas to the writers, thus creating a picture of transformation and hope.

Источники

1. Официальный веб-сайт любителей сериала http://www.drquinnmd.com/ (обращение 1 сентября 2011)

2. Sullivan Beth. *Invitation*. http://www.thedqtimes.com/pages/castpages/castalumni_beths.htm (обращение 1 сентября 2011)

Т.Е. Комаровская,
Белорусский государственный
педагогический университет,
Минск, Белоруссия

Пределы добра и пределы зла: две книги Джейн Гамильтон

Джейн Гамильтон в настоящее время является, пожалуй, самой выдающейся наследницей пуританской традиции в американской литературе, наследницей Готорна, Генри Джеймса с ее пристальным интересом к тайнам человеческой души и глубинным анализом нравственной проблематики. Что есть Добро и Зло, как закрадывается Зло в душу человека – вот основные вопросы, которые она разрабатывает в своей первой книге *«The Book of Ruth»* («Книга Руфи», 1988). Если первая книга посвящена исследованию пределов зла и его последствий, то вторая, «Когда Маделайн была молода», пределов добра и его распространению на жизни и души людей. Третья книга, «Карта мира», – более изощренному исследованию проблемы вины, прощения, искупления. Все три книги направлены на преодоление одиночества, свойственного человеческой природе, но вредного для нее – основной тезис писательницы. Первая и третья книги могут быть отнесены к феминистской литературе, но разрабатываемая автором проблематика гораздо шире и имеет глубокую психологическую подоплеку, неразрешимую в узких рамках методологии феминистской критики.

Имя героини первой книги – *Ruth Gray* передает различные стороны ее личности: *ruth* – исполненный сострадания, сочувствующий; *gray* – серый. Ее имя подтверждает себя только в ее отношении к мужу; а вот фамилия очень точна: она ни белая (безгрешная), ни черная (носительница зла), в ней смешано и то, и другое. И еще окружение воспринимает ее как «серую» личность, т.е. не ярко выраженную. Ее сострадание направлено на людей, этого не заслуживающих. В детстве, на уроке истории, она заявила: «У Гитлера тоже были хорошие стороны, только никто не обращает на них внимания» [Hamilton, 1988, 6].

Писательница ювелирно точно прослеживает формирование характера и личности своей героини. Первопричину ее психических проблем она видит в матери. Мэй, мать Руфи, была женщиной несчастной. Ее детство пришлось на 20-е годы, она была старшей дочерью в бедной фермерской семье, и с детства родители превратили ее в прислугу всей семьи. Родительского внимания и любви ей с детства доставалось меньше, чем другим детям, и она ожесточилась и озлобилась против всех. В 21 год ей улыбнулось счастье: она встретила и полюбила хорошего парня, вышла за него замуж и была очень счастлива – и очень недолго. В 1941 году, когда США вступили в войну, его забрали в армию и вскоре он погиб. Она не верила в его смерть, много лет ждала его. Когда ей было 35 лет, к ней посватался состоятельный фермер Элмер Грей. Она вышла за него, чтобы уйти из родительского дома и еще потому, что у него было большое хозяйство. В 38 лет родила дочь, через два года – сына Мэта. К дочери, как вспоминает Руфь, была холодна, мужа изводила попреками, если он позволял себе небольшой отдых днем. Элмер был единственным человеком, который иногда хвалил Руфь, и девочка была к нему привязана. Когда ей было 10 лет, отец оставил семью.

Руфь была ребенком своеобразным. От отца она переняла талант фермера; ей было свойственно образное мышление, а не логическое, даже слова она воспринимала прежде всего как графические образы, по облику их написания. Отсюда – ее отставание в школе. Никто из учителей не удосужился проявить к ней индивидуальный подход, ее стали считать заторможенной, отстающей в умственном развитии. Дети были жестоки к ней, она стала жертвой класса, особенно после того, как отец их бросил и ей пришлось носить обноски других детей, которые мать подбирала в Армии Спасения, а одноклассницы узнавали в них свои старые наряды. Она действительно часто совершала необъяснимо-глупые поступки: например, приготовила запеченный лук из луковиц тюльпанов. Мать тоже считала ее заторможенной, несуразной неумехой, и она, в отсутствии моральной поддержки, ожесточилась против всех, более всего ненавидя собственного брата, который был очень способным к наукам и которого обожала мать. Будучи старше и сильнее, она беспощадно била его в

детстве. Отсюда ее отношение к изгоям общества, к Гитлеру, например. Защищая их, она, таким образом, защищала себя.

Учитывая особенности мировосприятия Руфи (превалирование образного восприятия мира вследствие задержек развития абстрактного мышления), она была изначально склонна к литературе и литературному творчеству. Согласно Дж. Вико, «невольная» образность и метафоричность делала древнего человека поэтом. Он мог воспринимать мир только в образах» [Козлов, 2009, 37]. Руфь тоже была таким «изначальным поэтом», о чем свидетельствует поэтичность ее восприятия мира, ее огромный интерес к книгам, которые она воспринимала на слух, слушая записи книг Диккенса, Д. Остин вместе с миссис Финч, слепой соседкой, за которой она присматривала. Но о ее талантах никто не знал. Руфь очень отзывчива на доброту и привязывается к людям, которые проявляют к ней участие: школьной учительнице миссис Пин, миссис Финч, тете Сид, доброму гению ее жизни. По отношению к матери, которая вечно винит всех в трудностях и тяготах ее жизни, у нее формируется комплекс вины: «Я подвожу ее каждый день» [Hamilton, 1988, 162]. Руфь тяжело реагирует на постоянные унижения социального и личностного плана. У нее вырабатывается очень низкая самооценка: юная девушка не может себе представить, что кто-то может обратить на нее внимание, что она может кому-то понравиться.

После окончания школы она работает вместе с матерью в химчистке, и через пару лет, в течение которых она чувствует, что жизнь проходит мимо, мчится по шоссе, в то время как она сидит в химчистке, происходит неизбежное – она влюбляется в первого встречного, с которым ее познакомила ее единственная, непутевая подруга.

Ее избранник Руби – тоже аутсайдер, как и она, но покруче. С детства психически неуравновешенный, агрессивный, не желающий работать (т.е. выполнять то, что от него требуется условиями работы и людьми, которые следят за соблюдением этих правил), не могущий, возможно, работать, потому что он не мог запомнить последовательность простых действий, т.е. человек с признаками олигофрении, незрелая личность – чуть что, он плакал или напускал в штаны, плакал при мысли о смерти и ее неотвратимости – таков избранник Руфи, которого она полюбила всем сердцем и который

ухватился за нее вследствие своей полной личностной и материальной несостоятельности. К моменту их знакомства он уже состоял на учете в полиции, был без работы, привлекался за нападение на своих бывших хозяев, которые выгоняли его с работы за безобразные действия и за лень. Лентяй, человек без чувства ответственности, без чувства времени. Мать Руфи права, говоря о том, что он «без царя в голове». К тому же пьяница и наркоман. Естественно, этот брак не мог не закончиться катастрофой. Через четыре года психически неустойчивый Руби в порыве ярости от постоянных, но справедливых попреков Мэй, зверски убивает ее и пытается расправиться и с Руфью, но ей удается вырваться и вызвать полицию.

Интересно отметить, как влюбленная в Диккенса героиня (и стоящая за ней писательница) тонко воссоздает стиль Диккенса, его творческую манеру в описании Руби. Например, описывая своего мужа, все его «особенности», т.е. пороки, и говоря о его любви к птицам, о том, что он был добр и к ней, героиня говорит о людях, бывших нанимателях, которых он guess there старался избегать, и в манере Диккенса со скрытым юмором замечает: *«I guess there were individuals who didn't care to discover his good points»* [Hamilton, 1988, 153]. О нанимателе Руби, когда он звонил по телефону в ярости от того, что последний не явился на утреннюю дойку, Руфь говорит: *«He didn't understand that Ruby was without the sense of time. Ruby loves to nap for one thing, but he also doesn't go by the earth's rhythm, sleeping by night and getting up with the morning. And it's no deep secret that he drinks more than he should. I wanted to quiet Mr. Buddles down so I could explain my husband, but he always threatened Ruby before he offered him one last chance»* [Hamilton, 1988,151].

В манере Диккенса Джейн Гамильтон отмечает какую-либо одну черту, характеризующую персонаж, и постоянно упоминает о ней как о его опознавательном знаке: огромные, изуродованные работой руки Мэй, взывающие к чувству вины ее дочери; Элмер, большой и молчаливый, как тень, слишком широко расставленные голубые глаза Руби (признак ненормальности, психической неполноценности), постоянные плачи-истерики героини, свидетельствующие о ее личностной несостоятельности.

Основной аргумент героини в ее книге-исповеди – «Я думаю, что ни один человек не является воплощением зла, хотя в каждом есть низость, зло. Иногда люди выбирают одного человека в толпе и обвиняют его во всех грехах. Это улучшает их самочувствие – показывать пальцами на одного абсолютно порочного человека, на которого можно списать все проступки» [Hamilton, 1988, 6].

Персонажи романа явственно подразделены на обвинителей и обвиняемых. Руфь полностью на стороне обвиняемых: себя и Руби и против обвинителей: Мэй, школьных учителей, детей в школе. Но ее справедливая защита своих прав незаметно превращается в ненависть к другой стороне. Она в своей позиции – типичный люмпен, ненавидящий тех, кто способнее, удачливее ее, лучше устроен в социальном плане. Отсюда – ее ненависть к брату, который так способен.

Интересное развитие получает тема взаимоотношений матери и дочери в романе – его основная тема. Поражает отстраненное отношение Руфи к матери: словно она ее никогда не любила; она никогда не принимала Мэй как свою мать (ее вопросы по поводу того, как это случилось, что она появилась у Мэй). Мэй действительно виновата в том, что не была ласкова с дочерью, что открыто предпочитала ей младшего сына, что, вследствие собственной ограниченности, не могла разобраться в ее проблемах и не пыталась помочь ей. До большой степени по ее вине у Руфи развился столь сильный комплекс неполноценности и низкая самооценка. Но странно и другое: вроде бы взыскующая справедливости девушка не видит, не хочет признавать очевидного: как трудно было матери одной поднять ее и сына (ведь она не превратила, при всех трудностях жизни, свою дочь в работницу фермы, как поступили родители с ней), она дала ей возможность получить образование; она пустила неприемлемого для нее зятя, психически нестабильного, лентяя, неряху, в свой дом; она пыталась проявить свои чувства к дочери в решающие моменты ее жизни: дарит ей свою единственную драгоценность (брошь), когда та идет на конкурс по орфографии, пытается проявить свою любовь перед свадьбой дочери, она и погибает мученической смертью от рук зятя, защищая свою дочь. «Справедливая», взыскующая правды Руфь ничего это-

го не видит. Она ставит матери в вину даже ее трудолюбие, ее хозяйственность: ей ненавистен вид матери, которая лущит пять миллионов стручков гороха, чтобы их законсервировать. Семья постоянно балансирует на грани нищеты, а Руфь только и думает о том, как бы бросить работу, сидеть дома и рожать детей. Она делает вид, что не понимает, что она посадила на шею матери ненавидящего ее пьяницу и наркомана. Она по-животному счастлива своей любовью и тем, что наконец-то у нее есть муж. «Мне было все равно, работал Руби или нет. Я хотела, чтобы он наслаждался своей жизнью в браке, наслаждался тем, как счастливо мы живем. До тех пор, пока мы сводили концы с концами, какое это имело значение? Мы жили в тепле и не были голодны. Я хотела, чтобы Руби был так счастлив, чтобы ему и в голову не могло прийти улизнуть как-нибудь после обеда». [Hamilton, 1987,152]. Руфь инфантильна и эгоистична. Порог личной ответственности у нее отсутствует, замещаясь чувством обиды на весь свет. Нельзя без содрогания читать последние страницы романа, когда Руфь говорит о том, что она обязана своему мужу тем, что он для нее сделал: убил ее мать. «Что я знаю, так это то, что Руби сделал это для меня… Я знаю, Руби сделал это для меня» [Hamilton, 1988, 327].

Интересную эволюцию проходит образ героини-рассказчицы. В начале книги мы видим созревшую, умудренную жизненным опытом героиню, зрело рассуждающую о Зле, *«Meanness»* человеческой природы, говорящую о том, что ее угнетает чувство вины перед матерью; но по мере развертывания сюжета писательница воспроизводит жизнь рассказчицы и развитие ее души, ее интеллекта, воссоздает ее духовную жизнь, ее реакции в тот или иной период ее жизни, и делает это мастерски. Книга заканчивается тем, что Руфь пытается понять и произошедшую с ней трагедию, и себя самое, чтобы быть в состоянии правильно воспитать своих детей, освободившись от подавляющего влияния матери. Она надеется на то, что сумеет расправить крылья, уйти от любящей ее тети Сид и попробовать жить с детьми самостоятельно. И думает о том, что она напишет книгу о своей жизни в манере Диккенса. Читатель понимает, что героиня состоялась в конце концов как личность – он читает ее книгу – «Книгу Руфи».

«Книга Руфи» – роман воспитания. Пороки воспитания анализируются в романе на основе экспозиции трех личностей: Руфи, Руби и Мэта. Руфь, отсталая в развитии, как считают все, и блестящий Мэт с высокоразвитым интеллектом явно противопоставлены. Между тем, в нравственным плане у них много общего. Оба они лишены родственных привязанностей, оба отвергают свою семью: мать, сестру/брата. Оба в этом отношении ущербны. Мэй отдала всю свою любовь Мэту, которые ее не ценил и не принял, дочь считала, что мать ее не любит. Отделившись от семьи, Мэт поменял одну букву в своей фамилии и стал Grey – отчетливая аллюзия на героя романа Уайльда. Благодаря этой аллюзии, он приобретает новые качества: он прекрасен снаружи, что и отмечено в романе, но пуст, холоден внутри, лишен корней и родственных привязанностей.

Итак, как сама Джейн Гамильтон отвечает на вопрос, поставленный ее героиней в первых же строчках книги? Откуда берется Зло в человеческом сердце, почему оно проникает туда? И где панацея от него? Ответ на этот вопрос содержится и в «Книге Руфи», но в еще большей степени – в романе «Когда Маделайн была молода». Руфь вспоминает единственный по-настоящему счастливый эпизод своего детства: ей – семь лет, семья в жаркий июльский день ест мороженое, отец, наполняя ее стакан, промахнулся, ложка мороженого упала ей на голову, тает, и вся семья смеется, и она тоже, и все объединены одним счастливым чувством общности и любви друг к другу. Руфь говорит далее, что-то, что она испытала один раз в детстве, она видела постоянно в других семьях: дети, бегущие к своим матерям после воскресной школы, матери, наклоняющиеся к своим детям, целующие их – любовь и взаимопонимание между ними. Роман «Когда Маделайн была молода» начинается с той же сцены: летний вечер, матери выходят на крыльцо и выкликают имена своих детей, зовя их домой. Роман о замечательной женщине, создавшей семью, в которой первая жена ее мужа – инвалид Маделайн, была окружена заботой и любовью, сделавшая все, чтобы вернуть Маделайн к более-менее нормальной жизни, начинается и завершается этой сценой, придающей особое значение всему роману и содержащей ответ на непосредственно заданный рассказчиком романа вопрос: где же

истоки этой любви, этой преданности, которые он видит в своей семье? Истоки, по Джейн Гамильтон, в безграничной любви и взаимопонимании. Просто, как все гениальное.

Tatyana Komarovskaya
Minsk State Pedagogical University, Belarus

The Boundaries of Good and Evil: Two Books by Jane Hamilton

Jane Hamilton is at present the most prominent inheritor of Puritan tradition in the US literature, following Hawthorne and Henry James in their close analysis of human soul and its mysteries and their interest to moral problems.

What is Good and Evil, how does Evil get into the human soul- these are the main issues she works out in her first book *The Book of Ruth.* The main character of the book, Ruth, a farmer's daughter, is unhappy since childhood. When she was ten her father abandoned his wife and two children driven to despair by his wife's stinging tongue. His wife, May, Ruth's mother, is an unhappy woman herself. Since early childhood she knew nothing but hard labour being the eldest daughter in a big farmer's family. She married the young man she loved but he was soon killed in World War II. She is angry at all the world and at the people surrounding her, and tries to compensate her misfortune by hurting everybody with her sharp tongue. There's no understanding between her and Ruth, she has only sharp remarks and slaps for her daughter. That, and the loss of the father, the only person who was kind to her, and poverty coming to the family as a result of the loss of the bread-winner combined with her slow comprehension result in Ruth's loneliness in the family. She becomes the victim of the class because of the peculiarities of her mind, she is called moron by her classmates and brother. All these factors determine her very low self-esteem and the absence of the sense of responsibility at the same time. Having grown up she falls in love with the only man who paid attention to her and who, socially and psychologically, is a misfit and a loser at the beginning. She marries him, brings him home against her mother's will and life soon becomes a hell for the

three of them. Ruth's husband, Ruby, doesn't work most of the time, but drinks, uses drugs, gets into trouble and hates Ruth's mother who gives him what he deserves with her tongue. The culmination of this hell or a life is predictable. One day psychically unstable Ruby in a fit of rage kills Ruth's mother, tries to kill Ruth but stops at the last moment. He is arrested and shut up in the asylum. Ruth is grieving for him (not for her mother), but at the end she tries to reevaluate her life and hopes to start a new life, independent and on her own. The reader understands she has coped up with the task: he reads the book she wrote about herself - *The Book of Ruth*.

J. Hamilton's book is prominent for the minute and very precise psychological analysis of the heroine's personality and her inner world. The author analyses all the social and psychological factors that formed the character and the personality of her heroine, among which the limitations of a small town's life play a very important role. Gifted with love and understanding of literature Ruth, under the conditions of life in a small town can realize herself only working at the dry-cleaner's. Neglect of her inner life and ruthlessness to her result in her hatred and jealousy of others. She feels pity only to misfits and losers like herself; she is always on the side of those whom other people disapprove or hate.

It's noteworthy to point out how masterfully the heroine (or, rather, the writer who created her) recreates Dickens's style, his irony in Ruth's descriptions of her husband.

The Book of Ruth is a Bildungsroman. The vices of upbringing are analyzed in the book on the example of three characters: Ruth, Ruby and Matt. The writer answers the question posed on the first page: how does Evil get into the soul of a person? What should be done to avoid its appearance there? *The Book of Ruth* contains the answer to this question, and Hamilton's next book, *When Madeline Was Young* is itself an extended answer to it: love and mutual understanding in the family bars Evil's way into the heart of a person. So simple, so universal.

Литература

1. Козлов А.С. Зарубежная литература и литературоведение. – Севастополь: 2009.

2. Hamilton J. *The Book of Ruth*. – N.Y.: Doubleday, 1988.

В. Г. Прозоров,
Карельская государственная
педагогическая академия,
Петрозаводск

Роман Д. Евгенидеса «Средний пол» (2002) в контексте гендерного плюрализма постмодернистской культуры

Для культуры модернизма первой половины XX века характерны жесткие бинарные оппозиции по принципу «или – или», в том числе – подчеркнутая дихотомия мужского и женского начала. Пусть бы только кто-нибудь попробовал намекнуть героям Хемингуэя, Фолкнера, Ремарка и т. п., что имеются сомнения относительности их «мужественной» ориентации. Аналогично, акцентированная женственность есть непременное качество героинь литературы модернизма. Напротив, культура постмодернизма, согласно известной формуле Л. Фидлера, «засыпает рвы и пересекает границы», т. е. происходит смена парадигмы: от модернистской «или – или» к постмодернистской «и – и». Такой подход распространяется и на отношения между полами, где легитимизируются разнообразные формы нетрадиционной ориентации и сексуальных отношений. Само понятие «нормы» размывается и подвергается сомнению.

В этом смысле гермафродит в гендерном отношении является идеальным постмодернистским персонажем, а роман о гермафродите для «постмодернистской чувствительности» не просто естественен, а необходим. Таковым и является роман Д. Евгенидеса «Средний пол» (*Middlesex*, 2002), удостоенный Пулитцеровской премии. Название имеет двойной смысл: Middlesex – это одновременно название дома в предместье Детройта, где живет семья Стефанидесов, и характеристика половой принадлежности ее главного персонажа. Он, как это сообщается на первой странице, родился дважды. Первый раз – как девочка-младенец в 1960 г. и второй раз как мальчик-подросток в операционной в 1974 г.

Этот персонаж, который одновременно выступает как повествователь, в начале двадцать первого века он пишет историю – трех поколений своей семьи и свою собственную. Роман распадается на две примерно равные части. Первая его половина – это семейная сага (в широко распространенном в США варианте «иммигрантского романа»). Вторая – «роман воспитания» (*Bildungsroman*), в котором молодой человек ищет свою идентичность – в данном случае, гендерную. Между двумя частями связь – не только фабульная, но смысловая. Объединяет их и постмодернистский комментарий, выдержанный в ироническом ключе и содержащий интертекстуальные кивки в сторону мифологии («заблудший между полами» прорицатель Тиресий и др.), философии (Платон и Фуко), истории, медицины и т.д. Таким образом, роман также имеет гибридную жанровую природу, т.е. в каком-то – литературном – смысле тоже является «гермафродитом».

Об истории семьи Стефанидесов не сохранилось никаких документов. В своем повествовании рассказчик опирается на чужие рассказы, при этом они изначально субъективны. Это постмодернистская «текстуализированная» история – не столько «воссоздание» прошлого, сколько его «воображение». Она начинается в 1922 году, когда брату и сестре Лефти и Дездемоне Стефанидес в охваченной огнем и насилием греческой Смирне удается в последний момент попасть на корабль, отплывающий в Америку. В пути они сначала притворяются посторонними, а потом разыгрывают знакомство и ухаживание, завершающееся бракосочетанием. Этот спектакль – не столько для окружающих (они могли бы сразу выдать себя за молодоженов), сколько для них самих: в нем они заново конструируют собственные личности, выдумывая себе новые биографии, изобретая несуществующих родственников с их многочисленными историями, в которые постепенно сами начинают верить. Таким образом, они помещают свои сконструированные «я» в вымышленный текст.

Это «пересоздание» героями собственных личностей связано с их попыткой найти свое место в новой для них этносоциальной реальности США. Дальнейшая история семьи Стефанидесов в «плавильном котле» индустриального Детройта развивается более или менее традиционно. Если первое поколение иммигрантов в той или иной степени придерживает-

ся обычаев своей родины, то их дети – Милтон, прошедший войну на флоте США, и его жена Тэсси – готовы интегрироваться в образ жизни американского «среднего класса», приняв ценности и представления «сабурбии» пятидесятых годов. В конце «бурных шестидесятых» им удается открыть собственный бизнес с этнической окраской – сеть закусочных быстрого питания «Сосиски Геркулеса». Вплоть до этого момента роман связан в первую очередь с проблемой этнической и культурной самоидентификацией.

Однако в третьем поколении откликается ген кровосмешения: внучка Каллиопа Стефанидес – гермафродит. Проблема могла бы быть решена сразу после рождения, но подслеповатый семейный доктор не обратил внимания на некоторые особенности строения новорожденного и объявил ребенка девочкой. Калли и растили как девочку, не придавая значения некоторым «второстепенным» деталям. Однако в пору полового созревания Калли начинает испытывать непонятные для нее самой ощущения и проблемы, в частности это отсутствие интереса к «противоположному» полу и, наоборот, влечение к подруге.

Проблема выходит наружу после того, как Калли попадает в автомобильную аварию и подвергается внимательному врачебному осмотру. Родители отвозят ее в Нью-Йорк к модному светилу сексопатологии доктору Люси, который чрезвычайно заинтересован нестандартным случаем. Вопрос поставлен остро – что есть пол и чем он определяется – либо биологией (*nature*), либо воспитанием (*nurture*). Доктор Люси исходит из второго и полагает, что поскольку ребенок до четырнадцати лет рос как девочка, то таковой ей следует оставаться. Достичь это можно с помощью хирургической операции и гормонального лечения. Тогда все останется по-прежнему и никто ничего не узнает. Правда, Калли будет навсегда лишена сексуальных ощущений и не сможет иметь детей. Родителей Калли предложение доктора более чем устраивает – ведь они получат назад свою «девочку».

Но Калли не устраивает чужой выбор. Оставив родителям записку «Я не девочка, я – мальчик» и переодевшись в «мальчиковый» наряд и назвавшись Кэлом, на попутках отправляется в поисках своей новой личности в традиционном американском направлении – на Запад. Здесь возникает прямая

параллель между его собственным побегом и историей своих деда и бабки, которые за пятьдесят два года до этого бежали из своего дома, спасаясь от войны: «Я чувствовал, что я тоже спасаю себя от гибели. … Корабль не перевозил меня через океан, вместо этого я пересек континент на попутных машинах. Я тоже превращался в новую личность, точно так же, как Лефти и Дездемона, и я понятия не имел, что случится со мной в этом новом мире, в который я вступил» [Eugenides, 2002, 499].

Кэлу удается добраться до самого «неортодоксального» города США – Сан-Франциско. Сначала он прибивается в группе запоздалых «детей-цветов» в парке Золотых Ворот, а затем оказывается в специфическом эротическом шоу в ночном клубе богемного квартала Норт-Бич. В нем собран весь цвет самой что ни на есть «нетрадиционной ориентации» – трансвеститы, транссексуалы, гермафродиты и т.п. Особую роль в судьбе Кэла играет Зора – «Иоанн Креститель» гермафродитизма. Она пишет книгу «Священный гермафродит», в которой известные слова Платона про мужчину и женщину как две разделенные половинки трактуются в пользу гермафродитов. Поскольку они соединяют мужское и женское начала, именно за ними будущее. В этой обстановке Кэл/Калли находит окончательное подтверждение собственному праву на выбор того, кем стать – ей или им.

К сожалению, далеко не все заявленные возможности оказались реализованными в романе. Герой утверждает, что внутри него «скрывалась способность коммуникации между двумя гендерными позициями, способность видеть не монозрением одного пола, а стереоскопическим зрением обоих» [Eugenides, 2002, 378]. Однако этого «двойного видения» в романе как раз в достаточной степени и не ощущается. В результате «Средний пол» претендует на то, чтобы рассказать о том, что это такое – находиться где-то «посередине и между», но в итоге приходит к выводу, что необходимо выбрать одну из возможных альтернатив. После того, как полицейский рейд прекращает деятельность популярного пип-шоу, Кэл возвращается домой. После операции он начинает свою мужскую биографию, которая остается, в основном, за пределами рамок романа.

В финале романа сорокалетний повествователь живет в Берлине, где работает в отделе культуры посольства США.

Насколько можно понять из отдельных намеков, его личная жизнь в мужском качестве складывалась не очень удачно, однако ухаживание за японкой Джулией Кикучи (мультикультурный аспект здесь удачно дополняет межгендерный) оставляет надежду на обретение им личного счастья. Его квартира находится в турецком квартале, где он чувствует себя вполне комфортно и даже хочет подать заявление о переводе на работу в посольство в Стамбуле. Побывавший и женщиной и мужчиной «Стефанидес, американец, внук греков, с удовольствием смотрит на турка, иммигранта в Германии, который печет хлеб на Хауптштрасе. Мы все составлены из множества частей, разных половинок. Не только я» [Eugenides, 2002, 497]. Постмодернистская фрагментация личности в данном случае осознается не как однозначное зло, а, скорее, как некие дополнительные возможности. Гибридность снимает старые противоречия, казавшиеся прежде непреодолимыми – как в сфере этнических, так и в сфере половых отношений. С началом нового столетия возникает странная новая возможность – реализация «свободной воли».

Таким образом, история трех поколений семьи Стефанидесов в романе призвана показать, что на смену бинарным оппозициям приходит постмодернистская множественность и вариативность, что дает возможность самостоятельного выбора – как этнической, так и гендерной составляющей личности.

Vladimir Prozorov,
Karelian State Pedagogical Academy,
Petrozavodsk, Russia

J. Eugenides's Novel *Middlesex* in the Context of Gender Pluralism of Postmodern Culture

The culture of modernism is characterized by the rigid binary oppositions according to *either/or* principle which includes the dichotomy of masculinity and femininity. On the contrary, the culture of postmodernism «crosses the border and bridges

the gap» (L. Fidler) in accordance with *both/and* slogan. This includes relations between sexes, where various forms of non-traditional orientation have recently been legitimized. Thus a novel about a hermaphrodite is more than natural, it's essential for postmodern sensibility.

The Pulitzer-prize-winning novel *Middlesex* (2002) by the American writer of Greek descent J. Eugenides combines the features of a *family saga* and *Bildungsroman*. The first half of the novel tells the story of Lefty and Desdemona Stefanides, brother and sister from Smyrna, who in 1922 find their way from Greece to the USA. During the voyage they get married, but previously they «reinvent» and «recreate» themselves, imagining new biographies and constructing new identities. This is connected with their attempt to find a place in a new ethno-social reality. Their further life in the «melting-pot» of industrial Detroit is a typical immigrant story of assimilation and integration. It continues into the second generation of the family, which starts its own fast-food business and moves up into the suburbia middle class.

However, the incestuous heritage results in a genetic error in the third Stefanides generation. The newborn baby is considered a girl and for fourteen years is raised as such. When the truth is revealed, the doctors proceed from the assumption that gender is defined by upbringing (nurture) and not by biology (nature). They propose a treatment which will ensure Cally's feminine future. However, the protagonist of the novel chooses to change her name to Cal and run away to the West Coast. In doing so, he repeats the experience of her grandparents, constructing a new – this time, gender – personality.

The history of three generations of Stefanides family is supposed to demonstrate that the system of binary opposition at the dawn of the new century is gradually replaced by the postmodern plurality and variability, which together offer a chance for a free choice of both ethnic and gender components of human identity.

Литература

1. Eugenides J. *Middlesex*. New York: Picador, 2002.

2. Mendelson R. *Mighty Hermaphrodite // The New York Review of Books*. Vol. 49. № 17, November 7, 2002.

Л.В. Первушина
Минский государственный
лингвистический университет,
Беларусь

Женщина как Субъект в современной американской истории и литературе

Важной характеристикой современности выступают тенденции, связанные с изменением положения женщины в современном мире как в социальном пространстве, так и в рамках приватной, семейной сферы. Тема «Женщина и общество» стала одной из ключевых социальных проблем в середине прошлого века. В 1945 году Устав ООН провозгласил равенство всех людей и подчеркнул необходимость развития «уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [Устав, 1994, 9]. Общественно важным стало «участие женщин в принятии решений и доступ к управлению всеми сферами человеческой деятельности» [Конвенция, 1979, 6], что должно положить конец «продолжающемуся делегированию женщин в частную сферу и следующую из этого ассиметрию в обладании властью» [Гапова, 2001, 389]. Таким образом, в основных международных документах подчеркивалась активная роль женщины как участника общественных процессов.

Изменения в общественном сознании последних десятилетий XX века выявили необходимость гендерной стратификации общества и разработки новых концепций для более глубокого объяснения сущности «мужского» и «женского». Так как женская история («herstory») традиционно терялась во всеобщей истории, то стало необходимым скорректировать представления о прошлом, включая новое понимание роли женщин в историческом процессе.

Как известно, во многих культурах, включая американскую, только общественная деятельность рассматривалась как важная область гражданских прав. Женщины, как правило, были исключены из политической, культурной и социальной жизни, а их труд ассоциировался с бытовой, подчи-

ненной сферой. Теория эссенциализма и идеи биологического детерминизма стали основой существовавшей точки зрения о том, что женщина не способна переступить за пределы биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Считалось, что женщина была объектом истории, выполнявшей обычные функции матери и члена семьи. Общественная жизнь «не только существовала без женщин, она была настроена против них» [Чикалова, 2001, 103]. История замалчивала достижения многих женщин, которые не получили признания за свои заслуги в общественной и культурной жизни.

Писатели, ученые, искусствоведы последних десятилетий XX века искали недостающую информацию о жизни и творчестве женщин, анализировали исторические данные о положении женщин в разные эпохи. Восстанавливались незаслуженно забытые художественные произведения, которые в настоящее время рассматриваются как высокохудожественные и эстетически значимые. Новое видение реальности «...не только обогатило палитру видения мира, представляя оригинальную женскую точку зрения, но и значительно расширило «литературную реальность прошлого..., возрождая женское творчество, которое было несправедливо забыто» [Denisova, 2001, 79].

Сегодня история США рассказывает о жизни женщин, которые помогли «не только определить контуры американской жизни, но и часто менять судьбу страны» [What..., 1994, XX]. Со времени первого поселения европейцев в Новом Свете женщина была включена во все аспекты роста и развития нации. Первым автором, чьи произведения были опубликованы в Америке, была женщина-писательница. Армия Вашингтона получила большую поддержку благодаря работе женщин-патриотов, которые собирали деньги на помощь солдатам. Женщины принимали активное участие в борьбе против рабства, они реформировали систему образования, меняли облик городов. Философское произведение Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» (1792) являлось первым феминистским проектом в эпоху Просвещения. Эмма Уиллард стояла у истоков первой женской семинарии 1818 года (the Troy Female Seminary), обращаясь за поддержкой налоговых органов, чтобы обучать женщин. В 1829 Фэнни

Райт стала первой женщиной-оратором, убеждающей в своих выступлениях в необходимости организации хорошего образования для женщин а также равных прав при рассмотрении проблем владения собственностью. В 1898 Шарлотта Перкинс публикует свою известную книгу «Женщины и Экномика», печатаются ее произведения, ставшие классическим литературным наследием, а также золотым фондом феминистской литературы, включая ее рассказ «Желтые обои». В 1921 г. Мэри Томас открывает летнюю школу для женщин, работающих на промышленных предприятиях. Женщины участвуют во Второй мировой войне. Данные примеры можно продолжать. Значительными были достижения женщин, чьи права были ограничены в течение длительного исторического периода. Право участвовать в политической жизни страны было достигнуто лишь в 1920 г.

Великая интеллектуальная революция 1960-х годов в США открыла новые возможности для женщин, стремящихся выразить свой богатый творческий потенциал. Происходящие изменения, связанные с положением женщины в обществе, были отражены в литературе. 1960-70-е гг. стали периодом «Возрождения, новым Золотым веком женщин-писательниц, эрой эроса и гнева» [Showalter, 1972, 216]. Важным достижением писателей США последних трех десятилетий XX века является создание **образа новой женщины**. Он признан литературоведами в качестве образа «новой женщины феминизма» [Templin, 1995, 12], женщины особой социокультурной, политической и экономической ситуации. Писатели насыщают этот образ чертами, характерными для современных людей, живущих в данную эпоху. С одной стороны, образ «новой женщины» отражает вечные проблемы, с которыми сталкивается женщина, и которые ей необходимо преодолевать на своем жизненном пути. Авторы повествуют не о «суперженщинах», которые преодолевают все конфликты, а о людях, которые «разрываются между прошлым и будущим, между несбывшимися надеждами матерей и их честолюбивыми желаниями сделать своих дочерей более счастливыми» [Jong, 1980, 171]. С другой стороны, образ новой женщины отражает те радикальные изменения, которые были завоеваны феминистским движением, и которые были зафиксированы в поправке к Закону о правах человека в 1972 году.

Женщина уже достигла значительных успехов, но она стремится к еще большим высотам. Так, она выбирается в Сенат (1978), становится успешным профессором, работает в военных академиях, получает престижные литературные премии. Она расширяет творческое пространство в своей стране и становится активным Субъектом истории и ее преобразований. В конце XX века достижения женщин признаны и официальными кругами и в литературе.

Образ новой женщины представляет собой литературное явление, возникшее на пересечении идей неофеминизма, постмодернизма, патриархатных предрассудков, гендерных стереотипов, расовых конфликтов, интересов влиятельных академических структур и средств массовой информации. Образ женщины проходит своеобразную эволюцию в последние три десятилетия XX века.

Так, женский образ в литературных произведениях конца 1960-х – начала 70-х годов был представлен как «иное», радикально отличное от мужской сущности, и сводился к единому субъекту с фиксированной эссенциалистской идентичностью «женщина». Как правило, художественные произведения, созданные в этот период, содержали резкий конфликт и демонстрировали жесткое деление на «женские» и «мужские» проблемы. Идеалы, мечты и чувства женщин были противопоставлены мужским идеалам и мечтам. Проблемы, затрагиваемые авторами в своих произведениях, были представлены через конфликт «женщина-мужчина», через бинарную оппозицию «он-она». В них показано стремление преодолеть вторичность женщины как личности по отношению к мужчине. Данный женский образ характерен для произведений М. Сартон, А. Рич, раннего творчества Э. Джонг и К. Хайлбрун и др. Теоретической основой создания такого образа стала концепция женской субъективности С. де Бовуар, а также теории, созданные Б. Фридан, К. Миллетт, Ж. Грир, А. Дворкин, Ш. Файерстоун и др. в которых были выявлены причины универсального неравенства, существовавшего между полами.

С появлением концепции мультикультурализма в середине 1980-х гг. «”женские исследования” поднимаются на качественно новый уровень, учитывая опыт женщин всех рас, этнических групп и социальных слоев…» [Ярская-Смирнова,

2001, 27]. А возникновение концепции глобализации в начале 1990-х гг. позволило обратить более пристальное вниманием на проблемы женщин в международном масштабе. Изучаются особенности социально-экономической ситуации на основе социологических опросов гендерных групп населения, анализируется экономическое положение женщин и то, как представлен образ женщины в средствах массовой информации, поднимаются такие вопросы, как «женщина и карьера», «женщина и власть», рассматриваются проблемы женской субъективности и идентичности субъекта.

Следовательно, женский образ в произведениях конца 1980 – 90-х гг. представлен через субъективность, которая имеет свободно развивающийся, неограниченный, текучий процесс. Данная интерпретация женского образа репрезентируется через разнообразный спектр гендерного опыта. Во многом преодолевается и уходит на второй план противостояние «женское – мужское», а образ женщины становится многообразнее и богаче. Конфликты и проблемы художественных произведений рассматриваются через призму социальных, классовых, этнических, религиозных компонентов, которые слагают женскую субъективность. Постмодернистские литературные стратегии разрушают патриархатные мифы о женщинах как о пассивных, слабых, иррациональных объектах истории и представляют пародийные образы, обнажая отношения женщина-мужчина и женщина-общество.

Такой многогранный женский образ представлен, например, через сопоставление судеб двух героинь, живущих в современную эпоху (в романе Э. Джонг «Блюз каждой женщины»), через опыт нескольких поколений женщин, принадлежащих одной семье (в романе Э. Джонг «Фиктивные воспоминания») или через различные характеристики одной женщины в ее стремлении к самоидентификации и взрослению (в романе Г. Гудвин «Виолета Клэй»), а также в произведениях Дж. К. Оутс, К. Эккер и др.

Особого внимания требует литературный эксперимент Джона Апдайка, который создал своеобразное предисловие к бессмертной трагедии великого Шекспира «Гамлет». В историографическом метаромане «Гертруда и Клавдий» (2000) Апдайк создает яркий образ Гертруды. Под влиянием современного социокультурного контекста автор переосмысливает

образ Гертруды и наделяет его чертами, характерными для современных женщин. Через метафору «пойманной птицы» автор показывает испытания, через которые проходят женщины в патриархатном обществе, и представляет критику стереотипов общества.

Следовательно, образ новой женщины связан со специфической культурной и исторической обстановкой США конца XX века. Процесс изменения положения женщины был отражен через яркие эксперименты с феминистской, постмодернистской и историографической прозой. В современных экспериментальных произведениях авторы часто исследуют наследие прошлого и переосмысливают классические шедевры, обращаясь к универсальным, общечеловеческим ценностям.

Lyubov Pervushina,
Minsk State Linguistic University,
Belarus

Woman as a Subject in Contemporary US History and Literature

One of the most important features of contemporary life is a change in the role and a place of a woman both in social life and in her domestic environment. The problem «woman and society» has become one of the key issues of contemporary life. The equality of all people and the necessity to respect human rights regardless of race, sex, language and religion were specified in the UN Charter in 1945.

Great changes that took place in society required deeper understanding of the notions «the male» and «the female». It is well-known that in many cultures, including American culture, only the public sphere was taken into account while considering the implementation of real civil rights which women could not exercise as a rule. They were associated with private sphere of society and excluded from political, cultural and social life which was «directed against women». The explanation of it could be found in the theories of essentialism and biological determinism. According to them, a woman fulfilled such ordinary functions

as being a mother and just a member of the family. As a rule, she was thought of as a passive, unimportant and insignificant object of history. Many achievements of talented and creative women were silenced and not reflected in history.

At the same time there existed great women whose ideas helped to develop political, social and cultural life of the USA as well as to change the fate of the country and the course of American history. We can't but mention the contribution of many women activists. Since the first colony in the USA a woman was included into all aspects of life and development of the nation. Without her help life in the colonies would hardly be possible. The first writer whose works were published in the USA was a woman. Washington's army received a great support thanks to the work of women-patriots who collected money to help the soldiers. Women took an active part in the struggle against slavery, they reformed the system of education, changed the image of the cities, participated in the events of World War II.

Mary Wallstonecraft's work *A Vindication of the Rights of Women* (1792) stimulated the organized feminist movement. Emma Willard was the founder of the first women's seminary (the Troy Female Seminary 1818) by asking for support of taxation institutions to organize teaching of women. In 1829 Fanny Wright became the first woman orator in the USA. She went through many states to speak about women's status as a lower class, trying to convince the authorities to eliminate this inequality and to provide a good education for women. In 1898 Charlotte Perkins Gilman published her *Women and Economy* and later her important books which became classical literary masterpieces and golden legacy of feminism. In 1921 M. Carey Thomas set up a summer school for women working in industry. These are only a few examples of women's activities. It is surprising how much these women could achieve since their freedoms were so limited. The right to vote and to participate in political life of the country was achieved only in 1920.

Late 1960s – early 1970s marked a great intellectual revolution which opened new possibilities for creative individuals and changed people's thinking in the USA. The role of a woman in society has radically changed. She is elected member of the Senate (1978), she works as a University professor, she receives prestigious literary awards (the National Book Award, the Puitzer

Prize and the Nobel Prize). A woman is becoming an active and powerful Subject of History.

These changes in society were reflected in literature. One of the most important achievements of contemporary US writers was the portrayal of «the new woman of feminism», a woman of the new socio-cultural political and economic situation. This character embraces important features of American people who live in contemporary society.

On the one hand, through this character some eternal problems of simple people are reflected. It represents the life of women whose existence is filled with difficulties and problems. On the other hand, «the new woman» reflects radical changes which took place in contemporary society. Women had already won the right to participate in political life, and showed their achievements in many spheres of life. Contemporary women would like to fully express their creative potential and they expand their presence in public, cultural, social and political life.

The image of «the new woman» is a literary phenomenon which appeared as the interaction of the ideas of feminism, postmodernism, patriarchal stereotypes, gender stereotypes, racial conflicts, the interests of influential academic structures and the mass media. A woman's character reflected in literary works at the end of 1960s – the beginning of the 1970s was represented as the «Other». This image was radically different from male characters. As a rule, literary works created during this period contained sharp conflicts and a clear demarcation line between «women's» and «men's» problems. The problems touched upon in such books were presented thorough contradictions between men and women and through the binary opposition «he-she». Such works analyzed the ideas of present inequality in life and the desire of a woman to overcome her «secondary», submissive nature. Such conflicts were reflected in the works by M. Sarton, A. Rich, in early books by E. Jong, C. Heilbrun and others. The theoretical basis of such ideas was presented in philosophical works by S. de Beauvoir, B. Friedan, and K. Millett in which the secondary nature of a woman was studied.

With the appearance of the concept of multiculturalism in 1980s, «women's studies» were raised to a new level, taking into account the experience of women of all races, ethnic groups and social strata. The concept of globalization which appeared

at the beginning of 1990s allowed contemporary writers to pay attention to women's problems globally.

That is why a woman's character created in the 1980-90s is becoming flexible, rich and multi-dimensional. It is represented through her diverse gender, ethnic, religious and racial experience. The problems and conflicts of books are viewed through a rich and fluid identity of a woman. Such a many-sided woman's image is represented in the books by J. K. Oates, K. Acker, G.Goudvin, in late books by Erica Jong and C. Heilbrun. It is necessary to mention that «the new woman» is trying to develop her creative potential, to reveal her female fulfillment through work, combining her responsibilities as a mother and a creative personality. She is trying to establish control over the circumstances and to reach self-fulfillment.

The new image of a woman is also reflected in the experimental historiographic metafiction *Gertrude and Claudius* (2000) by John Updike. In this novel the author creates the prequel to the famous tragedy *Hamlet* by William Shakespeare. Under the influence of the current socio-cultural context Updike rethinks the character of Gertrude and exposes the cruel patriarchal organization of society. Through Gertrude's love, her sufferings and oppression the critique of the patriarchal system is revealed. The «caged bird» metaphor plays an important role in the narration revealing the author's vision of a woman's fate in patriarchal society.

Thus, the image of «the new woman» is influenced by the specific cultural and historical situation of the USA. A study of the character of «the new woman» in literature is a study of the development of the cultural history of the late twentieth century. Universal values are revealed by numerous American writers through the image of a contemporary woman as an active Subject of history.

Литература

1. Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Часть I. Харьков ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейа. – С. 379–390.

2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – ООН. – 1979. – 17 с.

3. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда / Департамент обществ. информ. – Нью–Йорк: ООН, 1994. – 96 с.

4. Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Часть I. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейа, 2001. – С. 80–106.

5. Ярская-Смирнова. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Часть I. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейа, 2001. – С. 17–48.

6. Denisova T.N. *The Contemporary as an Era in American Literature //In Search of New Definitions and Designs: American Literature in the 1980-90's* / Сост. Ю. Стулов. – Минск.: ЕГУ, 2001. – P. 73-82.

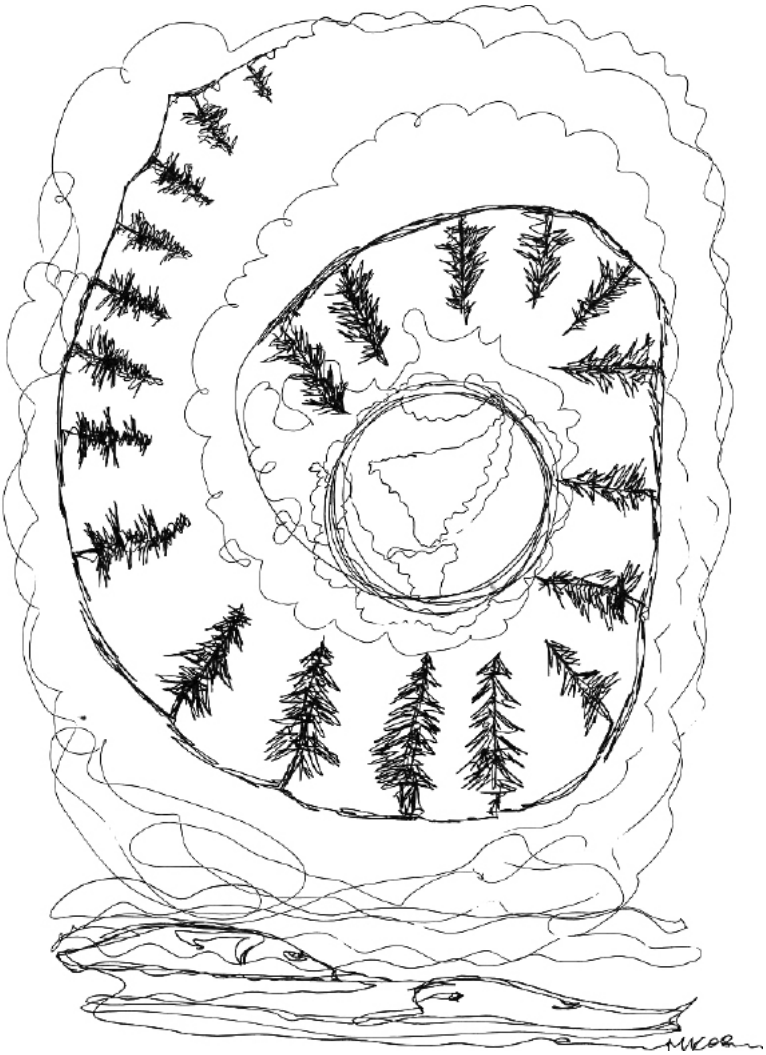
7. Jong E. *Blood and Guts: The Tricky Problem of Being a Woman Writer in the Late Twentieth Century // The Writer on Her Work: Contemporary Women Writers Reflect on their Art and Situation* / Ed. by J. Sternburg. – New York and London: W.W. Norton & Company, 1980. – P. 169–180.

8. Showalter E. *Killing the Angel in the House: The Autonomy of Women's Writers // The Antioch Review*. Fall 1972. – V. 32, N 3, Fall 1972. – P. 207–220.

9. Templin Ch. *Feminism & The Politics of Literary Reputation: The Example of Erica Jong*. – Kansas: University Press of Kansas, 1995. – 233 p.

10. *What Every American Should Know About Women's History: 200 Events That Shaped Our Destiny*. Holbrook, V BOB ADAMS Inc., Massachusetts. – 1994. – 393 p.

Секция 6
Фантастическая образность в искусстве: пути воспитания толерантности



Section 6
Fantastic in the Arts: Ways to Develop Tolerance

Л.Г. Михайлова,
факультет журналистики МГУ,
Россия

Преодоление оппозиции «свой-чужой» в научной фантастике: этапы эволюции и современное состояние

Эффективное культурное взаимодействие приводит к взаимопониманию, и на протяжении человеческой истории неведомые племена, населяющие новооткрытые земли, постепенно теряли черты сверхъестественного отличия. Позволяет ли эволюция фантастической образности дать прогноз – насколько долго контакту будет мешать оппозиция «свой-чужой»?

В научной фантастике встреча представителей разных планет происходит вначале по такому же типу – как война миров, что мы видим у Уэллса в одноименном романе. Однако, поскольку современная научная фантастика основывается в значительной степени на традиции эпохи Просвещения, согласно которой природа познаваема, то и изображение жителей иных миров должно было обрести формы, способствующие их познанию, освоению, нахождению точек соприкосновения. Кроме того, свойство иносказания, присущее фантастическому в искусстве, способствовало переносу на инопланетные разумные существа понятий этической сферы, выработанных гуманистами. Таким образом стал возможен переход от изображения иного как чужого к поискам возможностей контакта. Родилась тема Контакта.

Выделяя эту линию, нельзя, конечно, умалять значения образа марсиан в уэллсовском романе и реакции англичан на вторжение марсиан для анализа массовой психологии обывателей перед лицом системного кризиса цивилизации. Преодоление бездумного конформизма, заставляющего большинство людей отказываться от светлых порывов юных лет, для Уэллса навсегда останется одной из основных тем, что видно по его позднему роману, вышедшему в 1941 году, «Необходима осторожность» (*You Can't Be Too Careful. A Sample*

of Life. 1901-1951), где мишенью наиболее ядовитых нападок писателя становится Хомо Тьюлер – записной обыватель, которому не под силу подняться в своих суждениях выше мнения начальства.

С окончательным укреплением темы Контакта, что произошло в 1950-е гг. инопланетные монстры остались лишь на страницах комиксов, где их чёрное злодейство было необходимым элементом структуры конфликта, и в трэшевом кинематографе, питающемся отходами фантастики, то есть её прежними стереотипами. Основную роль в смещении Человека с трона повелителя космоса, которому позволительно уничтожать всё на своём пути, сыграло воздействие наук о жизни – биологии, экологии, этологии, а вслед за ними психологии, социальных и философских наук. После открытия роли ДНК, нового постижения экологических взаимосвязей, открытий этологов, посвятивших годы жизни близкому наблюдению за животными в дикой природе и впервые описавших жизнь прайда львов, стаи гиеновых собак, гепардов, удивительные свойства дельфинов, намного яснее стала связь человека со всем живым миром и с космосом в целом. Если прежде связь человека и космоса была очевидна лишь для величайших философов, теперь она выявилась для всех.

Поистине, в полном соответствии с уэллсовским определением специфики подхода фантастов к изображению человека, данном уже три четверти века назад в автобиографически-философском романе «Мир Вильяма Клиссольда»: «Если человек должен быть дан целиком, то вначале его нужно сопоставить с Космосом, затем показать в соотношении с Историей, и лишь затем с другими людьми» [Wells, 1926].

А соотношение с космосом в середине XX века показало, что человек ещё только-только начинает своё продвижение к его пониманию, о чём во многих романах писал Клиффорд Саймак (1904 – 1988). Воспринять «смещение с трона» читателям, привыкшим к Культу Человека Земли, было не просто, поэтому Саймаку долго не могли простить его рассказ «Детский сад» (*Kindergarten*, 1953), где инопланетяне строят на Земле огромное здание, своего рода Галактический Университет, куда люди вначале принимаются на стадию детского сада. Но такое потрясение, низвержение с незаслуженных высот было вполне своевременно. Слишком привычным

уже стали «космические оперы», где империи по типу Римской «размазывались по всему Млечному пути», говоря словами А.Азимова. И сам Азимов отдал дать этому увлечению в трилогии «Академия и империя» (*Foundation, Foundation and Empire», «Second Foundation* 1942-1953), но уже приближалось время новых вопросов и сомнений, время поиска. Чему, несомненно, способствовало и обострение политической ситуации с установлением «холодной войны».

Рассказ Ф.Брауна «Арена» (1944), повествовал о поединке человека с капитаном Чужих, по виду похожих на красный шар со щупальцами, – их некий вселенский разум переносит под купол с синим песком, чтобы не подвергать бессмысленному опустошению свои миры, дать шанс на развитие хотя бы одной из рас. Сочувствие к живому существу (зверски покалеченной ящерице) позволяет человеку понять способ, которым он побеждает соперника. Этот написанный в разгар боёв Второй мировой рассказ вошёл в золотой фонд фантастики, но в 60-е годы он обрёл новую жизнь на телеэкране довольно необычно, подарив главным образом своё название и идею противоборства капитанов, однако решалось в этой схватке не «кто кого» победит физически или интеллектуально. Сценарий Джина Куна для одноименного эпизода первого телесериала ‘Звёздного пути’» (TOS 1-19, 1967), несомненно, пусть и неосознанно (как уверял автор и вслед за ним Г. Солоу и Р. Джастман в книге «За кулуарами “Звёздного пути”» [Solow, 1996]), опиравшийся на брауновский сюжет, тем не менее кардинально его меняет: Капитан Кирк отказывается добивать раненного им рептилоподобного горна, и его милосердие в глазах более развитой расы становится проверкой на разумность капитана корабля «Энтерпрайз». Думаю, такое изменение много говорит и о мере разумности при восприятии чужого и возможности контакта с ним. Практически весь огромный 700-серийный проект «Звёздного пути» Джина Родденберри основывается на предпосылке возможности постижения иного разума и установления контакта с ним.[4] Здесь важно упомянуть ещё об одном знаменательном американском фильме «Враг мой» («Enemy Mine», 1985, реж. В. Петерсен, сценаристы Б. Лонгъеар и Э. Хмара) о взаимопомощи солдат двух воюющих армий, когда человек спасает

[4] Подробнее – см. [Михайлова, 2006].

драконоподобного и помогает появиться на свет его отпрыску – только помогая друг другу они могут выжить. Такого рода способ «контакта от противного», перехода от сражения к помощи друг другу, от ненависти к признанию человеческих качеств у противника, был наиболее естествен в условиях «холодной войны»[5]. Одновременно проходило дополнительное определение того, что делает человека человеком, соотнесение ценностей, расширение границ допустимого.

Фильм «Инопланетянин» С. Спилберга («E.T.», 1982) знаменовал собой перелом в общественном сознании, признание дружественности инопланетян. И хотя за потерпевшим крушение, потерявшимся инопланетянином охотятся военные и агенты секретных служб, сердце зрителей было уже всецело на стороне укрывавшего его мальчика. И в 2005 году новое творение того же Спилберга «Война миров», с безжалостными марсианами, имело куда меньшие кассовые сборы, несмотря на все спецэффекты, поскольку противоречила общей тенденции развития.

А вот со своим «ИИ» («Artificial Intelligence:AI», 2001), вызывающим сочувствие к искусственному мальчику, который должен был заменить родителям погибшего сына, Спилберг снова попал в точку. Об этом интересно упомянуть в связи с преодолением оппозиции «свой-чужой» и темой роботов. Схема развития здесь вполне аналогична теме контакта с инопланетным разумом – от бунта машин чапековского «R.U.R» (1921) до сочувствия к созданному человеком собрату. Главный шаг от бунта машин к восприятию роботов как существ с равными правами, обладающих свободой выбора, сделал Айзек Азимов, создавший для них свои Три закона роботехники в цикле романов и рассказов о робопсихологе Сьюзен Келвин (1950). По видимости они только запрещают наносить вред человеку, повторяя заповедь «Не убий», однако в их совокупности они позволяют построить более справедливые социальные отношения, поскольку очень многое в мире приносит людям вред, а гибельные противоречия, которые возникают в позитронных мозгах азимовских роботов, это помогают увидеть. Более того, в начале 90-х американский

[5] С рекламного плаката фильма: «Они были врагами, потому что их так учили... стали союзниками, потому что не было другого выхода, а братьями осмелились стать сами».

писатель Роджер Макбрайд Аллен в трилогии, действие которой происходит во вселенной с азимовскими роботами («Калибан», «Инферно», «Утопия»), добавил некоторые поправки и Четвёртый закон – «Делать что угодно, если это не конфликтует с первыми тремя» – благодаря чему роботы начали действовать скорее как партнёры, чем слуги человека (именно такой поворот незадолго до смерти одобрил сам Азимов). Помогла и юмористическая фантастика («Робот-зазнайка» Г.Каттнера и «Прелесть» К.Саймака), где наделение механических людей тщеславием и ревностью служило как развенчанию этих пороков, так и «очеловечиванию» бездушных по определению машин.

Роботы-андроиды человекоподобны, но они не люди. Что победит – наследие творцов, заложенные принципы уважения к жизни и красоте, воспитанные в процессе долгой исторической эволюции, наследие гуманизма или рационалистичная логика скорейшего достижения цели? На этом пути по мере эволюции фантастики обнаружилось немало подводных камней. Но самое главное – обозначились неведомые прежде пределы того, что свойственно людям.

Выяснению этих пределов способствовали также произведения литературы и кинематографа, где герои обладали качествами, не свойственными обычно людям – от многократного увеличения силы и выносливости (начиная с Чудовища Мэри Шелли в «Франкенштейне»), увеличения роста (дети-великаны в «Пище богов» Уэллса), обладания телепатией (Странный Джон в одноименном романе О.Стейплдона, герои «Куколок» Дж. Уиндема), невидимостью (знаменитый Человек-невидимка Уэллса), способностью обитать под водой и в воздухе («Человек-амфибия» и «Ариэль» А.Беляева), до бессмертия (из произведений конца XX-начала XXI веков о том, что может означать для человека бессмертие, наиболее примечательны роман «Хаос, приветствую тебя» Кейт Вильхельм [Wilhelm, 1983] и фильм «Человек с Земли» (2007) Ричарда Шенкмана по сценарию Джерома Биксби). Приводит ли подобное изменение родовых качеств к усилению и развитию человека или же такие мутанты враги человечества?

Необходимость скрывать своё отличие от людей преследует многих супергероев, в этом одна из причин их вынужденного маскарада с трико, маской и плащами. Тут труд-

но переусердствовать, памятуя о безжалостном истреблении «уродов», демонстрирующих некое превосходство, как в истории «охоты на ведьм» в жизни, так и в литературе (практически всех, как единичных мутантов, так и их колонии в романах Уэллса, Стейплдона и др. вплоть до середины XX века, ждало неизбежное столкновение с обывателями, военными, представителями властей и уничтожение). В то же время с самого появления в комиксе Сигала и Шустера в 1938 году, Супермен однозначно вызывал симпатию и сочувствие читателей, а потом зрителей, поскольку, утратив родную планету, он впитал наилучшие качества землян и помогал в меру своих сверхсил установлению справедливости. В телесериале «Смолвилл» («Smallville», 2000-), рисующем намного подробнее детство и юность Кларка Кента на ферме, зрители становятся свидетелями проб и ошибок, того, как укрепляется человечность инопланетянина в атмосфере доверия и любви приёмных родителей и взаимопомощи друзей. Америка буквально прижимает к груди этого инопланетянина, нового Простодушного, наделяя самым дорогим.

В 1962 году вышел первый комикс о Питере Паркере – мутировавшем из-за укуса радиоактивного паука «дружелюбном Спайдермене из дома по соседству». «Большая сила – большая ответственность», – раз за разом повторяют герои фильмов о супергероях. В героических, лирических и сатирических тонах она доносится до миллионов, вместе с тем способствуя ослаблению оппозиции «свой-чужой», поскольку все положительные супергерои оказываются способны воспринять гуманистическое наследие и даже стать его символами, как демонстрируют плакаты с призывами сдавать кровь и участвовать в разного рода благотворительных акциях в самых разных областях США: «Найдите в себе частицу сверхсилы – помогите людям». Характерно, что в мультикультурном климате начала XXI века мы видим супергероев всех цветов кожи, ни одному из них теперь больше не приписывается врождённая подлость с расовой подоплёкой (как было со злодеем Мингом явно азиатского происхождения в комиксах и фильмах о Флэше Гордоне в 30-50-е годы), а когда простые студенты из города Мэдисона в штате Висконсин вдруг становятся обладателями телепатии, невидимости, умения летать и бегать со сверхзвуковой скоростью в романе «Суперсилы» [Schwartz,

2008], то они уже совершенно естественным образом приходят к коллективному решению защищать от всяческих несправедливостей жителей города, где им довелось учиться, невзирая на личные проблемы каждого из них и расовую принадлежность.

И вот полнометражный мультфильм «Суперсемейка» (*Incredibles*, 2004) являет нам целое семейство супергероев, по сути – мутантов, которые отодвинуты законодательно от защиты человечества, но не могут сидеть без дела. И зрители всех возрастов, не задумываясь, приветствуют этих симпатичных, самоотверженных, способных к взаимопомощи и лишённых зазнайства по отношению к не обладающим суперсилами землянам героев. Барьер «свой-чужой» преодолен полностью.

Важным аспектом в соотнесении человека с космосом и расширении масштаба психологизма было изображение героев, вынужденно изменивших себя для приспособления к жизни во враждебной среде, то есть внешне переставших походить на человека. Повесть Кира Булычёва «О некрасивом биоформе» (1974) и роман Фредерика Пола «Усиленный человек» (*Man Plus*, 1976) рисуют героев, которые добровольно ради возможности работать на другой планете, подвергаются процедуре, необратимо меняющей их облик. Судьба их непроста, но они рисуются также наследниками лучших гуманистических традиций, своего рода рыцарями человечности.

Морфирование, текучая перемена облика всегда относилась к области страхов человеческих. Оборотни – будь то из человека в животное или наоборот – считались однозначно нечистью. Ведь происходило присвоение чужих родовых качеств. Самые тревожные из сочинений романтиков и неоромантиков связаны с образами-уподоблениями: оживающие портреты, отражения в зеркале, обретающие самостоятельную жизнь, двойники всех сортов… Но и здесь научная фантастика внесла заметный вклад в преодоление оппозиции «свой-чужой», постепенно меняясь сама от ужаса перед неведомым, проникающим в человеческую среду, замещая человеческую личность, простым уподоблением, (как в повести Дж. Кэмпбелла «Кто там?» (John W. Campbell *Who Goes There?* 1938), к любопытству и доверию, которое может погасить

враждебность и привести к пониманию (как в «Принципе оборотня» Клиффорда Саймака (Clifford Simak *The Werewolf Principle* 1967). Приведу наверное самый лиричный пример за историю фантастики – прекрасную женщину-метаморфа из эпизода «Идеальная невеста» сериала «Следующее поколение» «Звёздного пути» (TNG 5-21, 1992). Она, правда, не меняется внешне, оставаясь притягательной для мужчин всех рас на звездолёте, но при всей эмпатической склонности к мимикрии чувств она развивает самосознание и успевает принять собственное решение послужить соединению враждующих частей её народа, благодаря капитану Пикарду с «Энтерпрайза», чью симпатию к себе не может не чувствовать, но не даёт себе воли эксплуатировать.

Стоит затронуть ещё две ипостаси изображения существ, присваивающих чужие родовые качества, которые благодаря эволюции научной фантастики послужили укреплению специфического для неё расширенного психологизма, с одной стороны, и преодолению оппозиции «свой-чужой», с другой. А именно – замещение людей биологическими и кибернетическими формами жизни.

Если слизнеподобные пришельцы, завладевающие телами и замещающие людей, внушали только ужас и омерзение читателям и зрителям 30-50-х годов XX века (наиболее показательным был фильм «Вторжение похитителей тел» Дона Сигела по роману Джека Финнея – *Invasion of Body Snatchers*,1956, который воплощал на подсознательном уровне паранойю времён «холодной войны»), то в конце XX – начале XXI века появляются весьма симптоматические произведения, где мы наблюдаем существенно иной подход. Психологизм расширяется, включая в сферу постижения и сочувствия даже такие крайне враждебные по виду формы жизни в серии из 54 повестей для юношества Кэтрин Эпплгейт «Аниморфы» (Katherine Applegate *Animorphs* [1996-2001], где герои подростки, способные преображаться в животных, борются с вторжением слизнеподобных йерков, завладевающих волей взрослых, однако в конце постигают причину паразитирования йерков и находят способ взаимовыгодного симбиоза с ними. Этот мотив симбиоза возникает с большой силой эмоционального воздействия в повестях Дж. Типтри-мл., наблюдается в эволюции образа гоаулдов в телевизионном сериале

«Звёздные врата» («Stargate SG-1» 1997-2007), в творческом симбиозе гуманоидных триллов, которые честью почитают принять симбионта, обладающего памятью прошлых хозяев, умерших от старости и расширяющих возможности нового, согласившегося его принять, как Джадзия Дакс в сериале «Станция Дальний Космос-9» вселенной «Звёздного Пути» (DSN, 1993-1999).

Если можно так выразиться, механический симбиоз, то есть включение в живой организм механических частей, делающий человека киборгом, знаменует собой преодоление оппозиции «человек-машина». Замена жизни механическим автоматом вызывает неприятие и страх. Фундаментальная грань между живой и неживой материей всегда будет ощущаться человеческим сознанием. Страх перед подобным внешне, но внутренне не до конца понятным пронизывает «Бегущего по лезвию» Ридли Скотта (1982), знаковый для 80-начала 90-х фильм доинтернетовской эпохи, в значительной мере сгустивший мрачность колорита киберпанка. Непонятное побуждает желание уничтожить такое подобие жизни. Но уже в фильмах Камерона о Терминаторе (1984, 1991, 2004), а затем более подробно в телесериале «Хроники Сары Коннор» (2008-2009) мы видим возможности постижения человеческих забот киборгами и превращение их из машин для убийства в защитников. И снова наиболее выразительный и развёрнутый пример о взаимоотношений людей и киборгов мы находим во вселенной «Звёздного пути»: в сериале «Вояджер» (VOY, 1995-2001), одним из главных действующих лиц которого становится Семь из Девяти, захваченная девочкой в коллектив боргов (сходство с киборгом очевидно) Аника Хансен, которая проходит впоследствии на борту «Вояджера» долгий путь возвращения к людям, одновременно способствуя пониманию жизненной цели боргов – стремления к совершенству. Антагонизм не исчезает, но пропадает фатальное непонимание и ощущение бесполезности сопротивления напору быстро адаптирующихся полумашин-полулюдей.

Многие темы, поднимаемые фантастами, ведут при развитии к дальнейшему постижению диалектики взаимоотношений между тем, что люди считают своим и чужим. Происходит своего рода обмен разумов, межкультурный обмен. Чтобы вернуться домой и посмотреть на всё новыми глазами,

по-новому понять прелесть того, что было дорого, и быть готовыми принять гостей. There is no place like home.

Идея Великого Кольца Ивана Ефремова, когда цивилизации делятся друг с другом искусством, своим пониманием красоты, осуществима лишь когда в родном доме люди научатся понимать своеобразие друг друга, без заднего умысла поживиться за чей-то счёт. Гуманистическая научная фантастика готовит почву для такого постижения, делая нас толерантнее, вдумчивее, заботливее. И эта неспешная работа продолжается.

Larisa Mikhaylova,
MSU Journalism Department,
Russia

Overcoming Opposition of the Other in Science Fiction: Evolution and Present State

Representation of oppositions, estranging the reader's and viewer's perception, extends in science fiction into many animate and inanimate spheres: aliens from other planets, robots, creatures with extra powers, shapeshifters, cyborgs… All of these entities help to define what it means to be human. And it appears that being human involves overcoming hatred and fear of differences. Thus war of the worlds gradually shifts into the theme of Contact («Enemies because they were taught to be…. Allies because they had to be, Brothers because they dared to be» the film *Enemy Mine* (1985) advertisement), revolt of machines to Laws of Robotics, abhorrence at the sight of shapeshifters to cooperation with symbionts.

Demarcation line between SF and horror lies here: horror writers and filmmakers adhere to old and new oppositions negating possibilities to overcome the differences and thus endowing the Other with maximum power of abhorrent and unacceptable features.

Cataloguing traits of behavior and cultural practices of humans and animals, scholars found a lot in common, not in "animal-like" rudeness, but in the elements of social interaction, caring for each other and curiosity to the outer world. Moreover, by the end of the 20th century there started to appear works on surpassing boundaries, on hybridity in the cognitive and epistemological sense, such as Donna Haraway's *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature* (1990).

Chronologically these changes occupy all the 20th century and are far from final, but they serve a crucial role in further changing our perception to enable us to live in peace on Earth and to cognitively envision pluralism.

Литература

1. Михайлова Л.Г. «Модель для сборки: 40 лет телесериала «Звёздный путь» и его фэндом» // Сб. материалов XXXI и XXXII Международных конференций ОИКС "Слово и/как власть: автор и авторитет в американской культурной традиции" 16-21 декабря 2005 г. и "Америка реальная, воображаемая, виртуальная» 14-19 декабря 2006 г. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2006. С. 188-199.

2. Михайлова Л.Г. "Второстепенен" ли герой для научной фантастики? (О споре, длящемся почти столетие). // Сб. тезисов международной конференции. "Реконструкция и пересмотр истории американской литературы: канон, феминизм, этнос" 7-12 декабря 1992 г. – М.: Факультет журналистики МГУ, 1992. С. 72-75

3. Сверхновая. F&SF/Журнал психологической фантастики. 1994, №№ 1-44. www.snovasf.com

4. Уэллс Г. Необходима осторожность. Очерк одного жизненного пути (1901-1951). – М.: Иностранная литература, 1957. 327 с.

5. Haraway, Donna. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. London,Routledge,1990

6. Parrinder P. ed. *H.G.Wells. Critical Heritage*. London, Routledge, 1997. 338 p.

7. Schwartz David J. *Superpowers*. New York, Three Rivers Press, 2008. 377p

8. Solow Herbert F., Robert H. Justman. *Inside Star Trek.* NY, Pocket Books, 1996.

9. Wells H.G. *The World of William Clissold.* London, Waterlow and Sons, 1933. 510 p.

10. Wilhelm, Kate. *Welcome, Chaos.* NY, Penguin group, 1983.

Секция 7
Взаимовлияние мировой и американской культуры

Слышишь меня?

Section 7.
Indteraction of American and World Culture

А.Э. Левицкий,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко,
Украина

Названия городов США. Плюрализм или глобализация?

Названия городов США отражают связи государства и его граждан с более чем 30 странами мира, выступая маркером взаимодействия представителей разных этносов. Кроме того, действенность процесса межкультурной коммуникации на территории США способствовала в эпоху государственного строительства не только становлению новой этнокультурной общности, но и сыграла значительную роль в адаптации американской нации к условиям глобализации. Именно поэтому США выступили основателями нынешней философии глобализации, оказывающей определяющее влияние на современную литературу, искусство и другие сферы жизни всего человеческого общества.

Успешность глобализации «по-американски» следует видеть не только в однополярности современного мира, но и в традициях американского общества, основанного представителями разных этнических и социальных групп, которые решили найти для себя лучшую жизнь в Новом Свете. История США как страны эмигрантов основывается на постоянном противоречии между стремлением к унификации этнокультурных норм поведения и пониманием невозможности полного искоренения традиций, присущих людям на их исторической родине. В эпоху становления США как государства официальные власти уделяли больше внимания интеграционным процессам в обществе, что выражалось в так называемой политике *melting pot*, которая предусматривала полную ассимиляцию граждан к новым культурным традициям, заметно отличавшимся от тех, которые бытовали у них на родине. К началу Второй мировой войны эта цель была достигнута – было в основном сформировано американское общество с его неповторимыми традициями, стереотипами

поведения, особенностями мировосприятия, осознанием своего единства и уникальности.

Именно на основе своеобразного этнокультурного договора на первый план вышла концепция *salad bowl*, раскрывшая возможности бывшим эмигрантам и их потомкам вернуться к своим историческим корням. При этом не ставятся под сомнение превалирование всего американского и официальное использование английского *(American English)* как языка межкультурного общения.

В связи же с осознанием необходимости контактов с другими народами для предотвращения возможных враждебных действий путем пропаганды своего языка и культуры после Второй мировой войны в США получила развитие теория межкультурной коммуникации [см., напр.: Allport, 1979; Chrissochoou, 2004; Kidd, 2002; Kramsch, 2003; Wardhaugh, 2000 et al. 2003]. Подчеркнутое культивирование плюрализма в культуре и декларирование бытовой толерантности сделало это государство привлекательным для нового притока эмигрантов, социализация и инкультурация которых проходила последовательно, на серьезной научной основе. Для обеспечения успеха в этом направлении активно привлекались и бывшие соотечественники новых эмигрантов, которые уже стали носителями американской культуры. Так называемые диаспоры и до сего времени активно используются с этой целью, равно как и в качестве инструмента глобализации в мировом пространстве.

Стремление воспроизвести во всемирном масштабе опыт создания единой американской нации из выходцев из разных стран мира является основой формирования так называемой «глобальной деревни», где на равных будут сосуществовать представители различных этнических групп. Для американцев такая «деревня» в известном смысле уже существует. Обратим внимание на некоторые названия городов этой страны, кстати, состоящей из штатов (states), т. е. государств.

Современная американская культура зиждется, таким образом, на синтезе, представляющем собой взаимодействие и соединение разнородных культурных элементов, в результате которого возникает новое культурное явление. Такой синтез и составил, в конечном счёте, самобытность амери-

канской культуры, ее готовность к экспорту, т.е., по нашему мнению, склонность к глобализации.

Поскольку американская культура объективно формировалась на основе элементов разных культур, для нее характерно некое «одомашнивание» элементов ЧУЖОГО и создание СВОЕГО на данной основе, что явилось своеобразной предпосылкой современного видения толерантности. Вне сомнения, мигранты демонстрировали значительную восприимчивость к чужим культурам, что на фоне незначительной дифференциации общества переселенцев, неотвратимости и интенсивности межкультурных контактов, не могло не привести к эффективности и высокой степени адаптации населения к культурным инновациям, в частности, заимствованиям.

Если же речь идёт о назывании населённых пунктов иноязычными словами, то во главу угла ставится интенция носителей культуры-донора, либо культуры-реципиента. В истории США действовали следующие ключевые модели. Согласно первой из них, носители определённой культуры способствовали называнию населённого пункта СВОИМ именем. К примеру, уважаемый горожанин Питер Дименс назвал *Saint Petersburg (Florida*) в честь города, где прожил полжизни, – столицы Российской империи. А *Moscow (Pennsylvania)* появился из-за того, что большое количество горожан-выходцев из России настояли на этом названии. Согласно второй модели, сами жители межкультурного образования (многие американские населенные пункты являются именно такими) выбирали некую ЧУЖУЮ номинацию, которая должна, по их мнению, наиболее полно отражать их идеологические, политические, социальные или индивидуально-личностные устремления. Так, восхищенные героической обороной Малахова кургана в Крымской войне американцы решили назвать свой город *Malakoff (Texas)*, проявляя свою сопричастность с подвигом русских солдат. Жители же *Moscow (Maine)* до сих пор гордятся подвигом москвичей в войне 1812 года. В результате действия третьей модели номинация связана со страной, с которой имелись наиболее тесные торгово-экономические контакты. Так, из-за тесных связей с русскими купцами и большого к ним уважения появился *Sebastopol (Texas)*. Имели место также случаи, когда название города

решали голосованием или всё определял слепой жребий, как произошло с *Moscow (Michigan)*.

Неслучайно американские топонимы богаты значительным количеством близнецов многих европейских и азиатских городов. Наибольшая часть городов-близнецов в США имеет английское происхождение, за исключением Луизианы, Нью-Мексико, Аризоны, Аляски и Гавайских островов. В двух первых доминируют французские и испанские номинации соответственно, а на картах последних трёх английские города-близнецы вообще не представлены. В Неваде, Делавэре и Вайоминге английские номинации не превалируют над другими группами топонимов-заимствований. Что же касается Нью-Гэмпшира, Вермонта, Массачусетса и Род-Айленда, то там, наоборот, подавляющее большинство таких городов имеет английские корни. В остальных же штатах это превосходство не столь велико, хотя и очевидно.

Итак, значительное количество топонимов-заимствований восходит к британским прототипам (английским – *London, Carlisle, Manchester, Bath, Cambridge, Oxford, Newcastle, Chester* и др.; валлийским – *Glynn, Gwinn, Swansea* и др.; шотландским – *Aberdeen, Glasgow, Dundee* и др.). Несколько реже представлены Ирландия, Франция, Германия, Италия (*Dublin, Belfast, Dunkirk; Paris, Orleans, Lyons, Calais; Berlin, Hamburg, Jena, Bremen, Lubec, Hanover, Dresden; Genoa, Parma, Venice, Palermo, Naples, Verona, Florence* и др.). Сложные отношения с Испанией все же не помешали оставить на карте США топонимы *Madrid, Granada, Toledo, Malaga* и др. Восхищение американцами античной культурой отразилось в назывании значительного количества городов США (напр., *Athens, Troy, Sparta, Laconia, Olympia*).

О Португалии, Швейцарии, Швеции, Бельгии, Нидерландах, Сербии, Чехии, Австрии, Польше, Люксембурге, Индии, Филиппинах, ЮАР, Сирии, Ливии, Египте, Турции, Ближнем Востоке, разных частях единого Российского государства напоминают *Lisbon; Geneva, Lozano, Zurich; Stockholm, Malmo; Ghent; Amsterdam, Hague; Prague; Vienna; Warsaw, Krakow, Lublin; Luxemburg; Belgrade; Delhi, Bangor; Manila; Johannesburg; Damascus; Tripoli; Cairo; Edina; Nazareth, Hebron; Moscow, Saint Petersburg, Riga, Odessa, Sebastopol* и многие другие города.

Отметим, что написание ряда топонимов является вариативным, подвергаясь влиянию либо диалектного произношения *(Salisbury > Saulsbury)*, либо изменяется под влиянием другого языка *(Cecilia > Sicily, Roma > Rome; Braunschweig > Brunswick, Ankara > Angora, Cordoba > Cordova, Milano > Milan)*, либо упрощается, как бы показывая стремление местных жителей показать отличие данного населенного пункта от его прототипа *(Marlborough > Marlboro, Luzerne > Lucerne, Ellsinore > Elsinore; Uppsala > Upsala, Strasbourg > Strasburg, Tokyo > Tokio)*. Этой же цели служит добавление перед названием города New (новый), что по сути доказывает, с одной стороны, определенное родство между двумя городами, а с другой – свидетельствует о стремлении американцев сделать свой город лучше: ср. *York > New York, Orleans > New Orleans, Brighton > New Brighton, London > New London, Prague > New Prague, Florence > New Florence, Berlin > New Berlin, Troy > New Troy* или даже «улучшить» целую страну *(New Sweden, New Germany, New Holland)*.

На карте США отражены не только названия чужих городов, но и отдельные, наиболее значимые для американцев места *(Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park, Kensington, Chelsea)*, местности или административные единицы *(Livonia, Transylvania, Brittany, Normandy, Caledonia, Riviera, Somerset, Westphalia, Lothian, Kent, Marlborough, Yorkshire, Cumberland, Midland, Cashmere)*, реки *(Volga, Danube, Severn, Avon, Jordan)*, озера *(Ladoga, Balaton)*, горы *(Ararat, Etna, Vesuvius, Atlas)*, острова *(Isle of Wright, Jersey, Java, Caribou, Corsica, Cecilia)*.

Обобщения могут быть настолько значительными, что город может вмещать название целой страны *(Lebanon, Russia, Angola, Peru, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haity, Malta, Egypt, Cypress, Italy, Ireland, Belgium)*, народа *(Arabi, Des Allemands, Welsh, Mayo, Swiss, Scotts, Gypsy)* или еще более обширной территории *(Iberia, Scandinavia, Palestine)*, доводя «глобализацию» до всемирного *(Earth)* и вселенского масштаба *(Altair)*.

Отметим также наличие ряда этнонимов в названиях некоторых населенных пунктов, например, *Indian Head, Indian River, Indian Valley, Indian Mound, Spanish Fork, Mexican Hat, China Spring, French Camp, French Settlement, French Village*,

что свидетельствует о контактах с представителями данных народов.

Поскольку освоение новых территорий проводилось представителями разных этносов, это не могло не отразиться на назывании североамериканских городов. Среди них выделяются немецкие (напр., *Kinder, Schertz*), итальянские (напр., *Delmar, Belzoni*), испанские (напр., *Conception, Buena Vista, Blanco, El Campo, Eldorado, Amigo, Costa, Buena*), славянские (напр., *Mila Doce*), французские номинации (напр., *Beaumont, Leroy, Belle, Benoit, Fond du Lac, Dubois, Choteau, Portage des Sioux, Havre de Grace, Pointe a la Hache, Isle au Haut, Meraux*). Вместе с тем, на карте США остались и топонимы, заимствованные переселенцами от местных аборигенных племен (напр., *Kawkawlin, Atoka, Kewanee, Yukon, Okabena, Owanka, Ocoee, Cherokee, Quechee, Keokee, Minnehaha, Ojibwa, Okauchee*). Наличие приведенных выше данных также позволяет сделать вывод о существовании в США основ для проведения политики мировой глобализации.

Подобная версия глобализации базируется на в целом справедливой мысли о том, что Америка – это страна, построенная на мечте, на мечте о свободе. Именно поэтому МЕЧТА приобретает в американском социуме особое значение. Она становится определяющей для понимания АМЕРИКАНИЗМА, который предлагается рассматривать как очевидный контраст между жизнью в США и в других странах, благодаря широкому спектру новых возможностей. Авторы “Американы” [1997] считают, что это – идеалы свободы и открытых возможностей для всех, основывающиеся на вере в неограниченные возможности США и их особом месте в мире. В широком понимании американские ценности занимают огромный спектр от амбициозных – до мечты о собственном доме. Эта идея передается абстрактными понятиями (*freedom, liberation, survival, patriotism, optimism, mobility, desire, hope, belief*) и теми, которые обозначают материальные потребности (*home, job, work, money, family, children, car, dog, garden*), т. е. все, обладание которым расценивается как успех [Карпова 2008, 7-8; Томенчук 2008, 100-101]. Вот почему на карте США можно встретить весь спектр топонимов, отражающих ценности американского общества. Это – базовые для общества *Empire, Freedom, Liberty, Union, Unity,*

Republic, Independence, Concord, Liberal, Alliance, Industrial, Justice, Man, важные для существования человека в обществе *Friendship, Friendly, Welcome, Pride, Champion, Success, Power, Blessing, Energy, Veteran, Telephone, Telegraph, Village*, указывающие перспективу *Paradise, Pioneer, Hope, Eden, Winner, Ideal, Happy, Enterprise, Endeavor,* сугубо личные *Eros, Surprise, Trade, Art, Loving, Comfort.*

Отметим также, что названия ряда американских городов носят имена выдающихся, с точки зрения их жителей, людей – представителей разных национальностей: первооткрывателя Америки (Columbus), коронованных особ (*Prince Frederick, Princess Anne, Queen Anne, Prince George*), борцов за независимость США и ее лидеров (*Lafayette, Cleveland, Perry, Washington, Ben Franklin, Lincoln*), видных представителей других держав (*Napoleon, Bismarck, Nelson, Bolivar*), выдающихся литераторов (*Gibbon, Racine, Dumas, Dante, Tolstoy, Kosciusko, Byron, Dickens, Tennyson*). Рядом с последними находятся герои литературных произведений (*Hamlet, Desdemona, Otello, Ivanhoe*). Значительное место в этом ряду также занимают личные имена (*Irene, Helen, Ruth, Rebecca, Emma, Adolph, Otto, Andreas, Isabel, Pablo, Manuelito, Ivan, Wasilla, Nikolai*) и фамилии (*Baker, Gonzales, Pitkin, Kasilof*). Анализ номинаций городов США доказывает ту значительную роль, которую сыграл плюрализм в американской истории как фактор объединения людей и формирования новой нации. Отметим также его значимость для создания основ американской версии глобализации. С одной стороны, и роста привлекательности образа страны и культивируемых в ней идей – с другой.

Andrei Levitsky,
Kiev Taras Shevchenko National University,
Ukraine

Names of the US Cities: Is It a Case of Pluralism or Globalization?

The names of cities on the USA map reflect connection of migrants with their motherlands, thus proving to be an indicator

of tolerance among people of different ethnic backgrounds. Besides, inter-cultural activity in times of the US state building served as the foundation for further formation of a new American nation based upon the ideas of pluralism and tolerance as well as appeared to be significant for shaping its readiness for globalization. That is why the USA can be treated as the founder of the present-day globalization philosophy, which substantially influences modern literature, fine arts and other spheres of life.

The most popular countries to generate prototypes for names of American cities are England (*London, Carlisle, Manchester, Bath, Cambridge, Oxford, Newcastle, Chester*, etc.); France (*Paris, Orleans, Lyons, Calais*, etc.); Italy (*Genoa, Parma, Venice, Palermo, Naples, Verona, Florence*, etc.); Germany (*Berlin, Hamburg, Jena, Bremen, Hanover, Dresden*, etc.), Scotland (*Aberdeen, Glasgow, Dundee*, etc.); Greece (*Athens, Troy, Sparta, Laconia, Olympia*, etc.); Spain (*Madrid, Granada, Toledo, Malaga*, etc.). US cities also have their prototype names in Russia, Ireland, Switzerland, Wales, Portugal, Sweden, Belgium, the Netherlands, Serbia, the Czech Republic, Austria, Poland, India, the Philippines, Syria, Egypt, Libya, Turkey, and other countries. *Moscow, Saint Petersburg, Odessa, Sebastopol, Dublin, Belfast, Dunkirk, Lisbon, Geneva, Zurich, Stockholm, Ghent, Amsterdam, Prague; Vienna, Warsaw, Belgrade, Delhi, Manila, Johannesburg, Damascus, Tripoli, Cairo, Nazareth, Hebron* and many more serve as vivid examples of such prototypes.

The present-day map of the USA reveals the abundance of American cities names of English origin in the majority of states, especially in New Hampshire, Vermont, Massachusetts, and Rhode Island. In Nevada, Delaware, and Wyoming they only slightly prevail over other borrowed names. Names of cities in Louisiana, New Mexico, Alaska, and the Hawaii prove to be examples of predominance of French (Louisiana), Spanish (New Mexico), and aboriginal (Alaska, and the Hawaii) influence. In Arizona there are no cities which acquire their names from England.

The main reasons for using a borrowed name for the US cities were the following: 1) migrants who came from a certain country insisted on the city being given the name which exists in their motherland. *Saint Petersburg (Florida)*, and *Moscow (Pennsylvania)* prove to be examples of this pattern; 2) city

dwellers chose the name for their city which was close to them on ideological, political, social, or individual grounds, like *Malakoff (Texas)*, or *Moscow (Maine)*; 3) ties in trade, and economy determined the rise of *Sebastopol (Texas)*. Cases of voting, and even drawing a lot are also known, such as *Moscow (Michigan)*.

There are four ways of domestication of American cities' names: 1) use of peculiar spelling under the influence of dialectal pronunciation *(Salisbury > Saulsbury)*; 2) existence of two variants – a) coincidence with the name in the original language, and b) coincidence with the way it is rendered in English *(Cecilia > Sicily, Roma > Rome; Braunschweig > Brunswick, Ankara > Angora, Cordoba > Cordova, Milano > Milan)*; 3) simplification of spelling *(Marlborough > Marlboro, Luzerne > Lucerne, Ellsinore > Elsinore; Uppsala > Upsala, Strasbourg > Strasburg, Tokyo > Tokio)*; 4) adding «new» before the original city name, thus showing intention to make the life better: c. f. *York > New York, Orleans > New Orleans, London > New London, Florence > New Florence, Berlin > New Berlin, Troy > New Troy*.

The US map also possesses the names of most important places for other nations *(Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park, Kensington, Chelsea)*, territories, and comminutes *(Livonia, Transylvania, Brittany, Normandy, Caledonia, Riviera, Somerset, Westphalia, Lothian, Kent, Marlborough, Yorkshire, Cumberland, Midland, Cashmere)*, rivers *(Volga, Danube, Severn, Avon, Jordan)*, lakes *(Ladoga, Balaton)*, mountains *(Ararat, Etna, Vesuvius, Atlas)*, islands *(Isle of Wright, Jersey, Java, Caribou, Corsica, Cecilia)*. American cities can also bear the names of whole countries *(Lebanon, Russia, Angola, Peru, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haity, Malta, Egypt, Cypress, Italy, Ireland, Belgium)*, peoples *(Arabi, Des Allemands, Welsh, Mayo, Swiss, Scotts, Gypsy)*, large territories *(Iberia, Scandinavia, Palestine)*. 'Globalization' can spread throughout the Globe *(Earth)* or even further *(Altair)*.

Some of the American toponyms originate from the names of the people, who come from other states. Among them there are such celebrities as *Columbus, Prince Frederick, Princess Anne, Queen Anne, Prince George, Lafayette, Cleveland, Perry, Washington, Ben Franklin, Lincoln, Napoleon, Bismarck, Nelson,*

Bolivar, Gibbon, Racine, Dumas, Dante, Tolstoy, Kosciusko, Byron, Dickens, Tennyson.

One can also pay attention to borrowed anthroponyms (e. g., *Irene, Helen, Ruth, Rebecca, Emma, Adolph, Otto, Andreas, Isabel, Pablo, Manuelito, Ivan, Wasilla, Nikolai, Baker, Gonzales, Pitkin, Kasilof*), common nouns (e. g., *Kinder, Schertz, Mila Doce, Delmar, Belzoni, Conception, Buena Vista, Blanco, El Campo, Eldorado, Amigo, Costa, Buena, Beaumont, Leroy, Belle, Benoit, Fond du Lac, Dubios, Choteau, Portage des Sioux, Havre de Grace, Pointe a la Hache, Isle au Haut, Meraux*). Special place is occupied by the Native American names: e. g., *Kawkawlin, Atoka, Kewanee, Yukon, Okabena, Owanka, Ocoee, Cherokee, Quechee, Keokee, Minnehaha, Ojibwa, Okauchee.*

All the above mentioned testifies to the existence of a well-developed ground for the US policy of globalization through numerous diasporas and development of pluralism within present-day American society.

Литература

1. Карпова К.С. Вербалізація національно-специфічних концептів американського суспільства XX – початку XXI століття: Автореф. … дис. канд. філол. наук. К., 2008.

2. Томенчук М.В. Варіантно зумовлена концептуалізація дійсності у сучасній англійській мові: Дис. … канд. філол. наук. Ужгород, 2008.

3. Allport G.W. *The Nature of Prejudice.* – Cambridge: Perseus Books, 1979. – 536 p.

4. Chrissochoou X. *Cultural Diversity. Its Social Psychology.* – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 217 p.

5. Kidd W. *Culture and Identity.* – N.Y.: Grave Publishers Ltd, 2002. – 227 p.

6. Kramsch C. *Language and Culture.* – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 134 p.

7. The Encyclopedia Americana. Internet edition. – Grolier Inc., 1997. – Vol. 8.

8. Wardhaugh R. *Sociolinguistics.* – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 403 p.

9. Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M., Liebhart K. *The Discursive Construction of National Identity.* – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. – 224 p.

Е.В. Юшкова,
Вологодский филиал
Столичной финансово-гуманитарной академии,
Россия

Айседора Дункан и концепция диалогизма

Американская танцовщица Айседора Дункан (Isadora Duncan, 1877-1927) повествовала со сцены языком пластики, ритма и музыки о некоем идеале новой цивилизации, в которой будут жить новые, гармонично развитые люди. Ее воззрения явно перекликаются с представлениями философов-диалогистов, чье творчество оказалось востребованным в начале XXI века.

Можно предположить, что концепция диалогизма, открытая в 20-х годах прошлого века, и нашедшая сейчас достойное применение в культурологической и философской практике, дает истинный ключ к пониманию разностороннего творчества американской танцовщицы, которое оставалось не до конца раскрытым ее современниками. Не побоимся утверждать, что очередной взлет популярности Дункан, наблюдающийся в 1990-2000-е гг., связан именно с признанием диалогизма во многих сферах гуманитарного знания. Поэтому попытка сведения творчества Дункан к какому-то одному знаменателю приводила к непониманию ее истинного масштаба, которое стало преодолеваться только с 80-х годов XX века. Именно тогда исследователи заговорили о новых гранях этой личности.

Общеизвестным стало высказывание В. Библера о том, что «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры… самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [Библер, 1991, 85]. Даже на самый поверхностный взгляд, заметно, что экзистенция на грани была реальностью для Айседоры Дункан: она работала на стыке американской, европейской и русской культур. Но при бо-

лее внимательном рассмотрении можно увидеть и ряд других векторов диалогизма:

1. Диалог эпох.

2. Диалог различных художественных стилей и направлений.

3. Диалог разных граней личности Дункан.

4. Синтез искусств – утопические мечтания танцовщицы о новом Gesamtkunstwerk, основой для которого станет танец.

«Бытие на грани» ...

Уроженка Калифорнии, Дункан, не найдя должного понимания ни на Западном побережье, ни – позже – на Восточном, отправилась на корабле, перевозящем скот, со всей своей семьей в Европу в 1899 году. Именно там она получила возможность более активно заняться самообразованием в интересующих ее сферах – античном искусстве и философии. Именно в Европе творчество Дункан оказалось востребованным: сначала в салонах аристократии, а, начиная с выступления в театре Урания в Будапеште в 1902 году, – у широкой публики. Дальнейшие отношения с родиной складывались не гладко, а в 1920-е годы она и вовсе была лишена американского гражданства за слишком смелые выступления, воспринимаемые как «красная» пропаганда.

Дункан состоялась в Европе не только как артистка, но и как теоретик танца (опубликовав в 1903 году в Лейпциге свой «Танец будущего» [Duncan–Federn, 1903]), и как педагог, основав две школы – в Грюневальде в 1904 году и в Париже в 1914.

Российская страница жизни Дункан началась с 1904 года, с ее первых триумфальных гастролей [Айседора,1992]. А в 1921 году Дункан, отчаявшись найти в Европе финансовую поддержку для своей новой школы, неожиданно нашла ее в Советской России, куда и приехала по приглашению советского правительства, оставшись в Москве до 1925 года.

Итак, накануне трагической смерти Дункан в Ницце в 1927 году она воспринималась как европейская знаменитость – американский экспатриант, лишенный гражданства США, тайно (или явно) «работающий» на Советское правительство.

Можно предположить, что постоянное нахождение в пространстве «между» странами и регионами, между языками и традициями усиливало внутреннюю диалогичность сознания танцовщицы, постоянно включало новые смыслы в ее напряженный творческий поиск.

Диалог эпох

Свободный танец, изобретенный Айседорой Дункан, современники считали «греческим», так как основой для своих движений она выбрала жесты и позы, запечатленные в скульптуре (статуях и барельефах) и прикладном искусстве (вазах) античности. Но принадлежность творчества Дункан к Древней Греции весьма условна, что не вызывает сомнения у современных исследователей, выявивших многочисленные истоки хореографии великой танцовщицы. Танец Дункан не возник в вакууме, он был подготовлен как ее собственными художественно-эстетическими исканиями (неотрывными от личных обстоятельств жизни), так и духовной атмосферой рубежа XIX-XX веков.

Сама танцовщица протестовала против однозначного определения танца как греческого, указывая на такие его корни, как рассказы и танцы своей ирландской бабушки, а также «деревья, озера, реки, горы и прерии» родной Америки [Duncan-Cheney, 1928, 41, 134]. Но духовными учителями Дункан называла Бетховена, Вагнера и Ницше [Ibid., 47-48], Дарвина и Геккеля [Ibid., 54]. Конечно, она не могла отрицать тот факт, что тщательно изучала античные артефакты в Британском музее и Лувре и, безусловно, считала древнегре-ческое искусство величайшим достижением человеческого духа [Ibid., 58].

Если обобщить основные векторы, оказавшие влияние на формирование танца Дункан, которые рассматриваются в современной исследовательской литературе, то отчетливо выделяются следующие эпохи и направления: прежде всего, античность, Ренессанс, немецкий романтизм и поэзия Уолта Уитмена. Но не только. Стиль модерн и символизм, импрессионизм и философия Ницше, вагнеровская идея синтеза искусств (Gesamtkunstwerk) и американский дельсартизм, философия трансцендентализма, Шопенгауэра и Жан-Жака Руссо, европейский экспрессионизм, а позже – минимализм, кубизм и даже сюрреализм, психология Фрейда, философские

поиски объединения европейских интеллектуалов «Аскона» – список можно продолжить [Jowitt, 1985; Daly, 1995, 1994; Bresciani, 2000].

Кроме того, танец Дункан был устремлен в будущее, наполнен предчувствиями новых форм искусства XX века. В частности, американский и европейский танец модерн возник на базе новых движений, разработанных Айседорой, под влиянием ее новаторства находились балет, драматический театр и пластический танец в России [Добровольская, 2004; Souritz 1995, 1999].

Основное требование Дункан – радикально пересмотреть взгляды на танец, признать его «высоким» видом искусства, использовать симфоническую и оперную музыку, выражать с помощью танца духовные импульсы. Идеалом Дункан становится танцовщица (или танцовщик) будущего – новый гармоничный человек, который живет в согласии с природой, со своей душой и космосом. Прекрасные движения этого нового человека должны выражать порывы души, а движения должны соответствовать формам его тела.

Нетрудно заметить связь данных сентенций с современными представлениями диалогистов о единстве телесного, духовного и душевного в человеке-личности [Абросимова, 2008, 21].

Танец для Дункан, по мнению американской исследовательницы Кимерер ЛаМот [LaMoth, 2006] – это утверждение жизни, здоровья, чувственности, становления. Это – религия, являющаяся выражением жизненного порыва.

Близкие оценки высказывали российские деятели Серебряного века. Они видели в творчестве Дункан воплощение «несказанного», создание «духовной телесности» [Айседора, 1992, 89, 86]. «Айседора Дункан прониклась античным культом тела, нашла в этом теле потерянную в течение целого тысячелетия естественную выразительность, и ее движения стали духовными знаками» [Вашкевич, 2009, 153].

Диалог граней личности

Многосторонность Дункан помешала современникам оценить ее талант по достоинству.

В 1900-е годы Дункан ворвалась в европейскую (а затем, с 1904 года – и в российскую) культурную жизнь как танцовщица. В 1903 году заявила о себе как публицист и теоретик

танца, издав в Германии брошюру «Танец будущего» [Duncan-Federn, 1903], которая сразу же была переведена на несколько иностранных языков. С 1904 года Дункан проявляет себя в роли педагога-новатора, создав и поддерживая на собственные средства школу в Грюневальде. Ее педагогическая деятельность, весьма спорная для современников, продолжалась и в ее парижской школе (1914), существовавшей на средства Париса Зингера, и в России, куда она приехала в 1921 году по приглашению правительства создать школу для тысячи детей.

После смерти о Дункан заговорили как о литераторе, когда в 1927 году ее мемуары наконец увидели свет [Duncan, 1928]. За последовавшие 80 лет вышло несколько сборников, составленных из фрагментов ее статей и эссе [Duncan-Cheney, 1928; Duncan – Rosemont, 1981], переписка с Гордоном Крэгом [Duncan-Craig-Steegmuller, 1976], найдены и опубликованы даже некоторые стихи, в которых чувствуется влияние ее любимого американского поэта Уолта Уитмена [Duncan-Rosemont, 1981, 111; Kurth, 2003, 595].

Со временем открылись новые аспекты деятельности танцовщицы, которые по ряду причин не были понятны современникам. У зарубежных исследователей сейчас не вызывает сомнения тот факт, что Дункан была философом и ученым, превратившем свое тело в «научную лабораторию» [Bresciani, 2000, 50].

Ее «танец будущего» представлял собой некую философскую, социально-эстетическую систему, которую Дункан не изложила последовательно, прежде всего, из-за необходимости постоянно гастролировать, чтобы иметь возможность содержать свои школы (даже в Советской России в начавшуюся эпоху НЭПа Дункан пришлось самой зарабатывать на содержание и обучение учениц).

Данной социально-эстетической системе в изложении Дункан, возможно, не хватало стройности, но в глубине высказываемых ею мыслей Айседоре трудно отказать. Хотя на русском языке эссе Дункан опубликованы лишь частично [Дункан, 1907; Дункан – Шнейдер, 1989], а книги большинства исследователей пока не переведены, но, например, в русскоязычных и переведенных мемуарах друзей и коллег можно найти фрагменты изложения теории великой танцовщицы [Дункан – Макдуггал, 1995; Дести, 1992].

Стремление современных исследователей довести до логического завершения гениальные догадки танцовщицы, высказанные или записанные достаточно бегло и торопливо, позволило более наглядно представить ее теоретические интенции.

Энциклопедия признает созданную Дункан концепцию танца наиболее значительным ее вкладом в искусство XX века [International Encyclopedia of Dance, 2, 457]. Айседора впервые артикулировала те понятия, которыми до сих пор пользуются современные танцовщики и хореографы. Например, обозначила функцию танца как сплав духовного и телесного, что актуально как для танцовщика, так и для зрителя.

Новым направлением американской дунканистики вполне можно считать рассмотрение Дункан в качестве философа. Среди авторов, которые опираются на подобные предположения, можно назвать как уже упомянутую Кимерер ЛаМот, а также Джанетт Линн Роземанн и Джин Бресчиани.

К сожалению, большинство вышедших в США в последнее десятилетие исследований еще не переведены на русский язык. Поэтому российский читатель пока с трудом верит в то, что рассмотрение Дункан в качестве философа и ученого не является преувеличением.

«Сократовская» педагогика Дункан

Педагогическая система Дункан вызывала скепсис у многих ее современников. Принято считать, что педагогикой занималась сестра Айседоры, Элизабет, а также ее ученица Ирма, возглавившая школу в России после вынужденного отъезда танцовщицы в Европу. Но, по мнению Джин Бресчиани, хотя Дункан и не была педагогом в традиционном смысле слова, но ее «сократовское» [Bresciani, 2000, 160] обучение было гораздо эффективнее, нежели изнурительные ежедневные занятия с ее сестрой Элизабет.

Ирма Дункан подтверждает, что даже кратковременное появление Айседоры в немецкой школе, возглавляемой ее сестрой, невероятно обогащало студентов, давало мощный духовный импульс для творчества, которого они были лишены из-за царящей в школе муштры [Duncan, 1966, 109].

Ребенка, по мнению Дункан, не надо «учить» (то есть заставлять его делать что-то по принуждению), он «должен сам,

как растение, тянуться к свету, к солнцу… Я говорю ребенку: … Обними весь мир своими руками. Распахни их ко Вселенной… Взгляни на мир, вся Вселенная танцует с тобой…» [Дункан – Макдуггал 1995, 182-183]. «Смотрите на Природу, изучайте Природу, понимайте Природу – и затем пытайтесь выразить Природу… Танцевать – значит жить» [Duncan, Cheney, 1928, 142, 141].

В многочисленных манифестах Айседора призывала воспитывать детей гармонично развитыми людьми – физически и духовно; помогать им в формировании богатого внутреннего мира, ибо в этом случае движения человека будут истинно красивыми, а жизнь – полноценной. Как видим, это вполне соотносится с современными представлениями о «диалогической» педагогике, в которой признается важность развития в человеке души, духа и тела.

Дункан подготовила шесть учениц, которые носили ее фамилию, первое поколение так называемых «изадорэйблз», четверо из которых долго и плодотворно работали, воспитав новых учениц. Те же в свою очередь не только реконструируют танцы Айседоры, но и сами работают как педагоги, воспитывая новые поколения танцовщиков, хореографов и просто любителей прекрасного.

Рамки данной статьи не позволяют обстоятельно рассмотреть другие грани диалогизма Дункан, поэтому пока за скобками остаются ее представления о новом синтезе искусств и ряд других аспектов. Обзор американских источников стал возможен благодаря поддержке обменной программы Фулбрайт-Кеннан (2007-2008).

Elena Yushkova,
Vologda branch of Moscow Metropolitan
academy of Finance and Arts,
Russia

Isadora Duncan and the Concept of Dialogism

American dancer Isadora Duncan (1877-1927) narrated from the stage, using the language of the plastique, rhythm and music, about an ideal of a future new civilization where the new, harmonious people will live. Her views clearly have

something in common with the ideas of dialogical philosophers whose works have become prominent at the beginning of the 21st century.

We can suppose that the dialogical philosophy which had been invented in the 1920s and reopened recently for usage in cultural studies and philosophical practice, provides us with the key to comprehension of the many-sided creative work of the American dancer which was not deeply understood by her contemporaries. Moreover, it is possible to assume that the new wave of interest to Duncan which we can observe in 1990-2000s, is connected with the recognition of the dialogism in many fields of humanitarian knowledge. The attempt to narrow down the scale of Duncan leads to a total misunderstanding of her real significance. This situation has been overcome since the 1980s where scholars began to speak about the new facets of her works.

The famous Russian philosopher V. Bibler stated, that "the culture exists only where there are minimum two cultures… self-consciousness of the culture is a form of its being on an edge of another culture" [Bibler, 1991, 85]. Even superficial look shows that existence on the border was the reality for Isadora Duncan: she worked in the space between American, European and Russian cultures. Several vectors of the dialogism can be observed:

1. Dialogue of different epochs;
2. Dialogue of art styles and tendencies;
3. Dialogue of different facets of Duncan's personality;
4. Synthesis of arts – utopian dreams of the dancer about the new *Gesamtkunstwerk* (total art work), basis for which she found in a dance.

Free dance, which was invented at the beginning of the 20th century by Isadora Duncan, was a kind of presentiment of cosmopolitan and eclectic modern culture, a variety of the cultural dialogue. Although contemporaries considered her dance as Greek, its relation to the Ancient Greece was quite disputable – the dancer had never aspired to reconstruct the archaic dance. Even borrowing poses and costumes from vases and other antique artifacts, Duncan refracted the movements through the prism of Italian Renaissance and German Romanticism, combined them with symphonic music by Beethoven, Gluck, Wagner, Chopin

and other composers which had never been used for the dance before. Her intention was to create «the dance of the future» – spiritual art of new human beings with new moral and aesthetic value.

She aspired to reassess the understanding of dance, to reconsider it as a high art, to express spiritual content with the means of motion. The ideal of Duncan, a dancer of the future, lives with harmony with Nature, Soul and the Cosmos. Beautiful movements of a dancer must express the noblest impulses, and must fit the forms of his/her body, which/echoes, the contemporary ideas of philosophers-dialogists about the unity of corporal, spiritual and soul-related [Абросимова, 2008, 21].

We can assume that constant staying of Duncan in the space 'between' countries and regions, languages and traditions, styles and art forms increased the inner dialogism of the dancer's consciousness, included new meanings to her intense creative search.

The author thanks the Fulbright-Kennan program (2007-2008) for the unique opportunity to work with the American sources.

Литература

1. Абросимова Л.М. Историко-философский анализ концепций диалогизма XX века. М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, М.М. Бахтин. Автореферат кандидатской диссертации на соискание ученой степени канд. филос. наук. Москва, 2008.

2. Айседора. Гастроли в России (сборник статей) / Составление, подготовка текста и комментарий Т.С. Касаткиной. Вступительная статья Е.Я. Сурис]. – М.: Артист. Режиссер. Театр. – 1992.

3. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, 1991.

4. Вашкевич Н. Н. История хореографии всех веков и народов. – СПб.: Лань. Планета музыки. 2009.

5. Дести М. Нерассказанная история//Айседора Дункан. Моя жизнь, моя Россия, мой Есенин. М.: Политиздат, 1992.

6. Добровольская Г. Михаил Фокин. Русский период. СПБ.: Гиперион, 2004.

7. Дункан А. Танец будущего. Пер. Н. Филькова. М.: 1907.

8. Дункан А. Моя жизнь; Шнейдер И.И. Встречи с Есениным: Воспоминания. – Киев: Мистецство, 1989.

9. Дункан И., Макдуггал А. Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции. – Пер. с англ. Вступ. ст., комментарии Г. Лахути. – М.: Моск. Рабочий, 1995.

10. Bresciani, Jeanne. *Myth and Image in the Dance of Isadora Duncan*. Thesis. Ph.D. – Philosophy – New York University, 2000.

11. Daly, Ann. *Done into Dance: Isadora Duncan in America*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.

12. Daly, Ann. *Isadora Duncan's Dance Theory. Dance Research Journal*. New York: Congress on Research in Dance. v. 26, no. 2 (fall 1994), p. 24-31.

13. Duncan, Isadora. *Tanz der zukunft* (The dance of the future) eine vorlesung; übers und eingeleitet von Karl Federn. Leipzig. 1903.

14. Duncan, Isadora and Cheney, Sheldon. *The Art of the Dance*. New York, Theatre Arts, Inc., 1928.

15. Duncan Isadora. *My Life*. New York: London: Liveright: Gollancz, 1928.

16. Duncan, Isadora, and Rosemont, Franklin. *Isadora Speaks: Uncollected Writings & Speeches of Isadora Duncan*. San Francisco: City Lights Books, 1981.

17. Duncan, Isadora, Edward Gordon Craig, and Francis Steegmuller. *"Your Isadora": The Love Story of Isadora Duncan & Gordon Craig*. New York: Vintage Books, 1976.

18. Duncan, Irma. *Duncan Dancer; an Autobiography*. Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1966.

19. *International Encyclopedia of Dance*. Ed.- Selma Jeanne Cohen. New York: Dance Perspectives, 1998, 6 volumes.

20. Jowitt, Debora. *Images of Isadora: The Search for Motion*/Dance Research Journal, 17/2, 1985. C. 21-29.

21. Kurth, Peter. *Isadora: A Sensational Life*. – London: Abacus, 2003.

22. LaMoth Kimerer L. *Nietzsche's Dancers: Isadora Duncan, Martha Graham, and the Revaluation of Christian Values*. 1st ed. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

23. Souritz E. *Isadora Duncan's Influence on Dance in Russia// Dance Chronicle*. – 1995. – Vol. 18. – No.2. – P. 281-291.

24. Souritz E. *Isadora Duncan and Prewar Russian Dancemakers/ The Ballets Russes and Its World*. New Haven and London, 1999.

Е.В. Чернецова
Мордовский государственный университет
им. Н.П.Огарева, Саранск,
Россия

Фаустовские мотивы в романе Н. Мейлера «Замок в лесу»

Последний роман классика американской литературы XX века Н. Мейлера (1923-2007) «Замок в лесу» *(The Castle in the Forest, 2007)* представляет собой рассказ о семье, детстве и юности Адольфа Гитлера, рассказанный слугой дьявола.

В этом произведении, приближенном к жанру биографии по замыслу, рассказчиком является демон средней категории, который под началом сатаны ведет фюрера к власти и повествует о самых страшных предпосылках создания им нацистской теории. В рамках работы с маленьким Адольфом бес насыщает его жизнь событиями, искажающими сознание, вторгается в его сны, внушает ему чувство исключительности, всевозможные амбиции и жажду власти. Вся эта банальность зла может объяснить природу такого человека, как Гитлер. Создав своеобразную пародию на исторический роман, хронику и беллетризованную биографию, Н. Мейлер в этой работе изображает гротескную и фантастическую картину бытия.

Можно заметить, что автор «Замка в лесу» использует мотивы произведений Иоганна Вольфганга Гете и Томаса Манна, основанных на легенде о Фаусте, которая возникла в XVI веке и подтолкнула множество писателей, музыкантов и художников к созданию произведений на вечную тему «сделки с дьяволом». Необходимо отметить, что Н. Мейлер сам указывает на эти параллели в составленной им библиографии к роману. Он включает туда перевод Арнольдом Кауфманом трагедии И. В. Гете «Фауст», роман Т. Манна «Доктор Фаустус», поэму Дж. Мильтона «Потерянный Рай», а также труды о Боге и вере, нацизме и личности Адольфа Гитлера, мистицизме и даже пчеловодстве, которое сыграло не последнюю роль в эволюции личности мейлеровского Фауста.

Характерен выбор Н. Мейлером персонажа. Адольф Гитлер – центральная фигура в нацистской идеологии Германии, создатель теории о «чистоте крове», уничтожившей миллионы людей, в том числе большую часть еврейского населения. Сам писатель – еврейского происхождения. Но «Замок в лесу» – первое его произведение, в котором еврейская тема выходит на первый план.

В своем романе Н. Мейлер говорит о предпосылках рождения и развития такой личности, как Гитлер. Автор рассказывает историю семьи Адольфа, используя реальные факты его биографии, намеренно сочетая их с абсурдным вымыслом и указывая на то, что «дед Адольфа Гитлера по отцовской линии мог оказаться евреем» [Мейлер, 2007, 17], а сам фюрер «был не просто инцестуарием первой степени во втором колене – в действительности его зачали в самой сердцевине инцеста» [Мейлер, 2007, 30], поскольку мать Гитлера представлена в романе родной племянницей его отца.

Роман написан от лица самого искусителя, беса и слуги дьявола, в лице Дитера, или Д.Т. Данная аббревиатура занимает важное место в осмыслении роли этого персонажа: сам он называет себя Dieter, или D.T., но DT также служит сокращением немецкому der Teufel, что в переводе означает «черт, бес, сатана». Дитер работает в отделе СС под началом Генриха Гиммлера, руководителя СС с 1929 года. Мефистофель Мейлера, демон и писатель в одном лице, выстраивает вполне логичную, но чрезвычайно гротескную картину жизни семьи Гитлера. Параллельно он представляет читателю два сосуществующих мира: реальный и потусторонний, фантастический, в центре которого Бог (God, Lord, Creator, He, All-Good, All-Powerful), Сатана (Satan, Devil, Evil One) и их слуги – агенты, прибирающие к рукам необходимых им людей. С последними связана тема работы спецслужб, интересующая Мейлера и в более ранних работах («Призрак Проститутки», «История Освальда»). Своего босса, Сатану, Д.Т. называет Маэстро; Бога – Создатель или Dummkopf, что в переводе с немецкого означает «болван, придурок». Предмет их раздора – человек. В данном случае – Адольф Гитлер.

Надо заметить, что рассказчик не акцентирует внимание на борьбе за главный предмет повествования. Для него важен процесс развращения личности Гитлера, который начи-

нался задолго до его рождения. Писатель фактически дает понять, что качества подобной персоны обусловлены исключительными факторами, включая наследственные. Взяв на заметку семью фюрера, Сатана, по словам рассказчика, действовал отчасти лишь при зачатии, остальное сделали бесы «низшего ранга» [Мейлер, 2007, 83].

Проявившееся в этом высказывании презрение писателя к своему персонажу очевидно на протяжении всего повествования. Мы не просматриваем красоты и изворотливости искушения, которое использовалось Мефистофелем Гете. Трудно заметить и гениальность центрального образа: Фауст – личность творческая, в то время как творческие способности Гитлера, изображенного Мейлером, вызывают ужас и связаны скорее с темой человеческого безумия, нежели с темой художника. Автор отмечает рано проявившиеся стратегические способности маленького Ади, которые он использовал в играх «в войну» [Мейлер, 2007, 110] со сверстниками. Это один из тех эпизодов, в которых рассказчик указывает на предназначение фюрера: «… Ади несколько удивился тому, с какой легкостью ему удалось подчинить себе остальных. Я, кстати, тоже» [Мейлер, 2007, 111].

Нельзя оставить незамеченным и умение мейлеровского Фауста смотреть на мир собственным, безумным взглядом. Ярким примером этого может послужить эпизод с заболевшими пчелами, которых отец Адольфа усыпил газом. Мальчик «следил за происходящим (да и внимал потрясениям Алоиса) с большим интересом» [Мейлер, 2007, 200]. После этого следует то, что Дитер называет «возвращающееся сновидение, в каждом из раундов которого отец просил Ади самым тщательным образом пересчитать всех дохлых пчел. Чтобы не ошибиться, Адольфу предстояло раскладывать их рядками – по сто штук в одном ряду…» [Мейлер, 2007, 200]. Бес тонко подмечает, что не стоит «придавать особенного значения ни умерщвлению газом, ни подсчету трупов. Потому что это не есть уникальный прообраз того, чему предстояло произойти впоследствии» [Мейлер, 2007, 200]. Тем не менее, со стороны самого автора, в силу его внимания к этому эпизоду, был сделан намек на связь с будущими событиями. Рассказчик же уводит читателя в подробности работы агентов дьявола, описывая метод «инсталляции сновидений» [Мейлер, 2007, 200].

Сновидение играет одну из основополагающих ролей в осмыслении темы искушения в романе. Бес не является Адольфу наяву, не нашептывает ему на ухо лукавых слов, как Мефистофель, он вообще фактически не входит в жизнь мальчика, а лишь утверждает свою причастность к ней. В итоге, присутствие фантастического в романе подтверждается только фигурой рассказчика, жизнь Гитлера оказывается полностью лишенной мистических событий, поступки героя продиктованы в романе вполне физиологичными мотивами, и, самое главное, исключается тема заключения сделки с сатаной, и, вполне возможно, его влияния вообще.

В романе Гитлер показан как противный, негодный ребенок. Рассказчик не раз представляет вниманию читателя эпизоды, подтверждающие, что Адольфом с самого раннего детства до последних моментов юности, которые описываются в романе, правили самые банальные инстинкты и рефлексы: «Итак, началось натаскивание. Она отучила Адольфа гадить, как умного, но своенравного пса. В первое время он теребил ее за юбку, таща к чуланчику, в котором стоял ночной горшок, плакал, чтобы она его поскорее раздела и подмыла. После чего они, неразлучники, и приступали к подмыванию и переодеванию. Он вел себя хорошо, и она нахваливала его во весь голос, но глазки малыша смотрели на нее исподлобья» [Мейлер, 2007, 99].

Таким образом, в произведении Мейлера явно присутствует линия Мефистофеля, представленная фигурой Дитера, беса, линия Фауста достаточно расплывчата и сомнительна. Можно с уверенностью утверждать, что Адольф Гитлер у Мейлера является нетрадиционным Фаустом, либо, что более вероятно, не является им вообще. Наследственность, среда и воспитание, в лучших традициях Эмиля Золя, повлияли на формирование его личности. На наш взгляд, мнения автора и рассказчика расходятся: Дитер представляет читателю зло, созданное сатаной, Мейлер же – выродженца, «чудовище» [Мейлер, 2007, 78].

Для нас существенен момент неосознанности героем договора с дьяволом, либо отсутствия такового вообще. Поскольку персонаж романа Н. Мейлера не продает свою душу Мефистофелю, произведению Н. Мейлера оказываются наиболее близки мотивы романа Т. Манна «Доктор Фаустус».

В книге Т. Манна Серенус Цейтблом излагает жизнеописание вымышленного композитора, Адриана Леверкюна, который в болезни и бреду заключает сделку с Дьяволом. В действительности, она была подготовлена высшими силами, поскольку изначально, жизнь его, как и героя Мейлера, складывалась под влиянием обстоятельств, чувств и внутренних инстинктов человека, которые привели его к нравственному падению и, в итоге, к такому заболеванию, как сифилис.

Важна и общая для немецкого и американского писателей тема – фашизм, его предпосылки и последствия. «Доктор Фаустус» писался на фоне конца Второй мировой войны и краха гитлеризма. Роман Т. Манна – это размышление над судьбой Германии, судьбой всего мира, о месте и роли художника в нем: «Я задал себе урок, который был ни больше, ни меньше, чем роман моей эпохи в виде истории мучительной и греховной жизни художника» [Манн, 1960, 9, 224].

Т. Манн в своем произведении анализирует кризис культуры. Жизнь и помешательство «немецкого композитора» символизируют жизнь и «помешательство» Германии в эпоху процветания фашизма. Цейтблом, искренне сочувствовавший другу, и тяжело переживавший судьбу своей страны, после трагической для него гибели Леверкюна заявляет: «Взломаны толстые двери застенка, в который превратила Германию власть, с первых же дней обреченная ничтожеству; наш позор предстал теперь глазам всего мира» [Манн, 2007, 310].

Н. Мейлер, напротив, с иронией и в гротескном стиле описывает Германию времени рождения, детства и юности Адольфа Гитлера. Роман в целом заканчивается на иронической ноте. Рассказчик излагает некоторые события из жизни своего Фауста, когда могущество последнего стало возрастать, рассуждает о смысле названия романа, о немцах и немецком языке, о своей обиде на Маэстро, который понизил его по службе. Здесь явно просматривается пародия на фашистское сообщество. Бес обитает в теле офицера СС, среди которых, как и среди агентов спецслужб, отмечалось достаточное количество перебежчиков. В итоге он сам, обиженный на своего Маэстро, намекает читателю на то, что предает его, указывая на привычное положение вещей в реальном мире:

«А разве не соответствует действительности и то предположение, что вполне можно встретить беса, работающего на обе стороны?» [Мейлер, 2007, 444].

Таким образом, Н. Мейлер в своем романе трансформирует миф о Фаусте. Писатель создает образ своего героя, играя на контрасте между миром фантастическим, которым правят Бог и Сатана, в котором Мефистофель может соблазнить великого художника или мыслителя, и миром обыденным, в которым правят низкие инстинкты и пошлые соблазны. В этом реальном мире гадкий мальчишка может стать таким печально известным человеком, повлиявшим на историю XX века, как Адольф Гитлер.

Ekaterina Chernetsova,
Ogarev Mordovian State University,
Saransk, Russia

Faustian motives in the novel by Norman Mailer *The Castle in the Forest*

Norman Mailer's *The Castle in the Forest* is a story about Hitler's early years told by one of devil's servants. The book, very close to biography in its plot, relates to little Adolf thoughts and deeds that according to the narrator were provoked by devil's will.

The nature of evil named Hitler, Führer's distorted consciousness, ambitions, thirst for the power could be well explained by Mailer's novel. Everything is shown with naturalistic and grotesque down-to-earth approach. Thereby the author creates a parody on historic novel with fantastic reality.

We should note Mailer's using the motives of J.W. Goethe and T. Mann books based on the legend of Faust. *The Castle in the Forest* bibliography indicates these parallels. The author puts on the list *Faust* by Goethe, *Doctor Faustus* by Mann, as well as *Paradise Lost* by J. Milton and works on problems of God and faith, fascism, Hitler and mysticism.

The choice of novel's central character is very peculiar – Adolf Hitler is a notorious figure of Nazi ideology. Mailer fictionalized this person – he mixed real facts of Führer's biography with

absurd fable going deeply in the very roots of his family. The mysterious narrator affirms that «Führer was a first – or second-degree incestuary» [Mailer, 2007, 9], that he invaded dreams of little Adi, ruled his thoughts and took his soul into devil's possession.

It's not difficult to compare Mailer's Hitler with Goethe's Faust and Mann's Adrian Leverkühn. As a consequence there should be found a temper, Mephistopheles. Mailer's Mephistopheles is presented by the narrator, officer of SS called Dieter, or D.T. Devil's servant explains his name as a following: «D.T. will do, now that I am in America» [Mailer, 2007, 3]. But D.T. is short for German «der Teufel», that means «devil». This is one of crucial points of the novel because officers of SS are also parodied by the author. By way of using Faust motives he creates a perfect image of Germany ruled by Nazism.

There is no direct battle between God and Devil in the novel. We are shown an image of a mean boy who has quite commonplace wills. The process of his growth is miserable and immoral. Mailer's Faust sees the world with special and insane eye. A good example of it is an episode with dead bees: «Adi watched, sitting beside Alois on an adjoining bench, his eyes alive in response to his father's lecture» [Mailer, 2007, 200]. D.T. hints at the most famous invention of Nazi officers – gas cameras, but he assures readers that this episode has nothing in common with it: «Here, I would warn the reader not to make too much of the gassing nor the body count. It is not to be understood as the unique cause of all that came later. For a dream-etching, no matter how artful, leaves but a dot upon your psyche, a footprint to anticipate a future sequence of developments that may or may not come to pass in future decades" [Mailer, 2007, 201]. The narrator being insidious and sly plays with all the motives of the legend of Faust. This is a perfect Mephistopheles.

The theme of temptation is presented mostly by Dieter's image. The Image of Faust is quite vague. Mailer's Faust doesn't wager his soul to the Devil or does this unconsciously. This moment is very close to Mann's novel. Adrian Leverkühn deeds were governed by immoral wills. He was condemned to become Devil's property. The problem of lapse in both characters' souls is comparable with problem of moral fall in Germany during fascism.

The myth of Faust is transformed in Mailer's novel. He concerns various themes and problems connected with Hitler and his time. He creates a dual world where two sides exist – one ruled by God and by Satan, where Mephistopheles may seduce a genius, the other ruled by obscene temptations and contemptible instincts. In our real world a mean boy may become such a notorious person as Adolf Hitler.

Литература

1. Манн Т. Доктор Фаустус. М.: АСТ, 2007.
2. Манн Т. «Доктор Фаустус» Роман одного романа // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. М.: 1960. Т. 9.
3. Мейлер Н. Лесной замок. М.: Амфора, 2007.
4. Mailer N. *The Castle in the Forest.* L.: Abacus, 2007.

Н.С. Кузнецова,
Новгородский государственный университет,
Россия

«Успех», переосмысленный В. Набоковым, и система его ценностей

В. Набоков стал явлением американской культуры, преодолев многие неблагоприятные обстоятельства своей литературной карьеры, – он не мог легитимироваться в Америке ни как известный русский писатель, так как был неизвестен широким англоязычным читательским кругам, ни как американский писатель, поскольку его первый роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», написанный на английском языке, был опубликован в США лишь в 1941 году. Переход на другой язык при создании художественных произведений является метаморфозой такого уровня, при которой иноязычное творчество не могло совершиться «без изменения души, его (искусства – Н.К.) мерок» [Андреев, 1954, 157]. Выбранная в период перехода на английский язык стратегия привела его к новому, американскому успеху, хотя такое изменение трактовалось многими критиками «как дописыва-

ние себя как бы комментарием» [Шульман, 1998, 89] после последнего русскоязычного романа «Дар».

При таком подходе к творчеству В.Набокова вопрос об эволюции ценностей в текстах его романов вообще не ставится. В данной статье мы хотели бы подробнее рассмотреть проблему изображения возможной эволюции ценностей писателя, отраженной в тематике романов персонажа-протагониста Себастьяна Найта, и уточнить в свете аксиологического подхода интерпретацию понятия «успех», предложенную в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта».

Английская исследовательница творчества В.Набокова Джейн Грейсон в своей статье, опубликованной в сборнике материалов научной конференции «Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100», представила как общеизвестный факт в набоковедении то, что «… у Набокова был проект – стать *успешным* (курсив наш – Н.К.) писателем» [Grayson, 1999, 9]. Из своих произведений Набоков создал особый «набоковский мир» – по структуре «внутренне связное, сцепленное целое», задачей которого было донести до читателя его «сообщение о смысле, который он старался передать средствами искусства». И далее: «Это сообщение состояло в его уверенности в важности индивидуального существования как уникального сочетания интеллекта, духа, эмоций и чувств, но организованного в виде узоров, постоянно проявляющихся в мире природы и в истории человечества» [Там же, 10].

Идея превращения собственного творчества в «успешный проект» оформилась у В.Набокова, по мнению исследовательницы, в середине 1930-х годов, то есть в то время, когда им уже были созданы его самые значительные романы на русском языке. В январе 1938 года им был закончен роман «Дар», а «после завершения «Дара» русскому писателю Сирину оставалось два с половиной года жизни. В этот заключительный период он писал, пожалуй, не меньше (и не хуже), чем раньше, но ровный творческий ритм, выработанный за предшествующее десятилетие, стал давать перебои» [Долинин, 2004, 144]. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» В. Набоковым ставится вопрос о содержании понятия «успех», который в его метафизике, «неотделимой от этики и эстетики» [Александров, 1999, 10], допускает множественные интерпретации. Одна из них – это возможность

«не умереть всему», по выражению А.С. Пушкина, на что есть прямое указание в тексте романа. «А где же третий участник беседы? (Покойный Себастьян Найт – Н.К.). Мирно истлевает на кладбище в Сен-Дамье. Весело обитает в пяти томах. Незримый, вперяется через мое плечо, пока я это пишу (хотя, посмею сказать, слишком уж он сомневался в истасканной вечности, чтобы даже теперь уверовать в собственное привидение)» [Набоков, 2004, I, 66]. Именно обращение к изучению аксиологического аспекта романа позволит нам определить высшую ценность в иерархии ценностей писателя – по нашему мнению это вторая из трех возможностей, предложенных В. Как в предметном выражении, так и метафорически это – книга – как артефакт, цель, процесс и результат. Исследование аксиологического аспекта романа будет проведено с использованием нарратологического подхода как наиболее релевантного к текстам такого уровня «зашифрованности», где лишь выявление и толкование внутренних структур позволит приблизиться к адекватным интерпретациям вне биографических спекуляций о ценностях самого писателя.

Тезис о том, что «Набоков-Сирин на разных этапах своей карьеры, в разных неблагоприятных внешних условиях, продумывал свою литературную политику и достигал успеха в наиболее адекватных соответствующему литературному полю формах», развивает в своей статье «Дар и успех Набокова» Мария Маликова [Маликова, 2006, 23]. Она обращается к изучению «момента перехода» из традиционно разделяемого по образцу биографии Бойда этапа «русские годы» в «американские годы». В этот момент перехода Набоков продумывает и исчерпывает все возможности положения русского писателя в эмиграции и вырабатывает стратегии, которые позволили ему добиться успеха в специфическом для него американском культурном поле. В поле зрения исследовательницы оказываются необычные для Набокова «жанры высказывания – драматургия (пьеса 1938 года «Событие») и сочинительство под псевдонимом («шишковский цикл» 1939 года – стихотворения «Поэты», «К России» и рассказ «Василий Шишков», которые позволяли высказаться под «полумаской», примерять на себя новую писательскую диспозицию и даже новую поэтику, при этом лично не ангажируясь» [Там же, 28]. Набоков в тот период распространяет на область традиции

и культуры «антиисторическую позицию, которую когда-то сформулировал в отношении советской литературы» [Там же, 33] и переосмысляет эмигрантское состояние как состояние писателя вообще.

В это же время Набоков также впервые пишет экспериментальную повесть, не предназначенную для печати («Волшебник»), впервые не завершает начатый роман (“Solus Rex”) и в январе 1939 года заканчивает роман на английском языке «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», в котором «словно бы предвосхищая свою судьбу, сделал рассказчиком начинающего литератора, вдохновляемого книгами своего умершего брата» [Долинин, 2004, 144].

Итак, в «момент перехода» В. Набоковым был создан роман, при анализе которого возможно не только выявление иерархии ценностей, но и постижение возможной эволюции ценностной системы другого писателя – если рассматривать тематику созданных героем-протагонистом – Себастьяном Найтом – его пяти романов: «Призматический фацет», «Успех», «Потешная гора», «Утерянные вещи» и «Неясный асфодель». В фокусе внимания в данной статье оказывается только один аспект в изучении аксиологической модели, «вписанной» в текст романа, а именно ценностная система персонажа-протагониста Себастьяна Найта. Рамки статьи не позволяют остановиться на изучении ценностного содержания пространственно-временной структуры романа, которая, безусловно, играет важную роль в организации смысла, ведь эволюция ценностей персонажа разворачивается во времени и имеет пространственно-временные характеристики, жанрообразующие для любой биографии, даже вымышленной. Строго говоря, главным героем романа В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» и нарратором (роман написан от первого лица) является сводный брат писателя, В., который пишет книгу о его жизни и расследует с этой целью некоторые неясные моменты в жизни Себастьяна, встречаясь с людьми, которые знали Себастьяна. В. обладает «внутренним пониманием» характера Себастьяна, и есть, как он сам говорит, «между нами какое-то психологическое сродство» [Набоков, 2004, I, 52]. Утверждая, что «у нас с Себастьяном также был своего рода общий ритм; им можно объяснить удивительное чувство «так уже было однажды», которое ох-

ватывает меня, когда я слежу за изгибами его жизни» (1, 51). В конце книги В. самоидентифицируется с Себастьяном, что служит подтверждением нашему предположению о главной ценности жизни писателя, появляющейся как рекуррентный элемент в романе – книге. И хотя В., от лица которого ведется повествование, является носителем собственной оценки, смысловой позиции и идеологической точки зрения, его самоидентификация с Себастьяном и «тем, кого никто из нас, возможно, не знает» (1, 189) представляется нам достаточным основанием для того, чтобы можно было описать систему ценностей писателя Себастьяна Найта, вычленив их из анализа тем его романов и провести аналогию с ценностями героя-протагониста.

Ценностное отношение к миру является одним из наиболее важных составляющих в представлении об общей картине мира, складывающейся в сознании индивида и определяющей его поведение и многочисленные выборы, которые он делает в своей жизни. Ценностное отношение в аксиологии понимается как «определенный аспект целостно-нерасчлененного отношения человека к действительности и к самому себе, которое формируется в ходе культурации и социализации индивида» [Каган, 1997, 64]. Как некая системная целостность, охватывающая субъектно-объектные отношения, ценностное отношение имеет свое содержание – мировоззренчески-смысловое и свою форму – это психологический, эмоционально-интеллектуальный процесс выявления значения объекта – носителя ценности для субъекта, познающего эту ценность и при котором ценность «схватывается» сознанием. Выделение в структуре аксиосферы эстетических, нравственных, политических, художественных и религиозных ценностей обусловлено различиями оцениваемых сфер реального мира и художественного вымысла. Само определение ценностного отношения, формирующегося в процессе социализации индивида, говорит о его эволюционном характере, изменчивости и соотнесенности с возрастными периодами в жизни человека. Синкретизм ценностей в детстве сменяется вычленением и эволюционизирующей иерархичностью ценностной структуры, которая в филогенезе имеет свою специфическую динамику. При соотнесении этих общих положений аксиологии с текстом произведения мы ви-

дим, что объектом изображения в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта» становится «внутренняя ситуация персонажа», или, говоря о событийности повествования, «ментальное событие» – история написания книги о Себастьяне, в процессе чего происходит становление В. как писателя. Уже на этапе осмысления сюжета романа Набоковым был определен высочайший статус процесса создания художественного произведения, что совпадает с самым высоким статусом синкретически-синтетической художественной ценности в структуре аксиосферы как таковой.

«Точка зрения» персонажа-нарратора в передаче ценностей произведения, безусловно, обладает очень высоким статусом, так как в нарратологическом смысле «точка зрения» – это узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [Шмид, 2003, 67] и именно нарратор является оценивающей инстанцией в произведении, а его язык определяет стиль данного романа. «Точка зрения» проявляется в нескольких планах и при ее создании автором совершается ряд трансформаций, при которых идеологический план, включающий ценности, всегда обладает или самым высоким – как при построении композиции наррации, или вторым по значению статусом, как это происходит на уровне отбора событий для истории или на уровне вербализации.

Что же **говорит** В. о романах Себастьяна Найта? В отборе **тем** Себастьян Найт сначала обращается к **«теме расследования»** (что синонимично «исследованию», «изучению») – в первом романе «Призматический фацет» это исследование связи эстетики и морали, обращение к пародии для изображения вещей второго сорта и изучение разных стилей художественного письма: «Но что неизменно его раздражало, так это второй сорт, – не третий, не пятый-десятый, – потому что здесь, еще на читаемом уровне, и начиналась подделка, а она-то и была аморальной, в *художественном* смысле» (курсив оригинала, 1, 98). Тема **расследования** продолжается во втором романе Себастьяна, где он находит собственный стиль и проводит расследование о работе приемов, которыми пользуется человеческая судьба, в отличие от работы приемов в художественном произведении. В третьей книге, куда вошли три рассказа, он эту тему расследования завершает и в четвертой книге, о которой В. говорит как о передышке

в литературных поисках, своего рода «привале», Себастьян обращается к жанру автобиографии и затрагивает важные экзистенциальные темы времени, любви, «тени места», одиночества. И, наконец, в последней книге Себастьян пишет о том, что волнует его больше всего – о теме умирания и месте смерти в экзистенции человека. Безусловно, в произведениях Себастьяна присутствует целый комплекс других тем, кроме выделенных нами, но именно о них говорит В. прямо, и именно они отражают эволюцию ценностей в их иерархии на протяжении писательской карьеры Себастьяна.

При соотнесении представленной в движении тем ценностной эволюции Себастьяна с периодизацией ценностей в филогенезе, мы приходим к выводу об их совпадении с эволюцией его писательского мастерства. Так, в начале творческой карьеры у Себастьяна проходило осмысление многообразия художественных приемов и выработка собственного стиля из их синкретического смешения, далее – применение и творческое развитие собственной манеры письма, затем – «привал» в творческих поисках и осмысление жизненных потерь и приобретений, осознание конечности жизни, переход к экзистенциальной тематике, которая осмысляется в терминах художественного творчества.

Внутритекстовой аксиологический аспект романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» передается через точку зрения нарратора – В., так как роман написан от первого лица, а также реализуется в образе «абстрактного автора», конструкта, возникающего в сознании читателя при осмыслении им произведения с опорой на «схему симптомов». «Абстрактный автор» отличается от реального автора и процесс интерпретации идеологии «абстрактного автора» полностью зависит от компетенции читателя и иногда не отвечает интенциям «реального автора». Как считает В. Шмид, «в качестве симптомов выступают все творческие акты, порождающие произведение: вымышление событий с ситуациями, героями и действиями, внесение определенной логики действия с более или менее явной философией, включение нарратора и его повествования» [Шмид, 2003, 32]. Сама ситуация написания книги о жизни брата начинающим писателем В. обращает читателей к осмыслению проблем художественного творчества.

Категория «абстрактного автора» помогает «реальному автору» – В. Набокову передать в образе, «который является одним из самых значительных эффектов воздействия автора» на читателя, собственные взгляды на ценности, к изображению которых он обращается, ведь «автор никогда не будет нейтрально относиться к каким бы то ни было ценностям» [Бут, 1961, 70-71]. На наш взгляд, высшей ценностью в романе является книга как многоаспектный феномен, в котором сходятся все смысловые линии романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» В. Набокова. С точки зрения композиции романа, его начало и конец являются «сильными» позициями, где зачастую присутствуют эквивалентные элементы, релевантные описанному в романе событию, – а именно события, связанные с написанием книги о Себастьяне его сводным братом В., в ходе которого происходит психологическое изменение нарратора. Уже на первых страницах романа упоминаются две книги, каждая из которых соотносится с биографией Себастьяна Найта, но которые, при всей их явной «эквивалентности», находятся друг к другу в оппозиции. Одна из них – написанная мистером Гудменом, бывшим секретарем Себастьяна, биография писателя «Трагедия Себастьяна Найта» и вторая – «наиболее биографическая» из книг самого Себастьяна «Утерянные вещи». Все, что помнит В. о Себастьяне, он соотносит с произведениями самого писателя, находя подтверждение собственному пониманию характера своего брата и находя отражение жизни Себастьяна в воспоминаниях других людей. В. постоянно обращается к романам Себастьяна, чем создается ощущение бесконечного диалога В. с Себастьяном, переклички индивидуальных сознаний, работающих в одном ритме и настроенных на одну волну. На помощь В. в его поисках приходят персонажи романов Себастьяна – так считает Майкл Бегнал в статье «Оперяющийся писатель», и все для того, чтобы подвести В. как можно ближе к «поразительному откровению», «к некой важной истине».

У постели больного Себастьяна (на самом деле В. сидит у постели совершенно незнакомого человека – Н.К.) В. мечтает о том, как он скажет Себастьяну о своей любви. «О, я рассказал бы ему о тысяче разных вещей, я рассказал бы ему (Себастьяну, автору этих книг – Н.К.) о «Призматическом фацете»,

и об «Успехе», и о «Потешной горе», об «Альбиносах в черном», об «Изнанке Луны», об «Утерянных вещах» и о «Неясном асфоделе» – обо всех этих книгах, которые я знал так хорошо, как если бы сам их написал. И он бы тоже разговорился» (1, 189). Но В. не увидел уже Себастьяна живым. Как оказалось, В. сидел у постели человека с фамилией Kegan, которая является, по мнению А.Долинина [Долинин, 2000, 102] анаграммой слова «книга». Появляясь в сильной позиции – в конце романа, это анаграмма несет в себе послание В.Набокова о книге как о высшей ценности, через которую возможно проникновение в тайну чужой души. С помощью книги «любая душа может стать твоей, если ты уловишь ее извивы и последуешь за ней. И может быть потусторонность и состоит в способности сознательно жить в любой облюбованной тобою душе – в любом количестве душ, – и ни одна из них не осознает своего переменяемого бремени» (1,191).

Книга – это та территория, где встречаются писатель и читатель, актуализируя смыслы и образы, и именно в бесконечности актуализаций достигает писатель высшего успеха. Ценности писателя представляют собой динамичную структуру, которая находит свое отражение в тематике его произведений, что и было выявлено в ходе анализа текста романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Эволюция ценностей в этом романе происходит в рамках художественного творчества и соотнесена с эго периодами. Признавая вывод, к которому пришло набоковедение в 90-х годах о том, что «этика в творчестве Набокова неотделима от эстетики, ибо вопрос об этике есть прежде всего вопрос об этике художника» [Исахайя, 2006, 186, курсив оригинала] мы, тем не менее считаем, что по-прежнему актуальной остается задача как выявления эволюции ценностей в творчестве писателя, так и уточнения содержания самого понятия «этика» и соотнесения его с аксиологией.

N.S. Kuznetsova
Novgorod State University,
Russia

"Success" Reinterpreted by V. Nabokov and the System of His Values

V. Nabokov became a phenomenon of the American culture after overcoming some unfavorable circumstances in his literary career (for example, he could not get recognized as the famous Russian writer in America because there was quite a limited number of readers acquainted with his literary works nor as the American writer entering American literature with a «handicap»). He went through the metamorphosis of changing language but this shift couldn't happen without «changes of soul and values of his art» [Andreev, 1954. 157]. Nevertheless the literary strategy chosen by V. Nabokov led him to success during his «American» period which was treated by some critics as «supplement and commentaries to his real self» after his last Russian novel *The Gift* was finished in 1938 [Shulman, 1998. 89].

Such interpretation ignores the evolution of V. Nabokov's values which became a kind of **values dialogue** between Russian and American periods of his creative work. We assume that with a change of language Nabokov faced the problem of searching a new literary strategy which should combine his achievements of the Russian period with a certain shift of values modifying his works. He described changing circumstances of his life and considered problems of immigrant writer in the fictional world of his first novel in English *The Real Life of Sebastian Knight* which he finished in January, 1939.

In the present article two issues are studied through the perspectives of the narratological approach to the studies of literary texts also in combination with axiology – theory which deals with the system of human values and its structure. The first issue to study here is the probable evolution of values which can be deducted through the themes of novels written by Nabokov's protagonist – Sebastian Knight, and the second question to be answered is the following: What is the main value

in the terms of success presented in this novel? Or, in other words: What embodies the writer's success?

Jane Grayson in her article *Nabokov's Balancing Act* stated that «Nabokov has a project – to be a successful writer» and «… he does have an intimation of meaning which he is concerned to record through art. It is an awareness of the individual's experience as a unique formation of intellect, spirit, emotion and senses, but fashioned out of common patterns recurring throughout the natural world and throughout the history of mankind» [Grayson, 2000, 10]. According to the patterns of natural world and mankind all living beings are subjected to die and this process of dying prevents the survival of an individual as the mentioned above unique combination. In the text of the novel we come across the direct mentioning of this dramatic situation of everybody's death and total oblivion when V, considered Sebastian's possible staying after his death: «And where is the third party? Rotting peacefully in the cemetery of St. Damier. Laughingly alive in five volumes. Peering unseen over my shoulder as I write this (although I dare say he mistrusted too strongly the common place of eternity to believe even now in his own ghost)» [Nabokov, 2001, 44]. Nabokov was preoccupied with theme of terminal existence of human beings and as a successful way to escape oblivion and cross boundaries of time and space he suggested the idea of writer's preservation in his books.

According to *Narratology* by Shmid V. Nabokov's texts may be treated as highly «ornamental» ones where such means are used as an interplay of «points of view» of the narrator and "the abstract or implied author" for the direct engagement with the reader. The books written by the fictional author Sebastian Knight allow the readers to follow the choice of themes in his novels and this movement from one theme to the other is the best argument in favor of evolution of values throughout the literary career of Nabokov's protagonist. For example, in his first novel, *The Prismatic Bezel*, he studied different styles in literature, witnessed the interplay of styles and devices. «The heroes of the book are what can be loosely called 'methods of composition» [Nabokov, 2001, 79] and the second novel «deals mainly with the methods of human fate». In his third book Sebastian completed the 'research theme' as V said and made a

break in his literary search and then turned to autobiographical genre. In his fourth book *Lost Property* he recollected things and people whom he lost during his life. In his last book *The Doubtful Asphodel* Sebastian described the process of dying: the man is dying and he is the hero of the tale [Nabokov, 2001, 147]. These themes reflect the changing values of Sebastian that prove the evolution of values on the one hand and their high status in composing literary works on the other. According to the narratological approach, the author of the book during different stages of writing and arrangement of the story makes several choices concerning events, situations, compositional structure and the verbal presentation in terms of his/her ideology which includes values. The ideological aspect is the main one on the stage of arrangement and has a very high status on the level of verbalization because through narrator's point of view certain set of values are transmitted.

Also in *Narratology* Shmid W. discusses the concept of «the implied» or «abstract author» whose image is the most powerful means of conducting meaning and values in the novel. The implied author and the reader may meet each other only in the process of reader's diving in the world of the book written by the author. The book is the territory where their meeting is possible and that is why the «book» as the artifact, process and result signifies the notion of success for Nabokov and his characters-protagonists. Alexander Dolinin mentioned in article *On Some Anagrams in Nabokov's Fiction* that the name of the patient in the hospital whom V took wrongfully for his brother, was Keegan which coincides with the Russian word «книга» [Dolinin, 2000. 102]. The usage of this object in the strong final position at the end of the book stresses once again its high status and focuses reader's attention on the highest value in Nabokov's world.

Литература

1. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб. Изд-во «Алетейя», 1999. 313 с.

2. Андреев Н. Заметки читателя // Возрождение. 1954. Тетрадь 34-я, с.154 /Цит. по Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.

3. Долинин А. О некоторых анаграммах в творчестве Владимира Набокова // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн-Тарту, 14-17 января 1999) Таллинн: TPU KIRJASTUS, 2000. С.99-109.

4. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.

5. Исахайя Юиичи. Набоков и набоковедение: девяностые годы // Империя N. Набоков и наследники. Сборник статей / Редакторы-составители Юрий Левинг, Евгений Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 181-192.

6. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

7. Маликова Мария. Дар и успех Набокова. // Империя N. Набоков и наследники. Сборник статей / Редакторы-составители Юрий Левинг, Евгений Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 23-37.

8. Набоков В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Соч. американского периода: В 5-и тт. Т.1. СПб.: «Симпозиум», 2004. 605 с. В тексте статьи идет указание тома и страницы романа в круглых скобках.

9. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. (Studia philologica). 312 с.

10.Шульман М. Ю. Набоков, писатель: Манифест. М.: Изд-во Независимая Газета, 1998. 222 с.

11. Booth Wayne C. *The Rethoric of Fiction.* Chicago, 1961.

12. Grayson Jane. *Nabokov's Balancing Act* // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн-Тарту, 14-17 января 1999). Таллинн:TPU KIRJASTUS, 2000. С. 9-31.

13. Nabokov Vladimir. *The Real Life of Sebastian Knight* / Afterword by John Lanchester. London: Penguin Classics, 2001. 184 p.

Н.С. Кузнецова
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
Россия

«Двуакцентность» американского творчества В. Набокова (на примере романа «Пнин»)

При всем желании добиться успеха в американской литературе, В.Набоков не стремился к ассимиляции с нею, превыше всего ставя творческую оригинальность и занимая собственную позицию, обусловленную как его связями с русской культурой, так и сложившимся мировоззрением с определенной системой ценностей. По многим вопросам эта позиция не совпадала с точкой зрения известных американских интеллектуалов (в частности, с Эдмундом Вилсоном [The Nabokov-Wilson Letters,1979]) в основном на проблемы, связанные с Россией, которые Набоков знал, исходя из собственного опыта, а не воспринимал умозрительно. Среди наиболее «острых» проблем были такие, как отношение к сталинскому режиму, уничтожавшему людей по их классовой принадлежности, но являвшемуся во время войны союзником Америки против гитлеризма, а также проблема недостаточно полного осознания американцами происходящего в оккупированной фашистами Европе, с ее ужасами концентрационных лагерей, уничтожавших людей по расовому признаку. В своих «первых» произведениях, написанных в Америке – «Под знаком незаконнорожденных» (роман создавался в 1941-1946; опубликован: New York, Henry Holt, 1947); «Убедительное доказательство»/ «Память, говори» (время создания 1935-1936 гг. и в 1947-1950 гг., в виде законченной книги опубликована как *Conclusive Evidence*. New York: Harper,1951; *Speak Memory*. London: Gollanz,1951) [Бойд, 2004, 817] Набоков возвращается к рассмотрению темы отношения интеллектуалов к тоталитарным режимам и к литературной обработке автобиографического материала, передавая его в той или иной мере персонажам, что было начато в русских романах. Также

писатель разрабатывает различные жанровые модификации биографического и автобиографического романа в соответствии с поставленными художественными задачами.

«Пнин» – четвертый роман на английском языке, написанный Владимиром Набоковым, имеет интересную историю создания и публикации, которая повлияла на восприятие этой книги читателями, принадлежащими к другой, чем писатель, американской культуре. В большей своей части роман вышел сначала в виде серии более или менее законченных эпизодов-рассказов о жизни в Америке русского эмигранта – профессора Пнина, «специалиста по русской литературе», в жизни которого отразился катастрофический XX век. В юности Тимофей Пнин после революции в России оказывается во Франции, учится в Праге, из Франции попадает в Америку, спасаясь от фашистов, натурализируется там, с 1945 преподает русский язык и литературу в Вайнделльском колледже и ожидает, что ему предложат постоянный контракт после 9 лет преподавания. Части 1, 3, 4 и 6 вышли в журнале *The New Yorker* с ноября 1953 года по ноябрь 1955 года, а отдельной книгой роман вышел в 1957 году. Уже в истории публикации обнаруживается интересный с точки зрения культурологического восприятия действительности факт – глава 2 с ее журнальным названием *Pnin Had Not Always Been Single* была отвергнута журналом «как слишком депрессивная», а глава 5 – *Pnin under the Pines* была не принята к печати «из-за нескольких сильных антисоветских выпадов» [Barabtarlo, 1995. 602]. То есть для американского читателя, законодателем интеллектуальных вкусов которого являлся журнал, эти главы имели слишком сильную эмоциональную и политическую окраску, что проявлялось прежде всего в стилистическом оформлении текста, представляющем сочетание определенных «точек зрения». При всей лояльности и толерантности американского журнала к «другим точкам зрения» ситуация с названными главами продемонстрировала как раз его неспособность интегрировать набоковское произведение в современную американскую культурную палитру, а плюрализм в данном случае дал сбой. Позднее, в 1957 году, произведение было издано отдельной книгой, и цельное представление материала в художественно завершенном целом повлияло на его восприятие читателями

и критикой – 77 рецензий на роман вышли в течение полугода после его публикации и во многих отмечалась его «теплота» [Там же, 607]. Известный российский литературовед А.М. Зверев в написанной им биографии В. Набокова, где довольно часто встречаются критические пассажи, относящиеся к американскому периоду творчества писателя, тем не менее, говоря об этом романе, пишет о проявившейся «новой интонации». «В собственном его (Набокова – Н.К.) романе главенствующая интонация – ностальгия и сострадание. Ностальгия была обычна для прозы Набокова и прежде, сострадание – уникальная особенность «Пнина» [Зверев, 2004, 373].

Пытаясь ответить на вопрос о **причинах отказа журнала от публикации**, мы проанализировали соотношение **«точек зрения»** во всем романе и обратили особое внимание на этот аспект в отвергнутых главах. Структура романа стала объектом изучения в работах Немерова, Гордона, Филда (1967), Николь (1971), Коннолли, Барабтарло (1989), Л.Токер (1989) и других, отмечавших необычность повествовательной структуры романа, сопоставимой по неопределенности авторства с «Истинной жизнью Себастьяна Найта» и «Бледным огнем». «Набоков – создатель романов, чьи отношения с фигурами повествователей, а их, в свою очередь, с персонажами, настолько неопределенны, что позволяют такой священной категории, как «точка зрения» извлекать из себя кроликов, как из шляпы» [Nemerov, 1957, 314]. В данной статье рассматривается проблема «соотношения точек зрения» повествователя, персонажа и имплицитного автора, несовпадение между которыми, а, соответственно, и несовпадение «ценностных горизонтов» могут быть выявлены сочетанием нарратологического подхода с лингво-текстологическим анализом. Этот анализ, включающий наблюдение над сверхфразовыми единствами наиболее эмоционально маркированных отрывков текста был предложен М.Я. Дымарским и его использование позволило нам прийти к более обоснованным выводам [Дымарский, 2001].

Произведение написано от лица некоего Н., соотечественника Пнина, и тот факт, что жизнеописание Пнина представлено в основном через восприятие этого персонажа, играет большую роль в концептуальной и психологической организации романа – достоверность сообщений целиком

является зоной ответственности повествователя. Интересно, что сам герой – Тимофей Пнин в некоторых случаях опровергает достоверность рассказов, а самого повествователя называет «ужасным выдумщиком», что привело многих исследователей к вполне обоснованным выводам о сложном взаимодействии фикциональных инстанций в романе – так, Л. Токер [Toker, 1989] делает вывод о возможной реализации приема «двойничества» в романе. Тимофей знает не только повествователя, к которому испытывает неприязненные чувства, так как именно роман повествователя с Лизой Боголеповой, будущей женой Пнина, стал причиной попытки ее самоубийства, а и «заместителя самого писателя» – В. Сирина, о котором прямо упоминается в романе. Такая игра в двойников в романе повторяется также и в Вайнделльском колледже, что можно отнести к приемам создания усложненной структуры модернистского романа. Игра «актуальным» и вложенным в него «виртуальным» миром ведет к тому, что создатель виртуального мира лишается определенности, «он уже далеко не обязательно будет обладать биографией и фиксированной пространственно-временной локализацией» [Дымарский, 2001, 262], что является для нас еще одним аргументом в пользу пристального изучения категории «точки зрения».

Повествователь постоянно иронизирует над своим героем, и эта ирония маркируется таким же постоянным эпитетом – **«бедный Пнин»**. Своей задачей в изложении истории жизни Пнина повествователь видит доставление удовольствия читателю, его развлечение – “making fun” за счет прочувствованных описаний разнообразных «пнинианских затруднений». В сопроводительном письме к первой главе в издательство Набоков пишет о Пнине так: «He is not a very nice person, but he is fun” [Цит. по Barabtarlo, 1995, 601] «Он совсем не симпатичный человек, но он забавный» (перевод наш – *Н.К.*). Прежде всего комичен портрет Пнина: «идеально лысый, загорелый и чисто выбритый, он казался, поначалу, довольно внушительным – обширное коричневое чело, очки в черепаховой оправе (скрывающие младенческое отсутствие бровей), обезьянье надгубье, толстая шея и торс силача в тесноватом твидовом пиджаке, – впрочем, осмотр завершался своего рода разочарованием: журавлиными ножка-

ми (в эту минуту обтянутыми фланелью и перекрещенными) с хрупкими на вид, почти что женскими ступнями» (3, 11). Иронично описание психологических состояний Пнина: «А Пнин между тем предавался удовлетворению особой, пнинианской потребности. Он пребывал в состоянии пнинианского затруднения. Среди прочих предметов, неотделимых от пнинианского ночлега в чужом городе, – таких, как колодки для обуви, яблоки, словари и прочее, – его гладстоновский саквояж содержал относительно новый черный костюм, в котором он собирался читать ныне вечером лекцию дамам Кремоны («Коммунист ли русский народ?»)» (3,18). Комичны описания его занятий со студентами, отношений с дамами, его поиски съемного жилья, операции по вырыванию зубов и замене их протезами, его способ изучения и употребления английского языка, преподавания русского языка американским студентам и многое другое.

Пекка Тамми в своем исследовании 1985 года отмечает оригинальное представление и соотношение таких категорий, как «повествователь биографический» и «повествователь автобиографический» в романе «Пнин», когда повествователь, рассказывая биографию персонажа, приближается к сообщению собственной биографии, а затем и выдвигается в центр повествования. (После апробации этого приема в «Пнине», далее он широко использовался Набоковым для создания комического или пародийного эффекта – как в романе «Бледный огонь», который является очевидной пародией на биографию Джонсона, написанную Босвеллом.) Исследователь говорит о повествовательной ситуации, когда «повествователь биографический» – в романе это «наиболее блестящий соотечественник» Пнина, известный писатель, «обворожительный лектор», «старый друг», по мнению покровителя Пнина профессора Гагена, рассказывающий истории из жизни Тимофея Пнина, неожиданно становится в последней, седьмой главе «повествователем автобиографическим». Говоря о своих встречах с Пниным, он выдвигает себя в **качестве основного объекта изображения**. «Роман основывается на приеме постепенного усиления маркированного присутствия повествовательных инстанций в повествовании, пока в конце концов стушевавшийся хроникер жизни главного героя не предстает перед читателем как полноценный персонаж, в

основном озабоченный выдвижением собственной персоны в самый центр повествования» [Tammi, 1985, 40-41].

П. Тамми выделяет и описывает эту повествовательную инстанцию, комментируя замысел В.Набокова. Повествователь, трансформирующийся из биографического в автобиографического, который постоянно иронизирует над всем и вся и где только можно, подчеркивает свою «нормальность», «успешность», «сверхадаптивность» к американскому образу жизни, составляет полную противоположность Пнину, который, по замыслу В.Набокова, являлся «комическим» персонажем.

В названии нашей статьи употребляется термин, принятый в нарратологии – науке о повествовании, который мы считаем адекватным для целей изучения взаимодействия в тексте ценностных систем имплицитного/абстрактного автора – повествователя и персонажей, поэтому необходимо остановится более подробно на этой категории. «Двуакцентность», по определению В.Волошинова, [Волошинов, 1929, 1993: 148] – это «речевая интерференция», которая у исследователя предполагает «интонационную», то есть **оценочную, разнонаправленность слитных речей, их двуакцентность**. Рассматривая отрывок из «Скверного анекдота» Ф. М. Достоевского, Волошинов характеризует «речевую интерференцию» так: «Каждый из эпитетов является ареной борьбы двух интонаций, двух точек зрения, двух речей!... почти каждое слово этого рассказа ... входит одновременно в два пересекающихся контекста, в две речи: в речь автора-рассказчика (ироническую, издевательскую) и в речь героя (которому не до иронии)» [Там же, 148]. Речевая интерференция приводит к текстовой интерференции, так как повествовательный текст слагается из текста нарратора и персонажа и уже начиная с XVIII века в русской и европейских литературах наблюдается тенденция к несовпадению повествовательного текста с чистым текстом нарратора, так как реализуется постоянно возрастающая ориентировка повествовательного текста на точку зрения персонажей. Л. Долежел [Цит. по Шмид, 2008, 192] указывает на то, что несмотря на кажущееся равноправие текста нарратора и персонажа, тексты соединены в повествование все таки «организующей силой» текста нарратора. При введении в уровневую орга-

низацию текста инстанции «имплицитного автора» мы признаем тот факт, что хотя фигура повествователя является в своем роде «призмой», через которую преломляются все сообщаемые события и которая производит отбор и компоновку событий в сюжет, тем не менее, отвечать за расстановку акцентов на уровне всего произведения повествователь не в состоянии. В романе присутствуют элементы, находящиеся вне его компетенции, в частности, к ним относятся «двуакцентные» пассажи. В случае рассмотрения художественного произведения в виде уровневой конструкции, текст персонажа, как самый низкий уровень инкорпорируется в текст повествователя как в более высокий уровень, а тот, в свою очередь, входит, «объемлется» текстом всего произведения, включающего «гибридные» элементы, происхождение которых очень неопределенно и которые не принадлежат только одной из фикциональных инстанций. Входя в состав таких элементов, имплицитный автор манифестирует свое присутствие, и, в конечном счете, только этот уровень позволяет полностью реализовать все аксиологию, все потенциальные смыслы произведения. Художественный текст оказывается проекцией иной точки зрения на реальность, смысл которой – в расширении аксиологического горизонта индивидуума.

Текст персонажа фигурирует в повествовательном тексте как цитата внутри текста подбирающего ее нарратора и этот включенный текст не всегда является аутентичной, «объективной» передачей нарратором текста героев. В произведениях Владимира Набокова достаточно часто встречаются так называемые «гибридные конструкции» – термин М.М. Бахтина, когда отбор речевых единиц из текста персонажа проходит через призму «тематической, оценочной и стилистической адаптации нарратора и приобретает четко выраженный, маркированный персональный характер. Текстовая интерференция определяется Бахтиным следующим образом: «Мы называем гибридной конструкцией такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора [Бахтин, 1975, 118]. В романе «Пнин», написанном Владимиром Набоковым в Америке на английском

языке, нас в первую очередь интересует именно взаимодействие смысловых и ценностных горизонтов, позволяющее проследить динамику в интеграции точки зрения представителя одной культуры – в нашем случае это русские эмигранты-интеллигенты – в другую, американскую культуру.

Отношение автора к персонажу – Тимофею Пнину полнее раскрывается в следующем письме Набокова, где ему приходится дистанцироваться от повествователя, потому что уже в первой главе герой, даже через призму «ироничного, но достоверного представления» нарратора, предстает удивительно человечным. Так, опоздав по вине кассира, у которого рожала жена, на автобус, Пнин справляется о ее самочувствии. Набоков в своем следующем письме редактору пишет, что хотел бы создать «персонаж, комичный, физически непривлекательный – может быть, даже гротескный, если Вам так понравится – но когда он возникает, в противопоставлении с так называемыми «нормальными» персонами, то оказывается намного человечнее, значительнее и, в моральном плане, намного более моральным» [*Selected Letters*, 1989, 178]. Интерференция повествовательных текстов, единовременное представление двух точек зрения – двуакцентность и является тем приемом, с помощью которого в текстах 2 и 5 – отвергнутых журналом *The New Yorker* глав, во-первых, дискредитируется «точка зрения» повествователя и, во-вторых, вводится новая ценностная установка, принадлежащая самому Пнину и коррелирующая с инстанцией имплицитного автора. Двуакцентные места текста, представленные во 2 и особенно в 5 главах, тематически связаны как раз с наиболее противоречивыми моментами – отношение к социалистической России, страдания узников концлагерей и идентификация гитлеровского и сталинского режима, что принципиально отличалось от иронического подтрунивания нарратора над безобидным Пниным и положением в академической сфере Америки.

Приведем несколько примеров: 1) о положении узников в России: «Ал Кук был сыном Петра Кукольникова, богатого московского купца из старообрядцев, самоучки, мецената и филантропа, – знаменитого Кукольникова, которого дважды сажали при последнем царе в довольно уютную крепость за денежную поддержку эсеровских групп (по преимуществу

террористических), а при Ленине умертвили *(после почти недели средневековых пыток в советском застенке)* как «агента империализма» (курсив наш – *Н.К.*) (Набоков, 2004, 106). 2) Вот что говорится о друге Пнина – Шато. «Как нередко случается с держащимися твердых принципов изгнанниками, они всякий раз, сызнова встречаясь после разлуки, не только стремились встать вровень с личным прошлым друг друга, но и обмениваясь несколькими быстрыми паролями, – намеками, интонациями, которые невозможно передать на чужом языке, – подводили итог последним событиям русской истории: *тридцати пяти годам беспросветной несправедливости, что последовали за столетиями борьбы за справедливость и мерцающих вдали надежд»* (курсив наш – *Н.К.*) (Набоков, 2004, 114).

Наиболее драматичный отрывок из 5 главы о смерти Миры Белочкиной в концентрационном лагере, представлен в нашей статье в двух вариантах – сначала на языке оригинала, затем в переводе Сергея Ильина для доказательства реализации именно в этом месте своеобразного приема В. Набокова. В этом случае гипотетическая ипостась «имплицитного автора», названная М. Я. Дымарским «Deus ex Texto», помогает правильно расставить ценностные акценты всего произведения и реализуется интерференция, «двуакцентность» текста, когда дистанция между имплицитным автором и персонажем намеренно исчезает и их ценностное отношение к описываемой ситуации сливается.

"In order to exist rationally, Pnin had taught himself, during the last ten years, never to remember Mira Belochkin . . . because, if one were quite sincere with oneself, no conscience, and hence no consciousness, could be expected to subsist in a world where such things as Mira's death were possible. One had to forget – because one could not live with the thought that this graceful, fragile, tender young woman with those eyes, that smile, those garden and snows in the background, had been brought in a cattle car to an extermination camp and killed by an injection of phenol into the heart, into the gentle heart one had heard beating *under one's lips in the dusk of the past*". [Nabokov, 1969, 134-135]. «Чтобы жить, сохраняя рассудок, Пнин в последние десять лет приучил себя никогда не вспоминать о Мире Белочкиной, – …, но потому, что никакая совесть и, следовательно, никакое сознание не в состоянии уцелеть в

мире, где возможны такие вещи, как смерть Миры. Приходится забывать, – ведь нельзя же жить с мыслью о том, что эту грациозную, хрупкую молодую женщину с такими глазами, с такой улыбкой, с такими садами и снегами в прошлом, привезли в скотском вагоне в лагерь уничтожения и умертвили инъекцией фенола в сердце, в нежное сердце, которое билось в сумерках прошлого *под твоими губами*» (Набоков, 2004, 121-122). Русский перевод отличается от английского введением местоимения второго лица – «твоими», что сразу же переводит высказывание в «двуакцентное», где мысли Пнина, любившего Миру, сливаются с позицией имплицитного автора, но ни в коем случае не с позицией довольно нечистоплотного по отношению к женщинам повествователя. В английском же варианте безлично-неопределенное местоимение «one» указывает на генерализованный, обобщающий характер фразы, включающий позицию Пнина в более высокий по статусу ценностный уровень имплицитного автора.

Серьезность и драматичность тона в повествовании об обстоятельствах смерти Миры постепенно в этом же абзаце переходит из «трагедии в фарс», по выражению израильской исследовательницы Леоны Токер. [Toker, 1989, 33]. Она объясняет такой эмоциональный переход тем, что и Пнин и повествователь, как пережившие одни и те же потери, избрали стратегию «забывания», отстранения от прошлого как стратегию выживания в новой культуре. Себя же они чувствуют «виновными» в том, что продолжают жить, оставив своих любимых «неотмщенными». Комментируя такую интерпретацию романа, мы хотели бы уточнить то обстоятельство, что о потерях повествователя не сказано в романе ни одного слова, хотя он и демонстрирует свое присутствие в романе довольно навязчиво. Поэтому полная идентификация реакций Пнина и повествователя представляется нам некоторой идеологической схематизацией, которая основывается на преувеличении роли «общей судьбы изгнанников» в интерпретации и проистекает из игнорирования категории «имплицитного автора», ответственного в конечном итоге, за аксиологическое акцентирование и создание «сложной» аксиологической партитуры романа.

Необходимо отметить, что при всей логичности собственного подхода к анализу романа в главе «Пнин: изыскание,

более важное, чем его цель», Л. Токер дважды в тексте главы подчеркивает неопределенность позиций «точки зрения», говоря о стилистически маркированных местах. Приведем цитаты из работы исследовательницы, которая в своих сомнениях о принадлежности высказывания ссылается и на другие случаи «интерференции» – по принятой нами терминологии «двуакцентности» в романе, упомянутые также и другим исследователем, Гаррет-Гудером, который «среди других проблем, также поднимает проблему повествования, иногда одновременно «передающее мысли Пнина и повествователя» [Garrett-Goodyear,1986, 192, 197]. Ученый не остановился более подробно на рассмотрении данного приема, как впоследствии и сама Л.Токер. “Тем не менее, непонятно, является ли параграф, описывающий смерть Миры, передачей мыслительного процесса самого Пнина или же комментариями повествователя, заполняющего отрезок времени в повествовании, когда Пнин борется с сердечным приступом в «Соснах». Возможно, это **комбинация** того и другого: Пнин и повествователь объединили усилия для того, *чтобы отгородиться от боли и позволить потоку своих ассоциаций добраться до общеизвестных причитаний Гагена о близком соседстве Бухенвальда и Веймара»* (выделение и курсив наш – *Н.К.*) [Toker, 1989, 32].

Концепция толкования в данном случае заслонила другие возможные смыслы, реализованные именно с помощью приема «двуакцентности». С нашей точки зрения, далее «двуакцентность» высказывания имплицитного автора с Тимофеем Пниным сменяется «двуакцентным» представлением отношения повествователя и имплицитного автора к положению в американской академической среде, действительно, фарсовое, но именно этот факт смены эмоциональной окраски и характерен для «гибкой», «нефиксированной» «точки зрения», реализуемой в романе. Смена модусов «двуакцентности» происходит в пределах одного абзаца, что делает необходимым выделение категории «имплицитного автора», в противном случае, как показывает пример толкования Л. Токер, возможно неразличение голосов, а, соответственно, и ценностных позиций Пнина и повествователя, что, в конечном итоге, ведет к искажению авторского замысла.

Особое значение «точка зрения» приобретает в текстах с диалогической структурой: она «становится ощутимым

элементом художественной структуры с того момента, как возникает возможность смены ее в пределах повествования» [Лотман, 1970, 320]. Как уже отмечалось, существование абсолютного монолога в эстетической системе не представляется вероятным. Инстанции автора, нарратора, героя всегда, хотя бы в потенциале, имплицитно, проявляют свою готовность к диалогическому контакту, в процессе которого и происходит моделирование универсума [Бахтин, 1979, 38] и его ценностных оппозиций. Если проанализировать набор культурологических ценностных «ориентиров» между главным персонажем – Пниным и повествователем, то можно определить, что с точки зрения принадлежности к одной русской культуре они обладают почти идентичным набором, но структура текста реализует их принципиально различную семантику.

История написания романа демонстрирует его постепенное, на ценностном, смысловом уровне, инкорпорирование в «другую» культуру именно благодаря интенсивному использованию Набоковым «двуакцентности» в романе, приводящую к сложному явлению ценностной «полифонии». Уровневое представление ценностей позволяет реципиенту, принадлежащему к другой культуре, чем герой, нарратор и имплицитный автор произведения, встав на позиции «другого», расширить собственный ценностный кругозор.

N. S. Kuznetsova,
Novgorod State University,
Russia

‘Double-accenting’ in V. Nabokov’s American novel *Pnin*

This article deals with the phenomenon of ‘double-accenting’ which is treated by V. Nabokov as a meaningful stylistic device in presenting systems of values in his American novel *Pnin* (1957). This novel was favorably evaluated by the majority of critics and as most of them agreed, it was marked with «human warmth» and «compassion». But before being published as a complete book, it was serialized in the influential magazine *The New*

Yorker between November of 1953 and November of 1955 and two chapters – Chapter 2 *Pnin Had Not Always* Been Single was rejected by the magazine as «too depressing» and Chapter 5 *Pnin under the Pines* was turned down because of several strong anti-Soviet digs [Barabtarlo, 1995, 602]. Our assumption is that in those chapters V. Nabokov expressed his views on some issues such as the identification of totalitarian states of Germany and Russia, extermination camps in Germany and the destiny of immigrants etc. These matters couldn't be incorporated by *The New Yorker* when presented in the form of separate chapters but in a complete book things changed and they were accepted. The author resorted to a specific narrative strategy where at least three systems of values became interwoven – one of the narrator, of the protagonist and the last one – of the implied author, whose values embraced two other systems and, finally, dominated. This polyphonic structure attracted attention of many Nabokovians – L. Toker, Pekka Tammi, H. Garrett-Goodyear. They all mentioned the narrator's cognitive unreliability and shifts in tone within short narrative blocks but they interpreted them differently. Our approach to these shifts is based on the assumption that the value system of the implied author in the passages where the protagonist dwelled on painful matters, correlates with that of the protagonist and not with the narrator's one. The identification of voices became possible with the help of linguistic analysis proposed by M.Dymarsky [Дымарский, 2001] which, in combination with narratological analysis [Шмид, Вольф, 2008] reveals the complexity of the novel's axiological arrangement.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979.

2. Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: 1975. С. 72-233.

3. Бойд Брайан. Владимир Набоков: Американские годы: Биография/Пер. с англ. – М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.

4. Волошинов В. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., (1929) 1993.

5. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы Х1Х-ХХ вв). М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 326 с.

6. Зверев А.М. Набоков. – М.: Мол. гвардия, 2004. – 2-е изд. – 453 с.

7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: 1970.

8. Набоков В.В. Пнин. – Соч. американского периода: В 5-и тт. Т. 3. СПб.: «Симпозиум», 2004. 702 с. В тексте статьи идет указание тома и страницы романа в круглых скобках.

9. Шмид Вольф. Нарратология. М: Языки славянской культуры, 2008. – 302 с.

10. Barabtarlo, Gennady. *"Pnin" // The Garland Companion to Vladimir Nabokov*/ Ed. by Vladimir E.Alexandrov. New York &London, Garland Publishing,Inc, 1995, 798 p.- pp.599-607.

11. Garrett-Goodyear H. *"The Rapture of Endless Approximation: The Role of the Narrator in Pnin"// Journal of Narrative Technique*, 16 (1986), 192-203.

12. Nabokov V. *Bend Sinister*. New York, Henry Holt, 1947.

13. Nabokov V. *Conclusive Evidence*. New York: Harper, 1951; Speak Memory. London: Gollanz,1951.

14. Nabokov V. *Pnin*. London: Heinemann, 1969.

15. Nabokov V. *Selected Letters*, 1940-1977. Ed.Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. New York: Harcourt Brace Jovanovich/ Bruccoli Clark Layman, 1989.

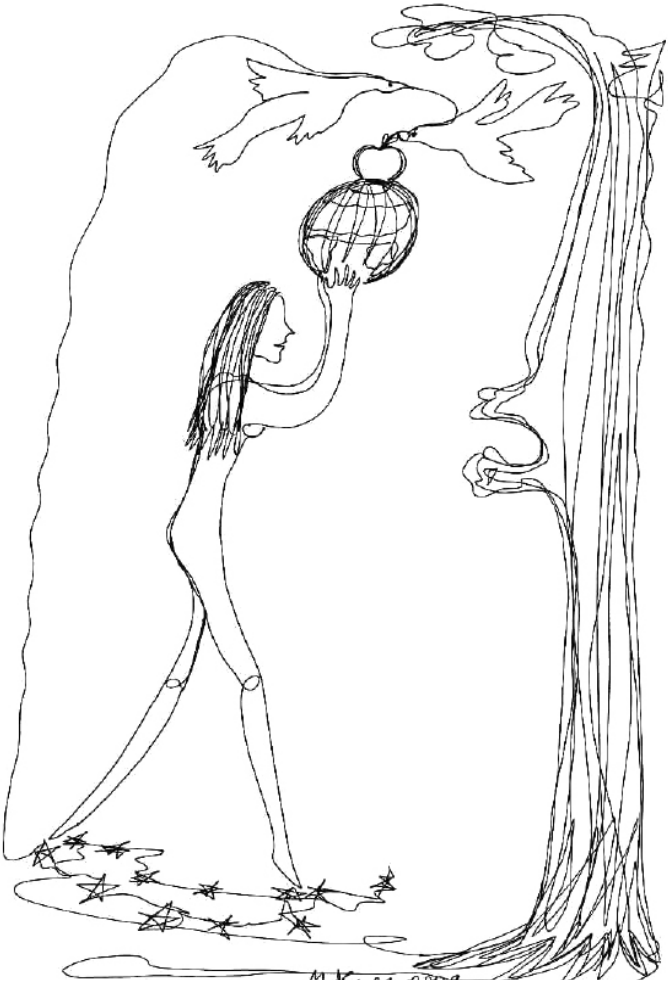
16. Nemerov, Howard. *"The Morality of Art." // Kenyon Review* 19 (1957). 313-21.

17. Tammi, Pekka. *Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1985. 388 p.

18. Toker, Leona. *Nabokov: The Mystery of Literary Structures*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. – 243 p.

19. *The Nabokov-Wilson Letters*, ed. Simon Karlinsky. New York: Harper&Row,1979.

Секция 8
«Канадская мозаика» как феномен культурного самосознания эпохи глобализации



Section 8
Canadian Cultural Mozaic

И.А. Соков[6]
Волгоградский государственный университет,
Россия

Политика мультикультурализма – исторически обусловленная необходимость канадского общества во второй половине XX века

Историко-культурные и социально-политические изменения, которые произошли в Канаде в конце XX века, стали предметом пристального изучения как канадских ученых, так и канадоведов зарубежных стран. Одним из направлений этого изучения стала политика мультикультурализма, объявленная канадским правительством 8 октября 1971 г., когда Пьер Трюдо дословно сказал следующее: «Хотя есть два официальных языка, нет никакой официальной культуры, и при этом любая этническая группа не имеет приоритета ни перед какой другой» ("Although there are two official languages, there is no official culture, nor does any ethnic group take precedence over any other") [Kernerman, Gerald, 2005, 94].

Новая политика резко контрастировала с политикой двуязычия и бикультурализма предыдущего десятилетия, отметала как ненужную прошлую политику ассимиляции и фактически этницизировала (ethnicizing) канадскую нацию [Lewisky, 2007, 58]. Именно Лаверне Левиски указала на то, что не столько давление франкоязычного общества, как давление канадских меньшинств способствовало принятию политики канадского мультикультурализма: «Интересно, что это объявление было сделано за день до того, как премьер-министр должен был обратиться к украинско-канадскому Конгрессу в Виннипеге. Политическая целесообразность и политическое давление на премьер-министра часто отмечалась учеными. Группы меньшинств непосредственно, в этом случае украинцы, способствовали в подталкивании к идеологии мультикультурализма, включающей полное принятие, а не простую терпимость к меньшинствам в канадском об-

[6] Статья подготовлена в рамках проведения и апробирования результатов поисковых научно-исследовательских работ по Государственном контракту НК-697 П/13.

ществе. Преобразование политики проявилось в изменении политического, экономического и идеологического контекста сегодняшнего дня» [Lewisky, 2007, 59].

До сих пор Канада, а за ней и Австралия являются единственными государствами в мире, включившими многокультурность как принцип действия правительства и государства. Понятие и принцип многокультурности вошли в конституционные документы Канады (раздел 27 Конституции) [Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ, 2002, 6].

Однако и по сей день в научном сообществе идут дискуссии о том, нужно ли подчеркивать многокультурность и мозаичность? Не ослабляет ли эта политика федерацию? Не наращивает ли она центробежные силы и силы сепаратизма? [Рыхтик, 2007, 10-15; Галеева, 2007, 36-39; Куропятник, 2000, 53-66; Nakhie, 2006, 149-160; Levine-Rasky, 2006, 87-97].

В конечном счете, все вопросы сводятся к одному: не приведет ли политика мультикультурализма к излишней фрагментации канадского общества, к мозаичности культуры, ослаблению, если не потере англоканадских и франкоканадских обычаев и традиций, и как следствие – разрушению британских конституционных основ [Millard, Mackey, 2003, 292-294].

Поэтому, например, Грегори Миллард считает, что в проект мультикультурализма необходимо внести «культурную гегемонию без производства культурной однородности» (“cultural hegemony without the production of cultural homogeneity”) [Millard, Mackey, 2003, 292].

Как видим, этот вопрос далеко не праздный.

Поэтому в Канаде, и не только в интеллектуальном сообществе, существует целый спектр мнений о необходимости и достаточности политики мультикультурализма. Например, в партийно-политической системе между основными федеральными партиями – либералами и консерваторами мнения по этому вопросу разделились. Либералы считают, что политика мультикультурализма должна быть более *обширной*, консерваторы – *более взвешенной*.

Что это означает? Консерваторы имеют более традиционный подход, особенно в вопросах семьи и брака. Поэтому они за то, чтобы определить границы терпимого (to determine

the boundaries of the tolerable) как вопросах идентичности геев и лесбиянок, так и тождественности мультикультурной политики.

Вспомним, что в то время, когда еще не была провозглашена политика мультикультурализма, в 1965 г. канадский философ Джордж Паркин Грант опубликовал работу «Плач по нации», основная мысль которой заключалась, в том, что политика стирания культурных различий между франкоканадской и англоканадской частью населения, а также засилье американской поп-культуры ведет к потере национальной идентичности, созданию гомогенизированного сообщества без культурных традиций и обычаев [Grant, 1978, 43, 47, 68].

Сегодня, если был жив Дж. Грант, то, по-видимому, он бы написал работу «Плач по нации-2», в которой свою ламентацию направил бы по другому пути. Возрастание в канадском обществе культурных фрагментов незападных культур ведет не к интеграции канадской культуры, а к ее большей фрагментации. Незападные культуры, проявляя лояльность к политическим основам канадского государства, обособляются в отдельные анклавы, сохраняя свой язык, свои традиции и обычаи.

Любая привнесенная незападная культура, являясь как правило, старшим культурным слоем, чем канадская культура, не интегрируется, а замыкается в себе. В лучшем случае она обогащается за счет канадской культуры. А правительственная поддержка этнического многообразия только способствует дальнейшей фрагментации. Благодаря этому сторонниками и противниками политики мультикультурализма делаются два противоположных вывода: один о ненужности такой политики, другой – об углублении политики мультикультурализма.

На наш взгляд, и те, и другие заблуждаются.

Следует иметь в виду, что Канада стала мультикультурной не тогда, когда объявили о проведении политики мультикультурализма, а гораздо раньше.

С наступлением XX века массовая иммиграция из Европы положила начало созданию в Канаде полиэтничного общества взамен бикультурного. Именно правительствам Уилфрида Лорье и Роберта Бордена пришлось столкнуться с проблемой мультикультурализма.

Одна шестая часть новых иммигрантов не только изменила культурный облик Канады, но и ее партийно-политическую систему. Появилась довольно значительная третья политическая сила – прогрессисты и близкие к ним лейбористы, которые в дальнейшем способствовали созданию социал-демократического политического движения.

Поселения новых иммигрантов изменили территориальный облик Канады, на карте появились новые провинции – Манитоба, Альберта, Саскачеван.

Особенностью этого мультикультурного слоя была его почти полная интеграция как в политическую систему, так и его вклад в формирование канадской нации. Понимание сопричастности к созданию новой нации способствовало более полной интеграции. Следует отметить, что культурная составляющая мультикультурного иммиграционного слоя вписывалась в основные западные ценности.

Иммиграция после Второй мировой войны по объему и в процентном отношении к количеству населения страны была значительно меньше, а новый мульткультурный слой медленнее интегрировался, в том числе и из-за бикультурных разногласий между франкоканадской и англокандской частями нации. Бикультурный раскол 60х годов XX века не только затормозил интеграцию послевоенных иммигрантов, но и способствовал их обособлению.

Это подтвердили исследования мультикультурализма Чарльза Тейлора [Taylor, 1994, 25-73], а позже Вилла Кимлики [Kymlicka, 2005, 82-85]. Если для исправления такого положения Чарльз Тейлор считал достаточным проведения «политики признания» (Politics of Recognition) [Taylor, 1997, 225], то Кимлика отмечал, что, «сплоченный/связанный мультикультурализм» (cohesive multiculturalism) все-таки возможен при трех условиях: первым из которых он назвал иммиграцию по закону, вторым – поддержание либеральных ценностей иммигрантскими группами и третьим – интеграцию в канадскую экономику [Kymlicka, 2005, 84].

Решение правительствами Л. Пирсона и П. Трюдо бикультурной проблемы не могло стать полным и окончательным уже в силу того, что появился достаточно мощный мультикультурный фактор, который нельзя было оставить без решения.

Признание в 1971 г. необходимости мультикультурной политики в Квебеке расценили как шаг назад в их культурных завоеваниях 1960-х годов. Собственно поэтому и появилась формула определения Квебека «особым обществом», чтобы исторически закрепить свою культурную особость и свое культурное прошлое. Квебекские политики-националисты и сепаратисты использовали эту формулу в своих политических целях. Появились работы, которые признавали за квебекским обществом и «отдельный мультикультурализм», который был назван – интеркультурализмом (interculturalism) [Nugent, 2006, 21].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов казалось, что не только культурная интеграция канадской нации находится под угрозой, но и ее целостность. Невнятный лозунг “Суверенитет-Ассоциация” квебекских политиков поставил правительство Брайна Малруни в почти в безвыходное положение после решений Мич-Лейка (3 июня 1987 г.), а затем и Шарлоттауна (26 октября 1992 г.) и только заключение договора НАФТА в 1993 г. сняло напряжение по Квебеку: французская провинция наравне, а где-то и больше, стала участвовать в экономической интеграции с США и Мексикой.

По этому поводу, следует заметить, что российский исследователь В.А. Коленеко оказался совершенно прав, когда несколько лет тому назад написал, что основой квебекского национализма второй половины XX века, является ее неудовлетворенность экономическим положением внутри канадской федерации [Коленеко, 2003].

Следует добавить, что признанию мультикультурализма, как государственной политики в Канаде способствовал не только неразрешенный франкоквебекский вопрос, но и движение за национальное достоинство коренных народов Канады, развернувшееся в середине XX века. Об этом движении очень часто забывают. Но именно Жан Кретьен и Пьер Трюдо непосредственно занимались этой проблемой. Законодательные, административные и налоговые изменения по проблемам коренного населения в 90-е годы XX века внесли ощутимый вклад в политику мультикультурализма.

К 2004 г. политику мультикультурализма в форме статутов или программных заявлений, различных по содержанию, возможностям и значимости использования уже имеющего-

ся опыта, провозгласили девять провинций из десяти (кроме Ньюфаундленда и Лабрадора) [Garcea, 2006, 1].

Однако теракты 11 сентября 2001 г. вновь вернули исследователей к изучению политики мультикультурализма и поиску путей более эффективной политики в условиях воздействия увеличенного этнического и расового разнообразия на развитие социально-ориентированного государства [Kymlicka, Banting, 2006, 281-297]. Иммиграция стала не только не безопасной, но явилась и определенным социальным бременем (a threat and a burden). Иммигранты стали более требовательными не только к признанию своего права на культурное разнообразие, но и на социальное признание. Особенно это ярко проявилось в настоящее время в странах Европейского Союза, тогда как Канада с этим может столкнуться в ближайшее время, потому что по данным Министерства канадской статистики к 2017 г. 20-25% всех канадцев будут членами групп видимых меньшинств, это отношение будет значительно выше в основных мегаполисах – Торонто и Ванкувере и составит более 50% населения; к 2011 г. иммиграция будет единственным источником чистого прироста рабочей силы, и почти на 90% – из числа меньшинств; к 2025 г. иммиграция будет источником прироста всего населения. Коренные народы и видимые меньшинства имеют в процентном отношении больше детей и молодежи по сравнению с остальной частью населения; они также имеют более высокие коэффициенты рождаемости по сравнению с этим коэффициентом в среднем по Канаде – менее чем 1.5 ребенка на женщину [Statistique Canada, 2003,1].

Какой из этого видится выход?

Во-первых, надо исходить из того, что исторически предопределено: Канада – это страна иммигрантов, которая для полного освоения свой территории должна иметь в 10-15 раз больше населения.

Во-вторых, географически и климатически обусловлено неравномерное заселение территории Канады. Сегодня основная масса населения проживает в 150-мильной зоне к северу от 49-ой параллели северной широты.

В-третьих, привлечь иммигрантов могут только более комфортные, чем в других странах условия существования,

с учетом условий северной страны и неразвитости территориальных коммуникаций.

В-четвертых, по большому счету, взвешенная иммиграционная, а не мультикультурная политика может обеспечить единство канадской нации и канадской федерации; мультикультурализм является только ее идеологическим обеспечением. Такой же вывод делает и Вилл Кимлика, утверждая, что «существует в самом общем виде восемь подходов в расширении иммигрантской интеграции» (eight policies as the most common or emblematic of a multicultural approach to immigrant integration) [Kymlicka, Banting, 2006, 282].

И подтверждение этих выводов мы можем видеть в эволюции миграционного законодательства Канады во второй половине XX века и особенно – в последних его изменениях уже в XXI веке.

Сегодня в Канаде, и аналогов не ни в одной стране мира, проводится селективная иммиграционная политика. Селективная не по этническому или идеологическому признаку, а по факторам, которые могут способствовать более быстрому и устойчивому развитию Канады.

В то время как многие страны мира в связи с мировым финансовым кризисом в течение 2008-2009 гг. ограничили въезд, Канада не снизила общую норму на въезд – один процент от общего количества населения, но повысила требования к иммигрантам. 28 ноября 2008 года были введены новые правила в отношении заявителей по профессиональной федеральной программе (Federal Skilled Worker Category).

На первом месте по приоритетности стоят бизнесмены. По этой категории практически не бывает отказов, если они готовы вложить свои денежные средства в экономику Канады или создать предприятие с работой по найму, хотя бы для одного канадца.

На втором месте – состоятельные и молодые лица с высшим специальным образованием по востребованным специальностям или согласные на переобучение.

На третьем месте молодые квалифицированные рабочие, готовые поселиться на севере западных провинций или на северных территориях (для них в балльной системе отбора снижено количество необходимых баллов с 75 до 63) и т.д.

То есть, как и прежде, на протяжении XX века, именно миграционная политика определяет национальное развитие и этнокультурный фон канадской нации.

Что касается мультикультурной политики, то она, являясь идеологическим обоснованием особенностей развития канадского либерализма, способствует становлению нового культурного самосознания, основанного на том, что только при такой политике и при таком либеральном социальном порядке у каждого индивидуума появляется возможность наибольшей самореализации.

I.A. Sokov
Volgograd State University,
Russia

Is Multiculturalism the Historical Necessity for Canadian Society in the Second Half of the 20th Century?

Canada and Australia are still the only states in the world having multiculturalism as a mechanism of state administration. The term and principles of multiculturalism were entered into the Canadian constitutional documents.

In Canada, the whole spectrum of opinions on the necessity and sufficiency of multiculturalism exists not only in intellectual community. The opinions on this question between two main Canadian political parties, the Liberals and the Conservatives, are also divided. The Liberals consider that the policy of multiculturalism must be wider and the Conservatives consider that it must be more balanced, especially in the questions of family and marriage.

The increase of non-western cultural aspects in Canadian society leads not to the integration of Canadian culture, but to its stronger fragmentation. Non-western cultures through demonstrating loyality to the Canadian state bases, isolate in the separate anclaves and keep their own languages, traditions and customs. Any foreign non-western culture, as a rule, is older than Canadian one, and doesn't integrate, but rather isolates itself. The governmental support of the ethnical diversity promotes further fragmentation.

The supporters and opponents of multiculturalism policy make two opposite conclusions: one of such policy being defunkt, and the other asking for deepening of multiculturalism policy. In our oppinion, both are wrong.

The mass immigration from Europe in the begining of the 20th Century initiated the polyethnic society instead of bicultural one in Canada. Willfred Leurier and Robert Borden's governments had to address the problems of multiculturalism.

The sixth part of new immigrants changed not only the cultural image of Canada, but also its party-and-political system. The third large political force – the Progressives, appeared and the close party – the Labourists, which promoted further initiation of the social-democratic political movement. Settlements of new immigrants changed the territorial image of Canada. The new provinces, such as Manitoba, Alberta and Suskatchewan appeared there.

After the World War II the immigration lessened in extent and ratio to the number of population, but a new multucultural strata integrated slower, due to the bicultural disagreements between franco – and anglo-Canadians among other reasons. Bicultural split of 1960s not only retarded the integration of postwar immmigrants, but also promoted their isolation.

L. Pearson and P. Trudeau's governmental decisions on the bicultural problem couldn't be solved once and for all, because of appearance of a powerful multicultural factor.

Recognition of multicultural policy in 1971 in Quebec was estimated as the backward step in their cultural conquest of the 1960s. Thus the formula determined Quebec as "Société Distincte" appeared in order to strengthen its cultural originality and past. Quebec politicians-nationalists and separatists used this formula in their political purposes.

In the late 1980s – early 1990s it seems that not only Canadian cultural integration but also the integrity of Canadian nation were under threat. The unintelligible slogan "Sovereignty-Association" of Quebec politicians put Brian Mulroney's government in practically stalemate after the Meech Lake Accord (June 3 of 1987) and then after the Sharlottetown Accord (October 26 of 1992) and only concluding a treaty NAFTA (1993) relived strain in relations with Quebec. French Province started to participate in the integration with the United States and Mexico on equal levels.

By 2004 the policy of multiculturalism was proclaimed by nine out of ten provinces (except Newfoundland and Labrador).

The immigrants of new century became more exacting not only to the recognition of the cultural diversity, but also to the social recognition.

What is the decision of the problem?

First, it is necessary to bear in mind that historically Canada is the country of immigrants, which needs 10-15 times more people for the complete settling of its territories.

Second, geographical and climatic conditions determined the unequal settling of the Canadian territory. Nowadays the major part of population lives in 150 miles area to the North from the 49th parallel.

Third, the immigrants could be attracted only by more comfortable conditions of life in Canada than in other countries, allowing for the conditions of the northern country and lack of development of territorial communications.

Forth, by the highest standards, balanced immigration, not multicultural policy can ensure the unity of Canadian nation and Canadian Federation. Multiculturalism is only its ideology contents.

Литература

1. Галеева А. Мульткультурализм, по-видимому, мертв, что дальше? // Обсерватория культуры, РГБ, 2007, № 6. С. 36-39.

2. Коленеко В.А. Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности. Материалы междисциплинарного семинара. М.: РОИК, 2003. 224 с.

3. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологам. 2000. Том III. № 2. С. 53-66.

4. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: 2002.

5. Рыхтик М.И. Мультикультурализм и проблема взаимопонимания: что нужно делать? / Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т./под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 4: Дипломатия XXI века: диалог культур / под ред. Т.В. Зоновой. 88 с.

6. Canada Federal Skilled Worker (Professional) Immigration / < http://www.canadavisa.com/canadian-skilled-worker-immigration.html

7. Garcea J. *Provincial Multiculturalism Policies in Canada, 1974-2004*: *A Content Analysis // Canadian Ethnic Studies Journal*. Vol. 38. Issue: 3. 2006. P. 1.

8. Grant G. *Lament for a Nation. The Defeat of Canadian Nationalism.* Ottawa. 1978.

9. Kernerman G. *Multicultural Nationalism: Civilizing Difference, Constituting Community.* Vancouver: UBCP, 2005.

10. Kymlicka W. Banting, *K. Immigration, Multiculturalism and the Welfare State // Ethics & International Affairs.* Volume: 20. Issue: 3. 2006. P. 281-297.

11. Kymlicka W. *The Uncertain Futures of Multiculturalism // Canadian Diversity*, 2005. Winter 4, no. 1: 82-85.

12. Levine-Rasky C. *Discontinuities of Multiculturalism // Canadian Ethnic Studies Journal*. Volume: 38. Issue: 3. 2006. P. 87-97.

13. Lewycky L.M. *Canadian Multiculturalism Ideology: Mere Tolerance or Full Acceptance. //Ethnic Studies Review*. Vol. 30. Issue: 1/2. 2007. P. 58

14. Millard G., *Eva Mackey. The House of Difference: Cultural Politics and National Identity in Canada//American Review of Canadian Studies.* Vol. 33. Issue: 2. 2003. P. 292-294.

15. Nakhaie M.R. *Contemporary Realities and Future Visions: Enhancing Multiculturalism in Canada // Canadian Ethnic Studies Journal*. Vol. 38. Issue: 1. 2006. P.149-160.

16. Nugent A. *Demography, National Myths, and Political Origins: Perceiving Official Multiculturalism in Quebec // Canadian Ethnic Studies Journal*. Vol. 38. Issue: 3. 2006. P. 21-28.

17. Statistique Canada. *Enquête sur la diversité ethnique.* Ottawa: Gouvernement du Canada. 2003b. *Le Quotidien*. 22 decembre, p. 1.

18. Taylor Ch. *Philosophical Arguments.* Cambridge: Harvard University Press, 1997, P.225.

19. Taylor Ch. *The Politics of Recognition.* In *Multiculturalism: Examining The Politics of Recognition,* ed. A. Gutmann, Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25-73.

Е.Ф. Овчаренко,
МГУ имени М.В.Ломоносова,
факультет журналистики,
Россия

«Русский взгляд» на «канадскую мозаику» (о повести Юрия Кондратьева «Канада. Газетный мальчик»)

1-2 декабря 2009 года в Москве проходил очередной Всемирный конгресс соотечественников. Были на нём и представители Канады – феномен «русского рассеяния» давно коснулся этой страны, хотя в Канаде проживает не так много русских, около 350 тысяч человек (ср.: в США цифры колеблются от 2,5 до 4 млн); в мире русская диаспора с 35 млн человек находится на втором месте после китайской (80 млн) [Чепурин, 2009, 109, 111]. Известно, что Канада принимает иммигрантов и беженцев больше, чем любая другая страна [Владимирова, 2006, 88]. Их успешной адаптации, казалось бы, должна способствовать национальная идея Канады – «Единство через многообразие», оформившаяся в последние десятилетия XX века [Владимирова, 2006, 97], а также провозглашённая ещё в 1971 году Правительством Канады политика мультикультурализма. Но повесть Ю.Кондратьева «Канада. Газетный мальчик», которой посвящена данная статья, говорит об обратном. Что же это – опять пресловутый «русский взгляд», свойственный «загадочной русской душе»? Как бы то ни было, тема «Русские в Канаде» уже становится достоянием литературы, и повесть Юрия Кондратьева, на мой взгляд, продолжает такую традицию русской литературы, как рассказ о личном опыте через литературное слово. Отмечу, что автор повести, ныне проживающий в Петербурге и работающий охранником в одном из ЧОПов, на Конгрессе соотечественников не присутствовал.

Повесть «Канада. Газетный мальчик», опубликованная в майском номере журнала «Москва» за 2004 год, рассказывает о событиях десятилетней давности, как можно было установить по интернет-биографии автора (в журнале справки о

нём не было). Итак, Юрий Михайлович Кондратьев, из семьи военных, с пяти лет проживал в г. Грозном. До распада СССР жил обычной жизнью: школа – ПТУ – вечерний вуз – работа. Потом, в 1993 г. *был вынужден с семьёй покинуть Грозный*. В январе 1995 г. эмигрировал в Канаду. По данным российского МИДа, шестая волна эмиграции – «постсоветская» – была особенно сильной в 1992 – 1996 гг.: ежегодно выезжало по 100 – 200 тыс. человек [Чепурин, 2009, 110]. Действие повести приходится на второй год пребывания в Канаде – 1996-й. Максим Мошков, главный «интернет-библиотекарь», выложил в Сети не только произведение, но и более 2000 откликов на повесть; число оппонентов главного героя уравновешивалось числом его сторонников [http://conrad2001.narod.ru/]. Её сюжет сводится к следующему: русский инженер-электронщик, которому за сорок, имеющий 27 лет профессионального стажа и в запасе несколько рабочих специальностей (например, электрика), и его жена – профессиональный преподаватель английского языка (25 лет стажа), *второй год* ищут в Канаде, в городе Торонто, постоянную работу с нормальной зарплатой. Особенно переживает герой повести, по-русски – «кормилец семьи»: он и язык учил (благо жена – преподаватель); и работу искал (резюме рассылал, по объявлениям звонил, газету «Торонто Стар» выписывал, на курсы предлагали – ходил; правда, курсы оказались для того, чтобы разносить шампуни по квартирам); и т. н. «канадский опыт» приобрёл – необходимое канадское образование и лицензии: имеет два таких диплома – электрика и специалиста по ремонту компьютеров и лицензию на работу электриком. Год ничего не мог найти, жил на велфер (пособие для иммигрантов). И кто он сейчас? *Paperboy*, разносчик газет, газетный мальчик! Это значит: подъём в два часа ночи; работа 364 дня в году; «Болеть нельзя; за моей спиной десятки, если не сотни тысяч желающих» [Кондратьев, 2004, 94]. За каждую разнесённую газету – 15 центов! Рядом работает Абу – инженер-нефтяник из Ганы; в Канаде уже шесть лет, английский ещё на родине выучил. Или большая семья белокожих жителей Индии: «Ребята они весёлые и очень умные. Они называли мне свои университеты и специальности…» [Кондратьев, 2004, 99]. А вот Акик из Пакистана – учился в Англии, в Кембридже, окончил с золотой медалью курс по

специальности «Международная торговля». Дома у него бассейн и павлины, слуги. А зачем приехал? «Ведь это же цивилизованная страна, не чета нашему Пакистану…» [Кондратьев, 2004, 111]

Автор повести упорно пытается найти ответ на вопрос: почему он, специалист высшего класса, пусть и «не местный», не нужен Канаде? И однажды ему кажется, что нашёл, составив свой «социальный срез» «канадской мозаики»: первый «сорт» людей – урождённые канадцы с белым цветом кожи; второй – урождённые, но цветные; третий – иммигранты, получившие гражданство; четвёртый – въехавшие законно, но ещё не имеющие гражданства; пятый «сорт» – въехавшие разными путями, претендующие на статус беженцев. Вот он где – в самом низу лестницы! Собственно, он сам понимает свою ошибку: ты спасался от войны – вот тебе мир. А работа… Автор видит: «Индустрии в Канаде – кот наплакал. Как таковой её, можно сказать, вообще нет. Ну разве пара-тройка автозаводов по сборке машин из комплектующих, поставляемых из США, – это индустрия? Пяток небольших компаний по плавке железа, гордо именуемых сталелитейной промышленностью Канады, находящихся в крохотном городишке под названием Гамильтон, – индустрия? Да у нас один завод в Грозном выпускал стали больше. А эта горстка нефтехимпроизводств на самом севере Альберты?.. Лично у меня, выросшего в городе нефтехимии, это вызывает смех…» [Кондратьев, 2004, 94] Он, герой повести, понимает, что работу предоставляет только сфера услуг, *сервис*, но он (27 лет стажа!) не готов в ней работать. Хотя его *«рабовладелец»*, хозяин Иосиф – тоже выходец из России, 15 лет в Канаде, работает также не по специальности, а просто нанимает из отчаявшихся бывших соотечественников таких *«мальчиков»* и выдаёт им примерно половину причитающейся суммы. А желающих хоть что-то заработать много – поток рабочей силы не иссякает. Герой на такое не способен: «Внаглую обирает меня и кучу людей, пользуясь безвыходностью их положения» [Кондратьев, 2004, 103]. Не может получить автор повести работу по специальности, потому что: *«You are overqualified – избыточно квалифицирован»*. «Домуправ» Майкл, читая его резюме, так это объясняет: «25 лет опыта… Если человек столько лет по специальности проработает, то он уже давно на пенсии и

уровень у него примерно президента большой компании…» [Кондратьев, 2004, 91] Увы! – это подтверждают бюллетени Министерства статистики Канады, например, исследование «Качество занятости иммигрантов на канадском рынке труда в 2008 году». Отчёт по развитым странам Европы и Северной Америки подготовлен при участии Всемирной организации труда и ООН. По Канаде отмечается, что зарплаты у иммигрантов ниже, работают они больше, чаще – на временных работах, и немного лучше ситуация у тех, кто приехал десять и более лет назад в Канаду. Встречается и уже знакомое нам понятие «избыточная квалификация»: «В 2008 г. 42% иммигрантов имели избыточную квалификацию. (Среди родившихся в Канаде таких 28%) Особенно страдают люди с высшим образованием: 2/3 иммигрантов с дипломами вузов занимают должности, требующие либо среднего специального образования, либо просто профессиональных навыков» [*le Quotidien*, 23 novembre 2009: http://www.statcan.gc.ca/daily-quotidien/091123/tdq091123-fra.htm]. Нетрудно догадаться, что Канада и «урождённые канадцы» (канадолы) вызывают у автора повести неподдельное раздражение: «Большая часть нации психически больна – это их медики уже официально сказали, диагноз – параноидальная шизофрения» [Кондратьев, 2004, 110].

Оказывается, эта проблема актуальна не только для «мультикультурной», иммигрантской Канады. В начале нового тысячелетия в Германии прошла дискуссия под названием «”Ведущая культура” и мультикультурализм». Термин «ведущая культура» принадлежал Фридриху Мерцу, депутату бундестага от ХДС/ХСС. «Ведущая культура» требует от приезжих: во-первых, соблюдения законов; во-вторых, знания языка. Против этих двух пунктов никто не возражает. А вот третье требование – признание обычаев и ценностей страны – фактически требование признания того, что культура любого принимающего общества обладает некоторым превосходством над обычаями и ценностями, которые привозят с собой эмигранты [Тищенко, 2005, 42]. Получается, что и «чужие» кажутся «местным» такими же несимпатичными личностями! И прецедент в Канаде уже был – «Правила, или Кодекс поведения Эрувилля», написанные жителями небольшого местечка под Монреалем для «неместных» и вывешен-

ные на сайте городской администрации! [Учаев, 2008, 61-66] В немецкой дискуссии принял участие бывший диссидент времён ГДР, бард Вольф Бирман, отметивший, что понятие «культура» зависит «от самых мелких деталей человеческого быта, от того, ест ли по утрам человек булочки или кашу, чистит зубы до еды или после еды, любит ли Гёте или Шиллера… до… может ли человек высказывать своё мнение в демократическом обществе» [Тищенко, 2005, 45]. Наверное, поэтому героя повести «Канада. Газетный мальчик» раздражает всё вокруг: т. н. *privacy*, категорический запрет заезжать на драйвей, сумасшедшая погоня за скидками и то, что домоуправ Майкл не верит, что у него несколько специальностей – ведь в Канаде живут с одной всю жизнь и живут небедно… Вот почему учёный из Волгограда Вячеслав Шевченко обращает внимание и на другую сторону проблемы: его статья так и называется – «Миграция и проблема совместимости социального опыта» [Шевченко, 2008, 140-145]. Необходимость же обыкновенных человеческих контактов отсылает нас к афоризму французского религиозного философа Тейяра де Шардена: «Контакт – это понимание различий». А вы заметили, что у русского «газетного мальчика» не было ни одного друга-канадца?

Как сложилась дальнейшая судьба автора-героя повести Юрия Кондратьева? На сайте, который, как оказалось, давно работает в автономном режиме, кроме запомнившейся трагической фразы – «То, что пережил в Канаде, сначала пережил в России – как беженец из Грозного» – был адрес автора. И он ответил на моё письмо. С 2003 г. Ю. Кондратьев живёт в Санкт-Петербурге, работает охранником. Жена преподаёт английский в Москве (он в столице не смог найти работу). То, от чего он отказался в Канаде – переход в сферу услуг – преследует его и в России. Он пишет в свободное время – о Канаде, о Грозном. «Единственно, утешает, что в состоянии отвечать на письма. И в России, как бы трудно ни было, всё же люди здесь другие», – просто напомнил мне Юрий Кондратьев.

Elena Ovcharenko,
MSU, Journalism Department,
Russia

Russian View at Canadian Mosaic (about the novel *Canada. Paperboy* by Yuri Kondratiev)

In general opinion Canada conducts a successful policy of Immigrant's adaptation. However the novel *Canada. Paperboy* by Yuri Kondratiev (2004) gives us different view of "Canadian Multicultural Paradise".

The protagonist of this novel, highly skilled electronical engineer, found himself on a lower level of Canadian social structure. In spite of his desperates efforts he receives only the position of "paperboy" – side by side with the immigrants from India, Pakistan and Africa. So, "Canadian Mosaic" has a bitter taste for "non-Canadians". The paradigm shift of Multiculturalism suggests that the centre of attention should be not in the "over-qualified" or "savage' immigrants but in *citizens*. In general, multicultural policy of human adoptation may be assessed from three angles: first, knowledge of "foreign" laws; second, knowledge of "foreign" language. No objection. But third, "foreign" customs, traditions and values – it's not possible for Multicultural Scenario! We acknowledge the fact that the role played by Multiculturalism in Europe as well in North America has become more and more prominent during the past years, however the results are inconsistent. In Canada every immigrants' group has its own social concept, the range is very wide and the positions are numerous, the Parliament's debates are really heated, but the hero of Yuri Kondratiev found the terms of "Canadian Mosaic" unreasonable for his family...

Литература

1. Владимирова М.А. Иммиграция и многокультурность канадского общества // США*Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 5.

2. Кондратьев Юрий. Канада. Газетный мальчик. – Москва. 2004. № 5.

3. Тищенко М. «Ведущая культура» и мультикультурализм. – Медиаальманах. 2005. № 3.

4. Учаев А.Н. Прецедент Эрувилля: закономерность или случайность? // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Выпуск 2. – Саратов, 2008.

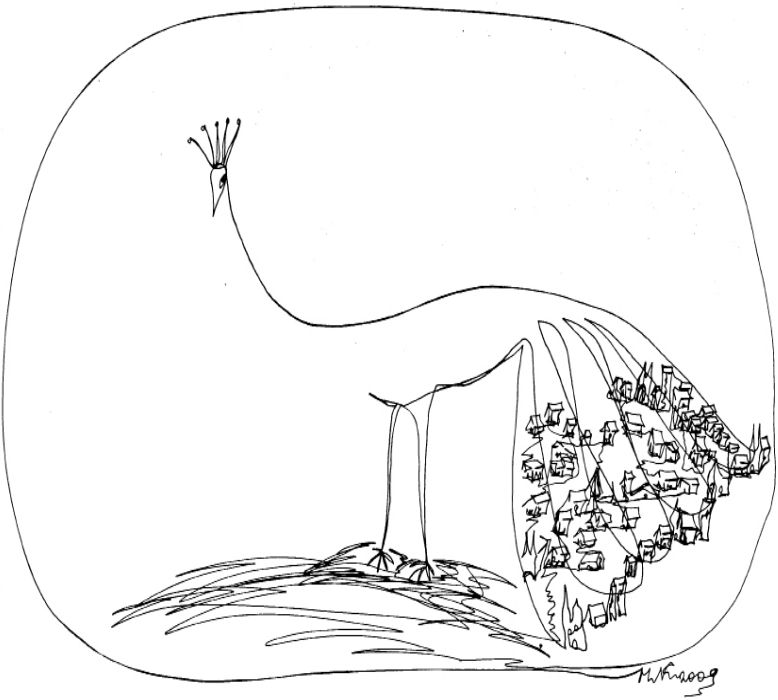
5. Чепурин А.В. Зарубежный русский мир: община или диаспора? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5.

6. Шевченко В.В. Миграция и проблема совместимости социального опыта. // «Старые» и «новые» границы Евразии и Северной Америки. Миграция: проблемы адаптации и сотрудничества. Выпуск 2. – Волгоград, 2008.

7. http://conrad2001.narod.ru

8. *le Quotidien*, 23 novembre 2009: http://www.statcan.gc.ca/daily-quotidien/091123/tdq091123-fra.htm

Круглый стол
«Образ России и образ Америки»



Round Table Discussion
Imprints: Image of Russia and Image of America

Jess V. Frost,
The Valery P. Chkalov Cultural Exchange Committee,
USA

FRIENDS INSTEAD OF ENEMIES:
A Short History of Vancouver's Chkalov Monument

How a Russian Pilot Put an End to the Cold War

Some people say Reagan put an end to the Cold War. No, Valery Chkalov did. With his eloquent two-river metaphor, he has embodied and symbolized important ingredients – the necessary attitude and approach – basic to all successful international endeavors.

«There are two rivers, the Volga and the Columbia, which flow on different continents, have different traits and character, but they flow peacefully on the same planet, not bothering one another, and, in the final analysis, make up elements of the same world ocean.

«So the peoples of the Soviet Union and the USA must live peacefully on this one small globe, and with cooperative work decorate this ocean of human life.»

Simple, but so true. These words have rung down through the years – through the bitterness of the Cold War – and struck a sensitive chord in the people of the Vancouver/Portland area in particular. They have inspired our citizens to work hard to keep alive his dream of Russians and Americans working together to «decorate the ocean of human life.»

Russian cosmonauts who have come to pay their respects, from Gherman Titov to Alexei Leonov and Valery Kubasov, have, without exception, emphasized the smallness of our planet and the need to value Chkalov's insight. Titov, in a particularly eloquent address to the Vancouver City Council in 2000, stressed the importance of Russian/American friendship and cooperation. Looking down from his 24 orbits in 1961 convinced him of the fragility of our tiny world, and the shortsightedness and stupidity of the arms race and the Cold War.

Gherman Titov made a powerful and lasting impression on the Americans he touched here in Vancouver, but so have the hundreds of other Soviet and Russian Heroes, and «non-heroes,» who have come to pay their respects to Valery Chkalov and his brave crew.

So who ended the Cold War? Vancouver citizens who met our Russian visitors could no longer believe the government propaganda about «evil, conniving, deceitful Russians,» who wanted to take over the world. Russians who met Americans could no longer believe we were all «selfish, capitalistic, imperialistic warmongers.»

The Cold War ended from the bottom up: It was people-to-people communication and friendships that in the final analysis dictated a required ending to the debilitating mistrust, prejudices, and hatred of the Cold War.

Chkalov/Vancouver: A Story of People-to-People Diplomacy

It should not be forgotten that this first ever flight across the top of the world could have ended in disaster, as did their colleague Levanevsky's polar flight attempt later that same year. He and his crew were never found.

Baidukov writes the following about their landing in Vancouver:

«Hey, guys! Get a move on! General Marshall is waiting for us!» shouted Valery. Belyakov and Baidukov, navigator and co-pilot, looked at one another. «I didn't expect anything like this,» Belyakov said, smiling.

«I didn't understand Valery,» responded Baidukov. «Is it a general or a marshal that's meeting us?»

«I don't think there are any marshals in the United States,» Belyakov answered.

Copilot Baidukov's confusion was understandable. They had just flown non-stop for 63 hours and 16 minutes in the cold, cramped cockpit of their ANT-25. Much had been endured: The high altitude caused nosebleeds, magnetic storms made the compass spin, clouds hid the sun for positioning, cyclones, head winds, and near fatal icing forced a change in course, the engine

overheated, drinking water froze, radio contact was lost for 12 hours.

It was June 20, 1937. They were headed for San Francisco, but the icing, headwinds, and change of course depleted their fuel supply and forced them to land miles short of their destination on a small, rain-soaked field in Vancouver, USA – with only 10 gallons of fuel remaining!

Little did they know they would be met and hosted in this small town by the soon to be famous general and future U.S. Secretary of State, General George C. Marshall. Perhaps more surprising to these Russian heroes was the stream of cars headed across the Oregon-Washington Interstate Bridge to greet them.

The three adventurers had intended to land at Portland's Swan Island, but «the thousands of people waving their hands and hats frightened them off,» Baidukov was later to write. Chkalov had read that the French had torn Lindbergh's plane apart for souvenirs and he was afraid it would happen here.

World attention had been focused on the flight for several days. Baidukov describes the following scene in his book, Chkalov.

«As soon as the chief pilot appeared on the balcony[of General Marshall's home], the huge crowd came alive: hats flew into the air; applause broke out; one could hear the powerful outbursts:

«Hurray Russian fliers! Hurray …'

«America's largest broadcaster, the National Broadcasting Corporation, had prepared everything for a program, which would have an audience of more than 12 million Americans.»

The three Russian fliers went on a triumphal tour of America, which culminated in a New York ticker-tape parade and a meeting with President Franklin D. Roosevelt in the White House. They turned out to be as skilled at diplomacy as they were at flying.

Unfortunately, the coming tensions of World War II soon erased Vancouver's memory of the Chkalov crew's courageous transpolar flight. It took détente (a period of relaxed U.S.-Soviet relations – «razryadka napryazhonnosti»), an embarrassing question and two enterprising Americans to revive Vancouver's memory 37 years later.

What Monument?

Détente brought the Soviet fishing trawler «Posyet» into Portland for supplies in the spring of 1974. Dick Bowne, a Clark County Public Utility District engineer, and Peter Belov, consultant to «Columbia Machine, Inc.» of Vancouver, invited two of the ship's officers to Bowne's home in Vancouver for the evening.

While crossing the Columbia River Bridge, which separates Portland, Oregon, from Vancouver, Washington, the officers asked to see «the monument» at Pearson Airfield, where Chkalov landed. The embarrassed Bowne and Belov had to explain that Vancouver had forgotten its role in the history of the world's first transpolar flight and the three famous Russian heroes.

Though strangers before they met on the «Posyet», Bowne and Belov resolved then and there to do something to commemorate the event. Perhaps «a small marker» would be both possible and appropriate.

The Chkalov Transpolar Flight Committee

Belov took the idea to his employers at «Columbia Machine», which had been working on a Russian marketing attempt. Owner Fred Neth had relatives still living in Russia, and Norm Small, international sales representative for the company, had been a World War II fighter pilot. They volunteered company support.

From there the plan took off. The Chkalov Transpolar flight Committee consisted of: President Norman Small, vice President Alan Cole, and members Dick Bowne, Peter Belov, Fred Neth, Ken Puttkamer, Mayor Lloyd Stromgren, Steve Small, Steve Smut, Dick Osborne, Danny Greco, Thomas Taylor, and Jess Frost.

Alan Cole (owner of «Portland's Premier Gear Co.») became committee president in 1977 and contributed immensely to its considerable diplomatic and cultural accomplishments in succeeding years. As the Cold War and U.S.-Soviet relations worsened, Alan and the committee were able to keep the focus on the three brave pilots and their fantastic flight and out of the ideological struggle.

It was a human, person-to-person effort, appreciated on both sides of the Iron Curtain and contributed significantly to melting the icy atmosphere of the Cold War. Soviet citizens, thanks to the prominent nationwide Soviet press coverage of the committee's efforts, perhaps knew Vancouver, USA, better than Vancouver, Canada.

On October 17, 1995, Alan Cole was awarded the Russian Federation Order of Friendship «For meritorious service in developing cooperation between American and Russian civic service organizations ...» President Boris Yeltsin signed the accompanying certificate.

In a follow up telegram, Prime Minister Viktor Chernomyrdin congratulated «Our dear friends – the founders of the Chkalov Transpolar Flight Committee ... for your many years of civic activity ... directed at strengthening the friendship ... between the Russian and American peoples.» He went on to note that, «This served as a beginning of the melding of the American and Russian peoples.»

Ninety-seven local companies donated money, labor and materials to complete the Chkalov monument by June 20, 1975, in time to play a role in Vancouver's 150th birthday party that summer.

The «small marker» had turned into a $75,000 ($200,000 in today's dollars) monument of considerable proportions, when measured by Vancouver, and indeed by U.S., standards. The State of Washington donated land along the edge of Pearson Field and beside Highway 14 for the development of a park to complement the monument. Birch trees, flowers and shrubbery were added to give it a «Russian touch» in an attractive setting.

As a result of Highway 14 improvements, the monument was moved in 1996 to its present location closer to the spot where the ANT-25 came to rest in 1937 and next to the Pearson Air Museum. It lost its beautiful park, but its location is perhaps more historically relevant. The museum itself contains an outstanding exhibit of the 1937 flight history and memorabilia.

Videotape with historic shots of the plane's Moscow departure and the story of the flight are constantly on display. A large scale-model of the ANT-25 can also be seen there.

Many gifts were brought from Russia and placed in the Marshall House for Vancouver and its tourists to enjoy. A huge

bust of Valery Chkalov and an English translation of Georgy Baidukov's book *Chkalov*, signed by both President Jimmy Carter and General Secretary Leonid Brezhnev, attract much attention.

The 1975 Dedication

Citizen contribution to the monument was exceptional, and the Russian response to this contribution exceeded all expectations. Among the many gifts to come were three bronze plaques of the ANT-25 and the Soviet Press's 1937 account of the flight, which were presented to the committee and compose the centerpiece of the monument.

In addition, the Russians sent their finest airliner, an IL-62M, to follow Chkalov's route over the pole and to carry Belyakov and Baidukov once more to Vancouver. Valery Chkalov's children, Igor, Valeria and Olga, were also present, as were the families of Baidukov and Belyakov.

Ambassador and Mrs. Anatoly Dobrynin from Washington, D.C., Consul General and Mrs. Alexander Zinchuk from San Francisco, plus 11 other diplomatic dignitaries, represented the Soviet Union.

The Governor, later U.S. Senator, Dan Evans, headed the Washington State delegation, which was made up of state senators and representatives. Sol Polansky, deputy director of the Office of Soviet Affairs, represented Washington, D.C. and Mayor and Mrs. James Gallagher represented the city of Vancouver.

A new street, Chkalov Drive, was also dedicated on June 20th. It was located on a barren, rural field in 1975. Promises to the Russians that it would grow into one of the busiest of Vancouver's urban centers were received by the Russians, and some Chkalov Committee members, with a considerable degree of skepticism.

Such high-level attention to its efforts was beyond the wildest dreams of our Chkalov Committee. Finally, the committee and its contributors were flown to San Francisco in the IL-62M for an elaborate reception at the Soviet Consulate.

The Chkalov delegation then repeated the 1937 itinerary by flying to Washington, D.C. to be greeted at the White House by President Gerald Ford.

The Years Since

Delegations from Vancouver have traveled to Moscow and delegations from Moscow have traveled to Vancouver many times to commemorate the 1937 flight and the construction of the monument.

In addition, ambassadors, diplomats, cosmonauts and goodwill groups have stopped by to pay tribute to the monument and what it represents in U.S.-Russian relations. One of the most memorable early visits was that of Russian Cosmonauts Alexei Leonov and Valery Kubasov, who, in 1975, traded capsules with American astronauts in the Apollo-Soyuz mission.

Large delegations were exchanged on the flight's 50th and 60th anniversaries. In 1997, an «Aeroflot» Ilyushin-96 was chartered to take almost 100 Vancouverites to Russia for a marvelous commemorative program in St. Petersburg and Moscow.

On November 18, 1999, The Valery P. Chkalov Cultural Exchange Committee was incorporated and received tax exempt status to continue the work of the Transpolar Flight Committee.

Its first exchange included the 2000 visit by Gherman Titov, the second man to orbit the earth (the first to do it 24 times). He gave an eloquent presentation to the city council describing the beauty of the earth from space, and a heartfelt plea for Russian-American cooperation to protect this «vulnerable, tiny, cosmic spec we call home.»

In 2002, General Nikolai Moskvitelev, Russian Air Defense Commander from 1977-1987, led the Russian delegation. As Kelly Adams of the Columbian reported, «With his shock of white hair and perfect posture, Moskvitelev moved with the regal bearing of a visiting head of state.»

Kelly continues, «He placed his hand on his heart and bent forward in a reverential bow to the crowd» and told them, «I present myself to you with special humility.» He then surprised and impressed us all by getting down on his knees, leaning over and kissing the ground under the monument's arch in honor of his country's famous hero. The moment was captured by Columbian photographer Troy Wayrynen in a unique photo of

this former Russian Air Force Chief honoring Valery Chkalov's achievement in bringing our two countries closer together in peace.

In 2004, a Vancouver delegation was invited to Moscow, Nizhny Novgorod, and Chkalovsk to celebrate Chkalov's 100th birthday, February 2nd. Our delegation was treated royally and shown on Russian national television in a huge celebration in the «Rossia» hotel near Red Square, and as we placed flowers by Valery Chkalov's remains in the Kremlin Wall.

We then traveled to Nizhny Novgorod, the region where he was born and raised. There we were received by Governor Khodyrev and toured their Kremlin on the banks of the Volga. We placed flowers again on the huge statue of Valery Chkalov overlooking the river. The next day we were sent in a chartered bus with police escort along snow-covered roads on an hour and a half trip to the village of Chkalovsk, Valery's birthplace. Here we saw the actual plane he, Georgy Baidukov and Alexander Belyakov flew to Vancouver.

Our respect for these adventurers grew immensely on seeing the narrow, sparse cabin and primitive equipment they had to rely on to cover the unknown expanses of snow and ice separating our two continents and peoples.

On returning to Vancouver, we hosted our new Russian friends with a Mayor's reception at the Marshall House, a rededication of the Chkalov Monument, and an evening dinner at the Pearson Air Museum. Also included in their stay was a trip to Olympia to be received by Governor Gary Lock and Supreme Court Chief Justice Gerry Alexander.

For the 70th anniversary in 2007, delegations were again exchanged with goodwill and friendships enhanced.

On November 9, 2009, The Chkalov Cultural Exchange Committee celebrated its 10th anniversary as a registered, non-profit organization dedicated to the dream articulated so eloquently by Valery Chkalov with his two-river metaphor on June 21, 1937.

A successful «CCEC Birthday Party» was organized, which was well attended by community leaders. I discussed our history with the help of pictures from the committee's many exchanges, which were displayed by computer on a large screen. The commentary, memories, and good feelings generated by these

exchanges were shared and received with good humor and warmth by the many attendees.

A major purpose of the «Birthday Party» was to inform community leaders of our plans for the future. In June 2010, CCEC will honor the remaining members of the Transpolar Flight Committee and commemorate the 35th anniversary of the dedication of the Chkalov Monument. CCEC is also planning a major effort to involve these leaders and the community in recognizing the 75th anniversary of the flight in 2012. We hope to work closely with our Russian friends to make this anniversary one of the best in memory.

Vancouver's new mayor, Tim Leavitt, as well as the Washington State Senators and Representatives in attendance, were inspired by our history and eager to help us continue and enlarge our efforts to improve Russian/American relations and friendship.

The Meaning of the Monument

The original intent of the monument was to honor three brave pioneers, who were first to fly across the North Pole in a dangerous 63 hour, 16 minute flight. It is now tied to larger considerations of Russian/American relations.

The Chkalov monument will forever remind us that human qualities of courage, cooperation and friendship transcend those of narrow nationalism. No one has said it better than Valery Chkalov, son of a half-deaf boilermaker from a tiny village on the Volga River. From the balcony of the Marshall House on June 21, 1937, 18 months before he was to die in that fatal plane crash, Valery gave us the hope encompassed in the two-river metaphor.

He closed by saying, *«We bring the great American people wishes of happiness and well being from our great people on the red wigs of the ANT-25, having overcome all obstacles of which nature is capable.»*

The obstacle of understanding Russia for Americans, however, still must be overcome. From the American comedian-philosopher Will Rogers' declaration that, «Whatever you say about Russia, it's true.» To Gen. Nathan F. Twining, Chief of Staff

of the USAF, on returning from Russia on July 4, 1956, that, «Nobody is an expert on Russia. There are just varying degrees of ignorance,» to Winston Churchill's exasperated, «Russia is a riddle, wrapped in a mystery inside an enigma,» it is clear that Russia presents Americans with a challenge to understanding.

It is clear that Valery Chkalov, Georgy Baidukov and Alexander Belyakov were first to present America with a bridge to that understanding by bringing «… the great American people wishes of happiness and well being … on the red wings of the ANT-25 …» and connecting our two peoples.

In taking Chkalov's two-river metaphor as its mission statement, The Valery P. Chkalov Cultural Exchange Committee hopes to continue the great tradition of friendly people-to-people exchanges initiated by «our» courageous Russian pilots. We are certain the people of Vancouver and this metropolitan area will continue to show first class hospitality to Russians, who travel to this side of the world to pay their respects to us and to their heroes, who have over the years become symbolic citizens of our community.

I would just like to add a word of tribute to Igor Chkalov, son of Valery. Igor was as an example of the effectiveness of Russians and Americans getting together. He was a good Communist in 1975 – a fervent patriot – and yet, after visiting Vancouver, he became an assertive, effective activist in support of trusting Americans and improving our relations. Igor was a bigger than life personality, who contributed greatly to continued productive Vancouver/Russian relations.

I miss him greatly, as a friend, a colleague, and someone who sincerely wished, as I do, that Russia and America could be friends and work to "decorate this ocean of human life."

We have much in common, we Americans and Russian. We should concentrate on those commonalities and minimize the differences, imagined and real, that tend to divide us. The Chkalov Cultural Exchange Committee will continue to work toward convincing Americans of that fact.

И.В. Быстрова,
Институт
российской истории РАН
Россия

Лидер к лидеру, человек к человеку: личный аспект взаимоотношений «Большой тройки» в 1941-1945 гг.

В зарубежной и отечественной историографии проблема взаимоотношений между странами «большой тройки» – СССР, США, Великобританией – освещалась как часть истории Второй мировой войны. Основное внимание уделялось военно-дипломатическим, экономическим (ленд-лиз) аспектам союзнических отношений.

Предметом повышенного интереса историков разных стран традиционно были личные взаимоотношения между высшими руководителями «Большой тройки» – И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом и У.Черчиллем, и на эту тему было опубликовано немало книг. В период холодной войны общественность США, СССР, Великобритании узнала о взаимоотношениях между лидерами «Большой тройки» из опубликованных документов – знаменитой переписки, официальных материалов конференций союзников 1941-1945 гг. В последние годы увидел свет ряд отечественных и зарубежных документальных публикаций из архивов, затрагивающих личные взаимоотношений лидеров «Большой тройки».

Рассекреченные архивные документы позволяют показать «человеческую сторону» взаимоотношений между союзниками на всех уровнях в виде личных контактов. Личные контакты рассматриваются как форма осуществления и сотрудничества, и конфликтов между союзниками по ряду ключевых проблем (по вопросам поставок, проблеме Второго фронта и т.д.).

В центре нашего внимания – проблема личного контакта, его форм, особенностей, влияния на взаимное восприятие союзниками друг друга. Личные контакты между союзниками осуществлялись на различных уровнях: на высшем – между

руководителями стран; на среднем – уровне военных, дипломатических представителей (послы, дипагенты), промышленников, посещавших СССР в годы войны; на уровне повседневных контактов между рядовыми советскими людьми и иностранцами.

Районами такого взаимодействия на территории СССР были, во-первых, дипломатические центры – Москва, Куйбышев, Владивосток (где находились дипломатические миссии союзников). Личное общение между официальными представителями союзников и «простыми» советскими людьми было затруднено, поскольку иностранцы сознательно отгораживались советскими органами безопасности.

Во-вторых, зонами непосредственного взаимодействия между советскими людьми и «простыми» американцами и британцами были города, где останавливались и подолгу находились союзные конвои «северного маршрута» ленд-лиза – Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск). Кроме того, группировки американских ВВС базировались на авиабазе в Полтаве, откуда совершали челночные бомбардировки Румынии, названные в честь Сталина «Фрэнтик Джо» [Печатнов, 2006, 148]. Американские летчики сталкивались с советскими людьми – в основном военными и сотрудниками спецслужб и дипломатическими представителями – в связи с начавшимися с марта 1942 г. и участившимися особенно в 1944 г. посадками американских самолетов, которые вели войну с Японией, на Советском Дальнем Востоке. Контакты имели место и на южном «персидском» направлении, на территории Ирана, через которую также осуществлялись поставки по программе ленд-лиза. На территории США такие контакты осуществлялись на Аляске – в Номе и Фэрбенксе, где советские летчики принимали американские самолеты, перегонявшиеся по авиатрассе «Аляска-Сибирь».

Контакты имели место и на отдельных участках советско-германского фронта, и в промышленных центрах (Урал, Сталинград), куда выезжали с ознакомительными поездками представители союзников (Г.Гопкинс, У.Уилки и др.). Некоторые представители дипкорпуса (американский консул во Владивостоке А.Уорд) совершали поездки через всю страну и оставили путевые заметки с впечатлениями о жизни советских людей.

В начале войны влиятельные политические силы в США выступали против союза с СССР. Как докладывал в записке В.М.Молотову от 4 июля 1944 г. посол СССР в США А. А. Громыко, в официальных кругах и среди общественности США в то время господствовало мнение, что Советский Союз потерпит поражение через несколько месяцев после начала советского-германской войны [АВП РФ, 1, 5] Президенту Ф.Рузвельту приходилось вести длительную работу по «перевоспитанию» Конгресса, общественного мнения и своего собственного народа.

В процессе «перевоспитания» своих народов Сталин и Рузвельт ссылались на то, что Россия и Америка имели глубокие исторические традиции дружбы, основанные на том, что у русского и американского народов было много общих черт. Рузвельт подчеркивал, что оба народа являются реалистами, и противоречия между ними возникают из-за больших расстояний, их разделяющих, и недостатка средств связи [РГАСПИ, 3, 3]. Представители США отмечали, что симпатии американского народа к русскому имели глубокие исторические корни, уходящие в историю войны США за независимость, когда единственной страной, поддержавшей США в борьбе против Англии, стала Россия. Сталин риторически повторял, что общность двух стран заключалась в их «демократичности», в противовес «аристократической» Англии.

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д.Нельсоном 15 октября 1943 г. Сталин сделал вывод: «В течение 20 лет строительства в нашей стране русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами» [РГАСПИ, 3, 50-51]. Общность национального характера виделась в простоте и демократичности.

В ходе войны укрепилось стремление «практичных» американцев к экономическому сотрудничеству с СССР. В беседах с представителями деловых кругов США в 1943-1945 гг. Сталин постоянно подчеркивал, что СССР крайне заинтересован в продолжении сотрудничества, в частности, в американских кредитах.

Параллельно с деловыми контактами между вождями, военными, промышленниками, дипломатами складывались неформальные личные отношения: люди регулярно обмени-

вались подарками (вино, коньяк, табак, трубки для курения, фотографии, книги, кинофильмы).

Личное общение между «рядовыми» американцами, англичанами и советскими людьми имело место, например, в местах стоянки северных конвоев (Мурманск, Архангельск). Согласно архивным документам, большинство «иноморяков» питало симпатии к советскому народу и Красной Армии. Они мало знали о Советском Союзе, но интересовались жизнью в СССР. В созданных для союзников «Интерклубах» сообщения об успехах Красной Армии на фронтах встречались бурными аплодисментами. Они выражали свои симпатии различными способами: собирали подарки для раненых солдат Красной Армии, сдавали кровь для советских госпиталей на станциях по переливанию крови и т.д.

Местное население в целом также относилось к американским и английским морякам с симпатией как к союзникам. Однако не обходилось без эксцессов в виде хулиганства и более тяжелых преступлений со стороны моряков; спекуляция мелкими предметами иностранного производства, в которой были задействованы как иностранные, так и советские граждане; мелких преступлений со стороны местного населения (наиболее распространено было обворовывание иноморяков подростками).

Пребывание в СССР приводило зачастую к изменению привычных для иностранцев представлений. Так, по рассказам американских моряков, в США бытовало мнение, что Красная Армия успешно наступает благодаря помощи американцев вооружениями и материалами. Посетив СССР, многие моряки признавались, что привозимые ими на Север грузы составляли только небольшую часть того, что требовалось для войны СССР с Германией [АВП РФ, 2, 40-41].

Взаимное недоверие проявлялось в отношениях между советскими военными властями и американскими летчиками на Дальнем Востоке. С одной стороны, из ежедневных донесений советских дипагентов следует, что американцы пытались скрыть свои истинные намерения, вели себя двусмысленно. С другой стороны, экипажи самолетов сразу после посадки «отделялись» от самолетов, и им не давали более доступа к их машинам. Летчики интернировались и отправлялись в советский тыл, в Ташкент, откуда совершали попытки

к бегству, о чем имеются подробные свидетельства в американских документах.

В целом советские и американские документы показывают, что «лед недоверия» между союзниками не растаял до конца. Однако по мере развития личных контактов привычные стереотипы слабели, отношения становились более человечными и дружескими. В период войны сформировался в своеобразную модель неформальных отношений «лидер к лидеру», «народ к народу», «человек к человеку» между СССР и странами Запада и способствовала обогащению представлений советских граждан, американцев, британцев в отношении друг друга.

Irina Bystrova,
RAS Institute of Russian History,
Russia

Leader to Leader, People to People: The personal side of relations of the "Big Three" in 1941-1945

In both Russian and Western historiography, problem of relations between the Allies was considered to be the part of history of World War II. The main attention was paid to diplomatic, political and military-economic cooperation (Lend-Lease). Personal relations between the highest leaders of the Big Three countries – Joseph Stalin, Franklin Roosevelt and W. Churchill –were studied in a number of historical works, from 1950s to nowadays. In the years of the Cold War the public in these three countries learned a lot about relations between Stalin, Roosevelt and Churchill from their famous correspondence, the official records of wartime the Big Three conferences. In recent years a number of new publications of archival documents, connected with that subject, appeared in Russia and in the West.

Subject of this article is the personal side of wartime contacts between Soviet, American and British leaders, military representatives and soldiers, industrial and cultural visitors to the Soviet Union.

Archival sources opened in recent decade, give us the opportunity to show the personal side of cooperation in the form of personal contacts (questions of Lend-Lease supplies, problem of the second front in Europe, post-war order in Europe, etc.).

Personal contact can be considered both as a form of cooperation, and as a form of conflict between the Allies on the number of key wartime problems.

The problem of personal contact (its forms, peculiarities, evolution) lies in the core of the project. Personal contacts between the Allies were made on several levels: 1) on the highest level – between the leaders of the countries (Chairman of State Council of Defense I.V. Stalin, President of the United States of America F.D. Roosevelt, Prime Minister of Great Britain W. Churchill); 2) on the middle level – between military, political, diplomatic representatives, industrial leaders, mass media, who visited the USSR in the wartime; 3) on the level of day-to-day contacts between common Soviet people and foreigners.

The main areas of contacts on the Soviet territory during the war were, first of all, the diplomatic centers – Moscow, Kuibyshev; Vladivostok (where diplomatic missions of the Allies were situated). In this areas contacts between political, military and diplomatic representatives took place (personal relations of official foreign representatives and Soviet people were barred by the security organs).

Secondly, the zones of more immediate contacts between the «common» Soviet people and British and American marines were the cities where the Allied convoys stopped – Archangelsk, Murmansk, and also the air base in Poltava, were the American planes were based. Contacts appeared in the Soviet Far East, in connection with the Far Eastern route of Lend-Lease (Alaska – Siberia air line), and with the American planes' landings on the Soviet territory, in course of their battle against the Japanese.

Contacts were made in some sections of Soviet-German frontline, and in some of the Soviet cities and industrial centers (the Urals, Stalingrad, etc.), which the Allied representatives visited. Some of diplomatic representatives (like the US General Consul in Vladivostok) made trips through all of the country and left their diaries reflecting wartime life of Soviet people, situation in cities and villages, etc.

Most of the Allies' visitors wanted not only to meet Stalin and other Soviet leaders but to see Russian cities, enterprises, military actions at the fronts. The main purpose of these visits was to learn and bring the truth about Russians and their struggle against Germans to America, Great Britain, to help rendering assistance to Russian people.

Soviet Russia and «Democratic West» became enemies after October 1917. That hostility was not easy to surpass. Enemies had to become friends in their struggle against the coalition of Germany, Japan and Italy. It took time, and in some aspects these differences had not been surpassed at all.

Historical memory turned to be very useful for the Big Three leaders to restore traditions of friendship. Stalin and Roosevelt used the motive that Russia and America had had long historical traditions of friendship, and that Russians and Americans had much in common.

According to Roosevelt expression cited to Stalin by the US Ambassador Standley on April 23 1942, «there were all the grounds for traditional friendship between our peoples, which had existed even before the Americans became a nation. This ground is the character of our peoples. Both peoples are realists, and they understand well, that misunderstandings that sometimes appear are explained by big distances dividing them and by not sufficiently quick means of communication» [РГАСПИ, 4, 35].

Stalin's opinion can be cited from his talk with Chairman of US Chamber of Trade Johnston on 26 June 1944. Johnston «thinks that Russians want to deal with Americans also because they do not have special sympathy for England.

Comrade Stalin says that that is not the matter. England is aristocratic country, and the USA is not. Under the tsar Russia was ruled by aristocracy, but the people drove aristocracy away and Russia has become democratic country. This is one of the reasons of Russians' sympathies to America.

Johnston notes that Americans' sympathies to Russians have historical roots. During the American Revolution, none of autocratic regimes in Europe wanted to deal with America. The only exception was Russian tsar, and the Americans remember it well» [РГАСПИ, 4, 68]. By the end of the war, Stalin stood for continuing cooperation with the USA; he thought that the

USSR was in big need of the American investments. He usually expressed these ideas in his talks with representatives of the American business in 1943-1945.

Informal relations were established between the American, Soviet and British diplomats, the military, businessmen, and common people. One of the forms of these contacts was the exchange of gifts between the Allied representatives.

During their stay in Northern Russia, American and British marines had numerous contacts with Soviet people. Most of them had sincere sympathies to the Soviet people and their fight against Nazi Germany. Lectures about the Red Army victories in «International clubs» organized for foreign marines in Murmansk, Archangelsk, Molotovsk, were usually met with applause. They gathered gifts for the wounded Soviet soldiers, gave their blood to the local hospitals, etc.

Local Soviet population also treated American and British with sympathy, like Allies. However, these contacts between «common people» had also criminal side shown in NKVD documents; both foreign marines, and Soviet people committed crimes like robbery, rape, beating, etc.

This life experience in the Soviet Union changed some general notions and stereotypes about the Soviet people rooted among Americans and British. For example, they found out that the role of the Allied aid under Lend-Lease program was not so substantial for the Soviet side, as propaganda in their countries stated.

A sort of mutual misunderstanding took place in the Far East between Soviet authorities and American pilots whisch landed on the territory of the USSR in the course of their fight against Japan.

Thus during the war the ice of mutual distrust between the Allies did not melt out to the end. However, in general during the war a specific model of personal relations between the Allies was formed, which went through contacts from leader to leader, from people to people. It helped to develop mutual understanding between East and West, which only became possible in the unique wartime conditions.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. Оп. 63. Папка 45.

2. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. Пор. 72. Папка 162.

3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 379. Л. 3.

4. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 286.

5. Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. М.: Терра – Книжный клуб, 2006.

6. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи, беседы, дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945. М.: Наука, 2004.

7. Allen T. B. *Declassified: 50 top-secret documents that changed history*. Washington, D.C.: National Geographic, 2008.

8. Edmonds, R. *The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace & War.* New York: Norton, 1991.

9. Feis H. *Churchill, Roosevelt, and Stalin: the War They Waged and the Peace They Sought.* Princeton, 1957.

10. Fenby J. *Alliance: the Inside Story of how Roosevelt, Stalin and Churchill Won One War and Began Another.* San Francisco: MacAdam Cage, 2006.

11. Larres K. *Churchill's Cold War: the Politics of Personal Diplomacy*. New Haven: Yale Univ. Press, 2002.

12. Rees L. *Pact with the Devil: Stalin and the West in World War.* New York: Pantheon Books, 2008.

13. Stewart V. *Three Against One: Churchill, Roosevelt and Stalin vs. Adolph Hitler.* Santa Fe: Sunstone Press, 2002

14. *The Secret History of World War II: the Ultra-secret Wartime Letters and Cables of Roosevelt, Stalin and Churchill.* New York: Richardson & Steirman, 1986.

А.Л. Баскина,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
факультет журналистики,
Россия

Навыки противостояния: Принципы воспитания детей в американской семье

В течение десяти лет я работала в США. За это время мне пришлось жить в десятках американских семей. Таким образом я имела возможность наблюдать американскую жизнь как бы изнутри. Сегодня я хочу рассказать о некоторых принципах воспитания детей.

Как закалить физически

В тот день, когда ребенок появляется в доме, начинается его физическое воспитание. Главная цель – сделать его крепким, стойким к болезням. Словом, развить сильный иммунитет. Младенца по несколько часов держат голым в комнате или на веранде. Купают в прохладной, а то и просто холодной воде. Позже ему начнут давать перед едой стакан воды со льдом. К этому он привыкнет и потом всю свою жизнь прежде чем перекусить – позавтракать или пообедать – будет пить любой напиток только со льдом. Я думаю, навык этот появился издавна именно для закаливания горла, но теперь уже просто вошел в привычку, без раздумий.

Кстати, американские педиатры вообще предпочитают лечить своих маленьких пациентов холодом. Я помню, как удивилась, когда впервые услышала такой диалог. «Мама, у меня болит горло», – пожаловался сынишка моей хозяйки. Она посоветовала: «Открой холодильник, достань банку с кокой и выпей ее маленькими глотками до дна». Я, привыкшая в таких случаях к чаю с лимоном или горячему молоку, с ужасом ждала, что будет. А был от этого ледяного напитка примерно тот же эффект, что и от горячего: ребенку стало легче.

Другой рецепт американских врачей: завертывать больного ребенка с высокой температурой во влажные и очень холодные простыни.

Забота американских родителей о физическом здоровье ребенка является заботой номер один. При этом они вполне равнодушно относятся к тому, что у нас называется «прогулки на свежем воздухе». Я очень редко встречала в парках женщин с колясками. Не видела я там и особенно много ребятишек, бегающих самостоятельно. Разве только на игровых площадках с детскими спортивными сооружениями. Там они получают как бы первые навыки физических упражнений. Эти навыки позволяют им потом плавно перейти к настоящим спортивным занятиям.

Спорт, впрочем, это не просто занятия – это образ жизни. В моих знакомых семьях я не встречала ни одного – буквально ни одного! – школьника, который бы не играл в баскетбол, американский футбол, хоккей, волейбол, не ходил бы в бассейн или в группу спортивной гимнастики. Обычно каким-либо из этих видов мальчик или девочка занимаются всерьез, а еще одним постольку-поскольку.

Спорт – важная часть домашнего воспитания. Об этом легко догадаться, когда встречаешь юношей и девушек из США на каком-нибудь молодежном сборище в Европе, а уж тем более в Азии, да и на любом другом континенте. Американцев всегда отличишь по спортивной походке, здоровому цвету лица, свободе движений. Я много раз слышала, что эта нация здоровая по определению: в силу генетической молодости, хорошего питания, экологического контроля. Все это верно, но не до конца. Немалую роль тут играет продуманное и целенаправленное физическое воспитание. А осуществляется это воспитание уже не в одном поколении, и с каждым десятилетием все интенсивнее. Так что сегодня в большинстве семей, которые я знаю, родители и сами не чужды спорту или хотя бы физкультуре. Тем легче приобщить им своих детей к спортивным занятиям.

Навык противостояния

Здоровье, физическая выносливость, это, однако, не самоцель. Это лишь один из способов подготовить ребенка к будущим испытаниям сложной, напряженной жизни. Острая конкурентность, непрестанная борьба за все более высокий уровень жизни, напряжение и стрессы – вот постоянный психологический фон деловой сферы взрослого американца.

К нему-то и стараются подготовить ребенка заботливые родители. Иначе он не выдержит. Иначе вырастет неудачником. Таких, кстати, здесь тоже хватает.

Какие же качества необходимо привить ребенку-подростку-юноше, чтобы выжить в этой тяжелой конкурентной борьбе? Приведу их в том порядке, как это делает М.Лернер: «Находчивость, трудолюбие, легкость в общении, умение адаптироваться, целеустремленность, сообразительность, самостоятельность».

С раннего возраста родители приучают школьника самостоятельно зарабатывать деньги. В книге Барбары де Анджелис «Секреты о мужчинах», недавно переведенной на русский, я прочла: «Вы, конечно, знаете этот тип мальчика: он охотно косит лужайку у своего дома, чтобы заработать законный рубль» – и улыбнулась. Переводчику не пришло в голову, что для российского читателя этот пассаж звучит очень странно. Как это, делать какую-то работу по дому – своему и своих родителей дому! – за деньги? Дикость. Но для американца не дикость, а норма. Сколько раз наблюдала я такие картинки. Девочка убирает родительскую спальню за деньги. Мальчик моет машину отца. Племянница приходит на пару часов понянчить ребенка родной тетки. Обе стороны предварительно договариваются об оплате. В разговорах со взрослыми я несколько раз высказывала сомнения, а не разрушает ли этот обмен «услуга – деньги» естественное бескорыстие родственных отношений. Но чаще всего встречала непонимание: труд есть труд, он должен вознаграждаться, где тут проблема?

А уже в тринадцать-четырнадцать лет школьник совершенно официально поступает на работу, где он занят part-time, то есть несколько часов в день. Чаще всего это официант в кафе или продавец в Макдональдсе, посудомойка в ресторане или мойщик машин на бензоколонке, помощник в библиотеке или в компьютерном зале.

Есть, правда, и побочные последствия финансовой автономии. Собственные деньги очень рано дают подростку ощущение психологической независимости от семьи. Он сам может принимать решения, не советуясь со старшими. А опыта-то нету. И подчас опасность связаться с наркоманами, а то и с уголовными бандами, подстерегает его за углом. Но все

это, конечно, крайности, они встречаются редко. Нормальный же американский подросток все-таки потратит деньги скорее на хороший велосипед или старенькую машину. Часто он откладывает их в счет будущей учебы в колледже или университете. Чтобы меньше был кредит, который он возьмет в банке для оплаты учебы.

Когда же наступает время поступления в университет, тут семейная подготовка к самостоятельной жизни достигает своего пика. Завершающим аккордом этой подготовки станут проводы сына или дочери в края, далекие от родного дома.

…В западном американском штате Вашингтон, в его столице Сиэтле ко мне после выступления перед студентами подошли две девочки. Они спросили, как мне удается адаптироваться к американской культуре, а когда я честно ответила, что с трудом, понимающе закивали.

– О, нам тоже очень трудно, – печально сказала одна из них. – Мы же из Бостона. Очень скучаем по дому. Но приехать удается нечасто – денег на самолет не хватает.

– А почему вы так далеко вообще забрались? Ведь в Бостоне и его окрестностях несколько десятков университетов и колледжей.

И тут одна из девочек отвечает мне загадочной фразой:

– У тебя с родителями плохие отношения?

– Нет, мы очень любим друг друга.

Понадобилось некоторое время, чтобы я поняла, что никакого парадокса здесь нет. Это обычная семейная традиция. Как только дети подрастают, они уезжают из родительского дома, чем дальше, тем лучше. Они должны научиться жить самостоятельно, без родительской опеки. Должны один на один встречаться с трудностями и уметь их преодолевать. Должны сами зарабатывать на жизнь и лишь в чрезвычайных обстоятельствах обращаться за помощью.

Под влиянием доктора Спока

Знаменитый педиатр своей книгой «Ребенок и уход за ним» произвел в начале 60-х революцию в умах прагматичного американского общества. «Больше доверяйте своей интуиции. Главное, что нужно ребенку, – ваша любовь и забота», – призывал он.

Влияние доктора Спока было столь велико, что и сегодня, полвека спустя, можно обнаружить его следы в либерализации системы семейного воспитания.

Правда, споры вокруг него, вспыхнувшие впервые сразу же после выхода книги, не утихают до сих пор. Противники обычно мало возражают против его доктрины любви и заботы. Но опасаются по поводу свободы ребенка. До какой степени допустима эта свобода? Где кончается безобидная инициатива и начинается опасная вседозволенность? Где проходит грань, отделяющая естественный родительский контроль от чрезмерного давления?

Некоторые учителя, с которыми мне доводилось беседовать, жалуясь на снижение успеваемости своих учеников, впрямую связывают это явление с уменьшением требовательности к ним в семье. В ответ на упреки в чрезмерной снисходительности американские родители любят оперировать таким аргументом: ребенок должен испытывать как можно больше положительных эмоций.

Во главу угла в образованной американской семье ставится цель, которую называют по-разному – «позитивность», «эмоциональное равновесие», «душевный комфорт». Я бы сформулировала это проще: ребенок должен чувствовать себя счастливым. Достигается это по-разному. Вы редко увидите родителя, распекающего ребенка. Но зато часто услышите: «Ты молодец!», «Как это у тебя так хорошо получилось?», «У тебя все непременно выйдет».

По совету своих психологов американцы стараются не создавать у ребенка комплекса вины. Напротив, стремятся привить ему самоуважение, уверенность в себе, своих силах. И стараются всячески создавать ему хорошее настроение. Считается, что именно так он обретает запас оптимизма, который потом войдет в него как органическая черта характера. Американского характера.

Ada Baskina,
MSU, Department of Journalism,
Russia

Education and Upbringing Principles in American Family

Over 12 years I have been working in America. And almost all that time I stayed in American homes. So I could watch domestic life «from inside».

Today I am going to tell about some principles of education and upbringing children an American Family.

By my impression the main goal for parents is to give their kids skills for overcoming difficulties and complications in their future. How to resist stressful and competitive life? There are at least three aims.

The first aim is physical strength and good health. All kids, from baby to teenager, are hardened by cold bathing, drinks with ice and open heads even in the frost. Sports is a mandatory almost for each youngster.

The second aim is independence from the parents' family. Max Lerner, a well-known American sociologist, wrote: «A youngster, if he wants to survive in a hard life struggle should be resourceful, purposeful, adjustable, quick of mind. All these traits come with independence from parent family.»

The third aim is optimism, or as Americans say, «positivism», «emotional balance», «emotional comfort». Simply saying, a child should be happy. I never saw a parents abusing their kid, and very rarely those who blamed a child. I often heard: «You've done it well», «Good for you!», «You will win!». By their psychologists' recommendations, parents try to avoid creating «guilty complex», but to get self-esteem.

Such is a short resume of education and upbringing principles, creating real American character.

Литература

1. Баскина А.Л. Американская семья (аудиокассета). – М.: Молодая гвардия, 2007.

2. Баскина А.Л. Повседневная жизнь американской семьи. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 200-204.

3. Баскина А.Л. «Скажите “Che-e-ese”». – М.: Энас, 2009. – С. 50-56.

4. Lerner Max. *America as a Civilization. Life and Thought in the US.* – New York: Simon and Schuster, 1987. – P. 203-242; 429-430.

5. Spock Benjamin. *Baby and Child care.* – New York, Rocket Books, 1998 (8-th edition). – P. 162-165; 598-601.

6. Yale Richmond. *From Nyet to DA. Understanding the New Russia.* – New York, International Press (3-d edition). – P. 34-37; 102-105.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1.
Журналистика США и культурный плюрализм 3

И.Б. Архангельская
Американские печатные СМИ эпохи глобализации и культурного плюрализма: анализ онлайн-версий *The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today* (3-9 августа 2009 г.) 5

Наталья Голованова
Информационный мост Цинциннати-Харьков-Киев-Москва 21

Секция 2.
Становление культурного плюрализма в США в XVIII-XIX веках 25

М.М. Сиротинская
«Молодая Америка»: взгляд на городское сообщество (середина XIX в.) 27

Т.В. Алентьева
Диссидентство в литературе США (на примере Дж. Липпарда, 1822-1854) 37

Секция 3.
Пути развития плюрализма в американской культуре XX века 47

Н.А. Высоцкая
Культурный плюрализм как эстетическая проблема 49

И.С. Алёнин
Диалог конфессий в американской литературе как проявление религиозного плюрализма 60

М.А. Зайцева
Формирование мировоззрения Максвелла Андерсона: среда, события, люди 72

Ирина Кудрявцева
Гражданская война как аспект художественной тематики новеллистики писателей юга США XX века 83

С.С. Бодрунова
Новый формализм и «поэтические войны» в американской поэзии рубежа веков 94

Секция 4.
Этнические литературы США 107

И.М. Удлер
От slave narrative к neo-slave narrative 121

Я.В. Сорокина
Образ Плакальщицы (La Llorona) в современной культуре чикано 131

Фирдес Димитрова
Познать культуру белых через их сады (на материале романа Л. М. Силко “Сады в дюнах”) 141

М.В. Переверзева
Мультикультурализм в американской музыке XX века 149

Секция 5.
Гендерная составляющая культурного плюрализма 159

Л.Г. Михайлова
Телесериал «Доктор Куин, женщина-врач» (Dr. Quinn, Medicine Woman,1993-1998): отображение изменения гендерных ролей в США последней четверти XIX века ... 161

Т.Е. Комаровская
Пределы Добра и пределы Зла: две книги Джейн Гамильтон 164

В.Г. Прозоров
Роман Д. Евгенидиса «Средний пол» (2002) в контексте гендерного плюрализма постмодернистской культуры 173

Любовь Первушина
Женщина как Субъект в современной американской истории и литературе 179

Секция 6.
Фантастическая образность в искусстве: пути воспитания толерантности 189

Л.Г. Михайлова
Преодоление оппозиции “свой-чужой” в научной фантастике: этапы эволюции и современное состояние 191

Секция 7.
Взаимовлияние мировой и американской культуры 203

Андрей Левицкий
Названия городов США: плюрализм или глобализация? 205

Е.В. Юшкова,
Айседора Дункан и концепция диалогизма 215

Е.В. Чернецова
Фаустовские мотивы в романе Н. Мейлера «Замок в лесу» 225

Н.С. Кузнецова
«Успех», переосмысленный В. Набоковым и система его ценностей 232

Н.С. Кузнецова
«Двуакцентность» американского творчества В. Набокова (на примере романа ««Пнин») 245

Секция 8.
«Канадская мозаика» как феномен культурного самосознания эпохи глобализации 259

Илья Соков
Политика мультикультурализма – исторически обусловленная необходимость развития канадского общества во второй половине XX века 261

Е.Ф.Овчаренко
“Русский взгляд” на “канадскую мозаику” (о повести Юрия Кондратьева “Канада. Газетный мальчик”) 272

Круглый стол
«Образ России и образ Америки» 279

И.В. Быстрова
Лидер к лидеру, человек к человеку: личный аспект взаимоотношений «Большой тройки» в 1941-1945 гг.... 291

А.Л. Баскина
Навыки противостояния: Принципы воспитания детей в американской семье 300

CONTENTS

Section1.
Journalism and Cultural Pluralism in the USA 3

Irina B. Arkhangelskaya,
American Print Media in the Age of Globalization
and Cultural Pluralism: Analysis of *The New York Times, The Wall Street Journal, and USA Today*
Online Versions (Aug. 03 – 09, 2009) 16

Natalia Golovanova
Information Bridge Cincinnati-Kharkiv-Kiyiv-Moscow..... 23

Section 2.
Pluralism in the Making in American Culture of the 17-19th Centuries 25

Maria. Sirotinskaya
"Young America": View of the Urban Society in the
mid-19th Century 33

T.V. Alentyeva
Dissidence in the American Literature in 19-th Century
(on the example of George Lippard, 1822-1854) 43

Section 3.
Development of Pluralism in the USA of the 20th Century 47

Natalia Vysotska
Cultural Pluralism as a Problem of Aesthetics 56

Igor Alenin
Dialogue between Christian confessions
in American literature of XX-century as a manifestation
of religious pluralism 68

Marina Zaitzeva
The Formation of Maxwell Anderson's Outlook:
Places, Events, People 79

Irina Kudriavtseva
The Civil War as a Thematic Aspect in the 20th
Century Southern Short Story 91

Svetlana Bodrunova
New Formalism and Poetic Wars in American
Poetry of the late 20th century 105

Section 4.
Ethnic Components in Cultural Pluralism 107

Tunde Adeleke
Black Essentialism and the Challenges of Cultural
Pluralism/Multiculturalism 109

I.M. Udler
From Slave Narrative to Neo-Slave Narrative 128

Yana Sorokina
La Llorona in Contemporary Chicano Culture 138

Firdes Dimitrova
Perception of White People Culture through their
Gardens (Leslie Silko's Gardens in the Dunes) 146

Marina Pereverzeva
Multiculturalism in American Music of the 20th Century 152

Section 5.
Gender Studies 159

Larisa Mikhaylova
TV Series Dr. Quinn, Medicine Woman (1993-1998)
Reflecting the End of the 19th Century Change
in Gender Roles 163

Tatyana Komarovskaya
The Boundaries of Good and Evil: Two Books by Jane Hamilton 171

Vladimir Prozorov
Jeffrey Eugenidis's Novel "Middlesex" (2002) in the Context of Gender Pluralism of Postmodern Culture 177

Lyubov Pervushina
Woman as a Subject in Contemporary US History and Literature 184

Section 6.
Fantastic in the Arts: Ways to Create Tolerance 189

Larisa Mikhaylova
Overcoming the Opposition of The Other in Science Fiction: Evolution and Present State 200

Section 7.
Interaction of American and World Culture 203

Andrei Levitsky
Names of the US Cities: Is It a Case of Pluralism or Globalization? 211

Elena Yushkova
Isadora Duncan and the concept of dialogism 221

Ekaterina Chernetsova
Faustian motives in the novel of Norman Mailer The Castle in the Forest 230

Natalia Kuznetsova
"Success" Reinterpreted by V. Nabokov and the System of His Values 241

Natalia Kuznetsova
"Double-accenting" in V. Nabokov's American Novels «Pnin» 256

Section 8.
Canadian Cultural Mozaic 259

Ilya Sokov
The Policy of Multiculturalism as The Historical Neccessity of Canadian Society's Development In the Second Half of the 20th Century 268

Elena Ovcharenko
Russian View at Canadian Mosaic (about the novel Canada. Paperboy by Yuri Kondratiev) 277

Round Table Discussion
Imprints: Image of Russia and Image of America 279

Jess V. Frost
Friends Instead of Enemies: A Short History of Vancouver's Chkalov Monument 281

Irina Bystrova
Leader to leader, people to people: The personal side of relations of the "Big Three" in 1941-1945 295

Ada Baskina
Skills of Resilience: Education and Upbringing principles in American Family 305

УКАЗАТЕЛЬ

Алёнин И. С. 60
Алентьева Т. В. 37
Архангельская И. Б. 5

Баскина Ада 300
Бодрунова С. С. 94
Быстрова И. В. 291

Высоцкая Н. А. 49

Голованова Наталья 21

Димитрова Фирдес 141

Зайцева М. А. 72

Комаровская Т. Е. 164
Кудрявцева Ирина 83
Кузнецова Н. С. 232, 245

Левицкий Андрей 205

Михайлова Л.Г. 161, 191

Овчаренко Е. Ф. 272

Первушина Любовь 179
Переверзева М. 149
Прозоров В. Г. 173

Сиротинская М. М. 27
Соков Илья 261
Сорокина Я. В. 131

Удлер И. М. 121

Чернецова Е. В. 225

Юшкова Е. В. 215

INDEX

Adeleke Tunde 109
Alenin Igor 68
Alentyeva T.V. 43
Arkhangelskaya Irina, 16

Baskina Ada 305
Bodrunova Svetlana 105
Bystrova Irina 295

Chernetsova Ekaterina 230

Dimitrova Firdes 146

Frost Jess V 281

Golovanova Natalia 23

Komarovskaya Tatyana 171
Kudriavtseva Irina 91
Kuznetsova Natalia 241, 256

Levitsky Andrei 211

MikhaylovaLarisa 163, 200

Ovcharenko Elena 277

Pereverzeva Marina 152
Pervushina Lyubov 184
Prosorow Vladimir 177

Sirotinskaya Maria 33
Sokov Ilya 268
Sorokina Yana 138

Udler I. M. 128

Vysotska Natalia 56
Yushkova Elena 221

Zaitseva Marina 79

Материалы XXXV Международной конференции
Плюрализм в культуре США:
литература, история, искусство
Москва, 11-18 декабря 2009 г.

Lomonosov Moscow State University,
Journalism Department
Russian Society of American Culture Studies
Materials of the XXXVth International Conference
Cultural Pluralism: History,
Literature, Art
December 11-18, 2009

Компьютерная верстка
Л.М. Лосева

Заказ № 508. Тираж 100 экз.

Издательство факультета журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
УПЛ факультета журналистики МГУ
125009, Москва, ул. Моховая, 9